U 86/551

I. Шницлеръ.

Ростопчинъ и Кутузовъ.

Россія въ 1812 году.

Перев. съ предисловіемъ и примѣчаніями
А. Ельницкаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1912 г.

И 86/557

І. Шницлеръ.

РОСТОПЧИНЪ и КУТУЗОВЪ.

Россія въ 1812 году.

Перев. съ предисловіемъ и примѣчаніями
А. Ельницкаго.

Публичная библиотека
Музей
Ленинград
Ф-38683

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1912 г.

Типографія „Лучъ“, С.-Петербургъ, Пряжка, д. № 30.

2007041339

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

До самаго послѣдняго времени, хотя Россіей и интересовались за границей, но знали ее тамъ до обиднаго, до смѣшного мало. Иностранному автору, дерзавшему писать о Россіи, прощалось многое, прощались даже такія вещи, которыя по отношенію ко всякой другой странѣ были бы совершенно немыслимы. Все это давно уже стало общимъ мѣстомъ, и мы считаемъ лишнимъ иллюстрировать нашу мысль. Скажемъ здѣсь лишь о томъ, что еще недавно можно было прочесть у К. Гамсуна, въ описаніи его путешествія по Россіи, не мало такихъ курьезныхъ открытій изъ русской жизни, которыя лишь вызывали улыбку на лицѣ читателя и напоминали ему о томъ добромъ старомъ времени, когда незнакомые съ дѣйствительной Россіей иностранные писатели не смущались пускать бѣлыхъ медвѣдей свободно разгуливать по улицамъ нашихъ столицъ, заставляли русскихъ «подъ развѣсистой клюквой» ѣсть самовары и т. п. и т. п.

Книга Шницлера въ этомъ отношеніи представляетъ исключеніе изъ общаго правила. Она написана, правда, не очевидцемъ излагаемыхъ въ ней событій, но во всякомъ случаѣ человѣкомъ, который имѣлъ возможность познакомиться съ Россіей и на основаніи показаній свидѣтелей-очевидцевъ. Быть-можетъ именно потому, что автору ея приходилось

излагать не собственныя наблюденія, или, лучше сказать, не отсебятину «и къ былямъ небылицъ безъ счету прибавлять,» но онъ принужденъ былъ довольствоваться показаніями другихъ авторовъ, сопоставлять противорѣчивыя показанія очевидцевъ и устанавливать такимъ путемъ истинную картину событій; быть можетъ, именно благодаря этому, его книга даетъ въ общемъ вѣрную картину событій 1812 года и правдивыя характеристики дѣйствовавшихъ въ ту эпоху лицъ. Авторъ пользовался для своего труда не только воспоминаніями своихъ соотечественниковъ, побывавшихъ въ годину отечественной войны въ Россіи, не только изслѣдованіями о компаніи 1812 года заграничныхъ историковъ и писателей, но, что особенно слѣдуетъ отмѣтить, какъ наиболѣе цѣнное въ его книгѣ, онъ пользовался для своего изслѣдованія всѣмъ, что по этому поводу было опубликовано въ самой Россіи.

Благодаря этому ему удалось избѣжать односторонности въ освѣщеніи событій и достигнуть въ этомъ отношеніи почти полной объективности. Мы говоримъ «почти полной,» такъ какъ нѣкоторыхъ промаховъ ему все-таки не удалось избѣжать; нѣкоторую дань патріотизму, преклоненію передъ геніемъ Наполеона и его великой арміей онъ все-таки заплатилъ, но всѣ эти промахи и недочеты не отзываются серьезно на содержаніи его книги; они довольно безобидны и способны лишь заставить иронически улыбнуться русскаго читателя.

Мы не станемъ здѣсь излагать содержанія самой книги, такъ какъ оно довольно точно отвѣчаетъ ея заглавію. Скажемъ лишь, что эта тема въ свое время особенно сильно занимала общественное мнѣніе всей Европы, на которую событія 1812 года

произвели самое ошеломляющее впечатлѣніе. Интересъ этотъ былъ настолько великъ, что всякая книжка, трактовавшая о Московскомъ пожарѣ, о его виновникахъ, о дѣятельности русской арміи и ея главнокомандующаго расходилась во многихъ тысячахъ экземпляровъ и выдерживала по нѣсколько изданій. Особенно же сильно была заинтересована вся Европа личностью гр. Ѳ. В. Ростопчина. Вѣдь пожаръ Москвы, съ одной стороны, былъ прямо неслыханной вещью, которая совершенно не укладывалась въ мозгу западно-европейскаго бюргера, а съ другой—это былъ первый мощный ударъ, нанесенный грозѣ всей Европы—Наполеону и положившій, наконецъ, предѣлъ его завоевательнымъ порывамъ.

Съ легкой руки самого Наполеона этотъ пожаръ былъ приписанъ, не только въ западной Европѣ, но и въ самой Россіи, тогдашнему московскому главнокомандующему Ѳ. В. Ростопчину и надолго упрочилъ за нимъ эту славу. Въ Европѣ въ то время имя Ростопчина было буквально у всѣхъ на устахъ; его портреты расходились тамъ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ ; его самого милостиво допускали къ себѣ коронованныя особы, а толпы зѣвакъ довольно долго не давали покоя нашему прославившемуся соотечественнику, когда онъ, выйдя въ 1814 г. въ отставку, рѣшилъ покинуть Россію, гдѣ какъ разъ къ его заслугамъ относились довольно скептически, начиная отъ самого московскаго населенія и кончая Александромъ I, и обосноваться на время за границей.

«Никто не можетъ быть пророкомъ въ своемъ отечествѣ», могъ бы не безъ основанія сказать по этому поводу самъ Ѳ. В. Ростопчинъ, но вся бѣда

въ томъ, что онъ и самъ далеко не считалъ себя такимъ пророкомъ.

Онъ, правда, страстно желалъ сжечь Москву передъ самымъ носомъ Наполеона; съ этимъ планомъ онъ постоянно носился, начиная съ того времени, какъ русскіе уступили надвигавшемуся непріятелю Смоленскъ, и становилось мало-по-малу яснымъ для всякаго сколько-нибудь дальнозоркаго человѣка, что та же участь ожидаетъ и Москву. Но одного страстнаго желанія Ростопчина, несмотря на весь его пылкій и стремительный характеръ, было все же недостаточно, чтобы окончательно заставить его рѣшиться на такую необычайную мѣру самообороны, какъ сожженіе столицы, и взять на себя всю отвѣтственность за нее.

Тѣ полномочія, которыми надѣлилъ въ 1812 г. Ростопчина Александръ I, правда, весьма обширныя, все же были недостаточны, и Ростопчинъ самъ лучше всѣхъ другихъ понималъ и чувствовалъ это.

Онъ пробовалъ было заговаривать объ этомъ съ самимъ государемъ, когда послѣдній еще въ іюлѣ 1812 г. посѣтилъ Москву, но Александръ Павловичъ, повидимому, сознательно уклонился отъ обсужденія цѣлесообразности подобной мѣры; пробовалъ Ростопчинъ предлагать свой фантастическій до ужаса планъ главнокомандующему русской арміей кн. Кутузову, разсчитывая, что тотъ рѣшится раздѣлить съ нимъ отвѣтственность, но Кутузовъ оказался даже противникомъ этой мѣры. Не возражая прямо Ростопчину, онъ просто постарался убаюкать его увѣреніями, что Москва ни въ какомъ случаѣ не будетъ отдана непріятелю и, слѣдовательно, въ сожженіи ея не предвидится надобности. Не встрѣчалъ, наконецъ, отклика своимъ планамъ Ростопчинъ и въ средѣ остальныхъ обще-

ственныхъ дѣятелей того времени. Одни изъ нихъ пожимали плечами въ отвѣтъ на его слова, другіе считали ихъ просто дикой выходкой, какихъ немало приходилось имъ и раньше слышать изъ устъ словоохотливаго и энергичнаго московскаго главнокомандующаго.

Ростопчинъ, такимъ образомъ, былъ предоставленъ въ этомъ вопросѣ самому себѣ. Но это былобы для него еще полъ-бѣды. Онъ, пожалуй, и при этихъ условіяхъ рѣшился бы на осуществленіе своего проэкта, если бы позади у него не было почти 11-ти лѣтняго устраненія отъ дѣлъ.

Сойдя со сцены незадолго до смерти императора Павла I, онъ вплоть до средины 1812 года долженъ былъ оставаться не у дѣлъ, несмотря на всѣ свои стремленія приблизиться къ новому государю и вопреки потребностямъ самой его кипучей и дѣятельной натуры.

«Безъ дѣла и безъ скуки
Сижу, поджавши руки»

любилъ съ ѣдкой ироніей говорить онъ о самомъ себѣ; не слѣдуетъ однако ни въ коемъ случаѣ думать, что къ своему вынужденному бездѣлью онъ относился совершенно равнодушно.

Дѣло обстояло, конечно, далеко не такъ. Неудачи всѣхъ попытокъ пробиться снова къ верху общественной пирамиды сильно задѣвали его самолюбіе, въ особенности, когда онъ видѣлъ, что предпочтеніе отдается молодымъ государемъ всякимъ, съ его точки зрѣнія, молокососамъ или же выскочкамъ, вродѣ, напримѣръ, Сперанскаго.

Достаточно умный отъ природы, онъ, конечно, не могъ не понять, что отъ Александра I его отдѣляетъ прежде всего глубокая разница обществен-

ныхъ идеаловъ и взглядовъ почти по всѣмъ кореннымъ вопросамъ русской жизни. Къ чести его надо сказать, что подлаживаться ко взглядамъ монарха онъ считалъ все-таки ниже своего достоинства, но не считаться съ ними онъ, разумѣется, не могъ.

И вотъ, когда общественная волна всеобщаго воодушевленія и увлеченія патріотизмомъ выдвинула его снова на отвѣтственный постъ, онъ ухватился за эту неожиданно открывшуюся для него возможность выйти изъ своего «бездѣлья», сблизиться съ Александромъ Павловичемъ и заручиться расположеніемъ послѣдняго, какъ пользовался онъ расположеніемъ его отца.

Какъ бы громко самъ Ростопчинъ ни заявлялъ о своей миссіи спасти Москву и Россію, все же главнымъ и руководящимъ стимуломъ его дѣятельности на посту московскаго главнокомандующаго было—войти въ довѣріе Александра I. Именно поэтому, несмотря на широту предоставленныхъ ему полномочій, онъ предпочиталъ почти по всѣмъ болѣе или менѣе важнымъ вопросамъ своей дѣятельности узнавать предварительно мнѣніе государя, чтобы не разойтись съ нимъ рѣзко въ характерѣ мѣропріятій. И когда, передъ оставленіемъ Москвы французамъ, Ростопчину пришлось окончательно рѣшить вопросъ о судьбѣ столицы, онъ не могъ, разумѣется, не считаться въ своихъ размышленіяхъ съ тѣмъ, какъ отнесется къ подобному его поступку Александръ I. Слѣдуетъ также сказать, что Ростопчинъ имѣлъ много основаній предугадывать отношеніе государя къ такому сверхъ-героическому средству, какъ пожаръ Москвы. Послѣдующее отношеніе Александра Павловича, который раздѣлялъ со всѣми общее убѣжденіе, что московскій пожаръ—дѣло рукъ Ростопчина,—лишь подтвердило

догадки московскаго главнокомандующаго и оправдывало его нерѣшительность.

И Ростопчинъ такъ и покинулъ Москву, не приведя въ исполненіе своихъ намѣреній. Все, что рѣшился онъ предпринять въ этомъ отношеніи, сводилось лишь къ тому, что онъ приказалъ вывезти изъ столицы всѣ пожарныя трубы и насосы да въ камины обоихъ своихъ московскихъ домовъ заложить заряды пороха. Первое изъ только что указанныхъ мѣропріятій, безъ сомнѣнія, оказало значительное вліяніе на распространеніе и силу Московскаго пожара, но само по себѣ, взятое въ отдѣльности, оно, конечно, не могло сжечь Москвы.

Въ этой оцѣнкѣ дѣятельности Ростопчина мы расходимся съ авторомъ этой книги, который считаетъ возможнымъ, оцѣнивъ всѣ существовавшія на этотъ счетъ показанія свидѣтелей-очевидцевъ и опубликованные до изданія его книги историческіе матеріалы и документы, склониться къ выводу, что роль Ростопчина въ этомъ трагическомъ эпизодѣ была болѣе активной. Но, расходясь съ авторомъ въ оцѣнкѣ этой роли московскаго главнокомандующаго, мы все же должны сказать, что онъ имѣлъ много основаній сдѣлать соотвѣтствующій выводъ. Нельзя сказать, чтобы его заключеніе было голословно, или повторяло безъ критики чужія слова.

Правда, онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи тѣхъ документовъ, которые опубликованы по этому вопросу въ Россіи въ настоящее время, но въ сущности даже и теперь, и при новомъ освѣщеніи этого событія исторической критикой, многія детали Московскаго пожарища остаются спорными... Поэтому, даже и не соглашаясь съ авторомъ, мы должны признать, что онъ защищаетъ взгляды, которые и по сію пору продолжаютъ находить своихъ

приверженцевъ. И въ то же время въ книгѣ Шницлера цѣнно то, что онъ вводитъ читателя въ кругъ всѣхъ противорѣчивыхъ мнѣній, слуховъ, догадокъ и свидѣтельствъ, какіе существуютъ, какъ по вопросу о московскомъ пожарѣ, такъ и по ряду другихъ болѣе или менѣе спорныхъ вопросовъ русской исторіи.

Предлагаемый читателю переводъ представляетъ въ сущности лишь часть труда г. Шницлера, ту именно часть, которая охватываетъ событія отечественной войны или же служитъ непосредственнымъ введеніемъ къ нимъ. Останавливаясь особенно подробно на личности гр. Ростопчина, авторъ удѣляетъ въ началѣ книги свое вниманіе той быстрой карьерѣ, которую прошелъ при Павлѣ I этотъ русскій вельможа, и попутно даетъ довольно яркую характеристику всего царствованія предшественника Александра Павловича. Мы надѣемся, что читатель прочтетъ съ интересомъ эти страницы книги Шницлера и не посѣтуетъ какъ на это, такъ и на рядъ другихъ его отступленій отъ основной темы.

Удѣляя главное вниманіе Ѳ. В. Ростопчину, авторъ настоящей книги все же достаточно подробно останавливается, какъ на дѣятельности, такъ и на самой личности главнокомандующаго русскими арміями кн. Кутузова, чтобы у читателя могло составиться вполнѣ ясное и отчетливое представленіе обо всемъ этомъ. Мы уже указывали, что онъ въ сущности чуждъ обычнаго шовинизма иностранныхъ историковъ, изъ которыхъ очень многіе страдаютъ своеобразнымъ дальтонизмомъ, привыкнувъ разсматривать историческія событія лишь черезъ патріотическую призму. Что касается русской арміи и ея руководителей,—Шницлеръ вообще стоитъ выше подобныхъ упрековъ, но зато по отношенію

къ болѣе близкой его сердцу французской арміи онъ не всегда выказываетъ достаточное безпристрастіе. Но подобные недочеты, какъ ужъ говорили выше, не такъ ужъ часты и не такъ значительны, чтобы отразиться на достоинствѣ книги.

Исправленіе кое-какихъ недосмотровъ и неточныхъ указаній фактическаго характера читатель найдетъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, составленныхъ нами на основаніи русскихъ источниковъ, которые не могли быть вовсе извѣстны Шницлеру, когда онъ работалъ надъ своимъ трудомъ.

Чтобы не дѣлать книгу тяжеловѣсной, благодаря постояннымъ ссылкамъ на источники, мы сознательно устранили ихъ изъ настоящаго изданія, такъ какъ оно предназначается не для спеціалистовъ-историковъ, а для болѣе широкой аудиторіи читающей русской публики, интересующейся событіями отечественной исторіи и желающей возобновить въ своей памяти въ связной и доступной формѣ тотъ циклъ событій, столѣтнюю годовщину которыхъ собирается праздновать Россія.

Здѣсь же мы считаемъ нужнымъ лишь указать, или, вѣрнѣе, перечислить главные изъ тѣхъ трудовъ и историческихъ работъ, которыми пользовался Шницлеръ при составленіи своей книги.

Изъ иностранныхъ источниковъ имъ были использованы для этой цѣли: «Воспоминанія гр. Толля», изданныя г. Бернгарди; дневникъ генерала Р. Вильсона, изданный впослѣдствіи подъ заглавіемъ «Разсказъ о вторженіи Наполеона Бонапарта въ Россію,» «Дипломатическая переписка I. де-Местра,» собранная г. А. Бланкомъ; Домергъ «Россія въ эпоху войнъ Имперіи 1805—1815 гг.»; Тьеръ, «Исторія Консульства и Имперіи» и др.

Изъ русскихъ же историческихъ сочиненій авторъ пользовался трудами Михайловскаго-Данилевскаго, Богдановича, Б. Каменскаго, Полторацкаго и мн. другихъ.

А. Ельницкій.

ГЛАВА I.

Происхожденіе, юношескіе годы и начало служебной карьеры Ростопчина въ качествѣ любимца Павла I и министра иностранныхъ дѣлъ.

Изъ четырехъ любимцевъ Павла I *), пользовавшихся извѣстностью, тотъ, о которомъ мы намѣрены говорить здѣсь, является, конечно, наиболѣе замѣчательнымъ. И, дѣйствительно, онъ возбудилъ всемірный интересъ. Мало того, что его имя тѣсно сплетено съ событіемъ необычайной важности и отнынѣ вписано огненными буквами на страницы исторіи, онъ самъ по себѣ является столь выпуклой, оригинальной и поражавшей всеобщее воображеніе фигурой русскаго вельможи, что не было даже никакой нужды въ колоссальномъ московскомъ пожарѣ 1812 года, чтобъ какъ слѣдуетъ освѣтить его. Эта катастрофа, главнымъ творцомъ и виновникомъ которой онъ является, и которая его прославила, побудила однихъ называть его поджигателемъ и лютымъ татариномъ, даже негодяемъ, какъ кратко величалъ его самъ Наполеонъ, заявившій въ одномъ изъ своихъ бюллетеней, что ему кажется, «будто Ростопчинъ сошелъ съ ума.» И въ то же время эта катастрофа приводила въ восторгъ многихъ дру-

---

*) Трое другихъ были: Кутайсовъ, Паленъ и Аркачеевъ. Прим. перев.

гихъ, какъ, напр., ген. Филиппа де-Сегюръ, не находившаго достаточно похвалъ по адресу ея виновника. Во всякомъ случаѣ это событіе обезпечило ему вполнѣ почетное мѣсто среди тѣхъ немногихъ дѣятелей, благодаря энергіи и своевременно принятымъ рѣшеніямъ которыхъ было предотвращено наступленіе событій, чреватыхъ послѣдствіями; обезпечило, даже несмотря на то, что онъ самъ, по не вполнѣ понятнымъ мотивамъ, громогласно отклонилъ отъ себя столь великую честь и впослѣдствіи предпочелъ, скорѣе по побужденіямъ ума, чѣмъ такта, выдвинуть все то, что было рѣзкаго въ его характерѣ, эксцентричнаго и причудливаго въ его вкусахъ, страннаго и даже смѣшного въ его мысляхъ, какъ бы для того, чтобы такимъ образомъ избѣгнуть трагическаго впечатлѣнія, производимаго его именемъ со дня осуществленія имъ великаго акта, сожженія Москвы, явившагося героическимъ средствомъ противъ ужаснаго несчастья.

Ростопчинъ, дѣйствительно, не гнался за ореоломъ, которымъ его съ самого начала увѣнчала исторія: славѣ героя онъ предпочелъ репутацію блестящаго салоннаго кавалера, съ умомъ столь же замѣчательнымъ, сколь и страннымъ. Эти качества на самомъ дѣлѣ нашли въ немъ, когда онъ прибылъ въ Парижъ и тамъ обосновался на нѣкоторое время. Тамъ чудовищный поджигатель и свирѣпый татаринъ превратился въ человѣка любезнаго и остроумнаго. Съ другой стороны, онъ безъ сомнѣнія, доказалъ, что сыны Москвы, вопреки всѣмъ обычнымъ эпитетамъ, которыми ихъ награждали, не лишены достоинствъ, даже преимущественно французскихъ, обезсмертившихъ со времени Фонтенелля, Вольтера и многихъ другихъ наше право на изысканный языкъ и удачныя остроты.

Ростопчинъ дорожилъ этой славой. Его «Воспоминанія, написанныя въ десять минутъ» могутъ служить доказательствомъ этого. Справедливо полагаютъ, что эти быстро набросанныя строки «сѣвернаго варвара» представляютъ настоящій шедевръ, полный аттической простоты, здраваго смысла и неуловимой граціи. По мнѣнію же другихъ, они являются «милой шуткой.»

Впрочемъ, Ростопчинъ не оставался безучастнымъ къ тому, въ какомъ обликѣ онъ предстанетъ предъ будущимъ историкомъ. Это засвидѣтельствовано всѣмъ содержаніемъ его брошюры «Правда о пожарѣ Москвы въ 1812 г.», а также слѣдующимъ отрывкомъ, который мы приводимъ ниже, и который явно предназначенъ служить матеріаломъ для будущихъ историковъ и біографовъ.

«Ничуть не обижаясь на глупую болтовню, которой меня такъ охотно награждали разнаго рода писаки, я хочу самъ изложить здѣсь свое служебное положеніе. Я былъ офицеромъ гвардіи и камеръ-юнкеромъ въ царствованіе императрицы Екатерины II; генералъ-адъютантомъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ и главнымъ директоромъ почтамта при императорѣ Павлѣ I; оберъ-камергеромъ и главнокомандующимъ города Москвы и московской губ. при императорѣ Александрѣ I. Что касается моего происхожденія, то, рискуя вызвать негодованіе всѣхъ глупцовъ, я долженъ сказать, что родоначальникъ нашей фамиліи, поселившійся въ Россіи болѣе трехъ столѣтій тому назадъ, происходитъ по прямой линіи отъ одного изъ сыновей Чингизъ-Хана.»

Происхожденіе нашего героя, которое онъ приписываетъ своему генелогическому дереву въ только

что приведенномъ отрывкѣ, заслуживало бы иного отношенія, если бы его можно было принять въ серьезъ. Но не вытекаетъ ли оно изъ его легковѣрія или хвастовства? и не издѣвается ли надъ читателемъ нашъ хитрый москвичъ, выдавая себя за потомка великаго Темучина, прозваннаго Чингизъ-Ханомъ, т. е. непобѣдимымъ? Не является ли это признаніе тонко задуманной местью всѣмъ тѣмъ, кто съ такой любезностью величалъ его лютымъ татариномъ. Мы очень охотно приняли бы это признаніе, если бы человѣческая душа не была такъ сложна, и если бы непослѣдовательность не была столь распространенной среди людей вещью. Тщеславіе такъ сильно распространено среди насъ, что не было бы ничего удивительнаго, если бы человѣкъ, претендующій быть философомъ и явно отвергающій всякую мелочную славу, присвоилъ себѣ фамильныя традиціи, фиктивныя или дѣйствительныя, чтобы сравняться съ тѣми, которые по происхожденію своему превосходили или даже, быть можетъ, затмевали его, вызывая тѣмъ въ немъ тайную зависть. Никто вѣдь не изслѣдовалъ вполнѣ глубинъ человѣческаго сердца: это—та пропасть, въ которой теряются всѣ противорѣчія, какъ наиболѣе смѣшныя, такъ и наиболѣе поражающія.

Но какъ бы тамъ ни было, славное происхожденіе, на которомъ настаивалъ самъ Ростопчинъ, не было единственной версіей, распространенной въ народной массѣ. Всѣ лица, отмѣченныя печатью исторіи, какъ намъ кажется, нуждаются, чтобы оправдать занятое ими положеніе, въ какомъ-либо царственномъ ореолѣ, который долженъ ихъ возвысить надъ рядами обыкновенныхъ смертныхъ, надъ головами народной толпы, надъ всѣми, и великими и ничтожными, незамѣтными и блистатель-

ными, хотя бы на самомъ дѣлѣ они происходили изъ тѣхъ же рядовъ. Вотъ что утверждаетъ Домергъ, писатель не особенно извѣстный, но, быть можетъ, болѣе другихъ удѣлявшій вниманія Ростопчину, благодаря вліянію, которое тотъ оказалъ на его собственную судьбу. «Въ Россіи, говорилъ онъ намъ, очень распространено мнѣніе, пользующееся общимъ довѣріемъ, что существуетъ тѣсное родство между Ростопчинымъ и императоромъ Павломъ I.» Не подразумѣвалъ ли подъ этимъ Домергъ, что нашъ герой является сыномъ упомянутаго императора? Но наслѣднику Екатерины II въ моментъ рожденія Ростопчина было не болѣе 11 лѣтъ; онъ, слѣдовательно, долженъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности въ появленіи на свѣтъ лица, интересующаго насъ въ данный моментъ и предназначеннаго судьбой сравняться съ нимъ самимъ въ эксцентричности. Къ тому же мать Ростопчина жила все время въ далекой провинціи и не имѣла общенія со дворомъ, а его отецъ, жившій еще въ 1812 г., имѣлъ всего лишь чинъ маіора, что, какъ намъ кажется, плохо вяжется съ представленіемъ о царскомъ воздаяніи дворянину, который пожелалъ-бы покрыть своимъ именемъ увлеченіе императора.

Принимая все это во вниманіе, мы должны признать, что Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ былъ по происхожденію дворяниномъ, но безъ примѣси болѣе знатной крови. Онъ появился на свѣтъ 23 марта 1765 года возлѣ города Ливны Орловской губ. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ въ миніатюрѣ» онъ самъ считаетъ днемъ своего рожденія 12-е марта, но это по старому стилю. Онъ прибавляетъ: «Меня измѣрили, меня взвѣсили, меня крестили. Я родился, не знаю зачѣмъ, и мои родители благодарили небо, не знаю а что.» Вся первая глава его

воспоминаній состоитъ изъ такихъ шутливыхъ изрѣченій. Болѣе существенныя данныя приведены имъ во II главѣ, изъ которой мы заимствуемъ слѣдующее: «Меня обучали сразу цѣлой кучѣ вещей и разнымъ языкамъ. Благодаря тому, что я обладалъ нѣкоторой долей безстыдства и шарлатанства, меня принимали порой за мудреца. Моя голова скоро превратилась въ разрозненную библіотеку, ключъ отъ которой хранился у меня.»

Все это свидѣтельствуетъ, что молодой дворянинъ получилъ довольно тщательное для своего времени воспитаніе и съумѣлъ превосходно имъ воспользоваться; онъ получилъ знакъ отличія при окончаніи какъ кадетскаго, такъ и пажескаго корпуса въ С.-Петербургѣ, куда, по обычаю того времени, помѣстилъ его отецъ *). Его блестящія способности и рѣдкій умъ свидѣтельствовали объ особенныхъ дарованіяхъ его натуры. Можно судить о нихъ на основаніи показаній массона, автора «Тайныхъ мемуаровъ о Россіи», изданныхъ впервые въ 1800 г., т. е. въ то время, когда Ростопчинъ дѣйствительно уже былъ графомъ и любимцемъ своего государя. Повѣствуя о происхожденіи этой благосклонности, авторъ тайныхъ мемуаровъ намекаетъ на обыденныя эксцентричности Павла и говоритъ, что для сохраненія расположенія императора Ростопчину «приходится отказываться отъ трехъ четвертей своего ума и наполовину отъ самого себя.

---

*) Къ сожалѣнію, авторъ ошибается въ данномъ случаѣ привыкнувъ мѣрять вещи на свой французскій аршинъ, на самомъ дѣлѣ Ѳ. В. Ростопчинъ получилъ лишь домашнее воспитаніе и прошелъ обычную для того времени дворянскую карьеру, будучи еще 10 лѣтъ записанъ въ Лейбъ-Гвардейскій Преображенскій полкъ, а въ 1775 г. назначенъ пажемъ императрицы.

Прим. перев.

Всѣмъ извѣстно, какую слабость питала великая государыня Екатерина II къ людямъ выдающагося ума. Безъ сомнѣнія, именно это достоинство за неимѣніемъ другихъ, зарекомендовало въ ея глазахъ молодого провинціала. Произведенный къ 21 году въ поручики одного изъ гвардейскихъ полковъ, онъ добился также зачисленія въ камеръ-юнкеры императрицы. Спустя нѣкоторое время, онъ получилъ разрѣшеніе отправиться за границу, что можно съ одинаковымъ успѣхомъ считать какъ признакомъ немилости, такъ и заботой о развитіи его рѣдкихъ дарованій. Кажется, въ эту поѣздку Ростопчинъ познакомился только съ Германіей *), столица которой приковала къ себѣ на нѣкоторое время его вниманіе, въ особенности благодаря радушному пріему, какой онъ нашелъ въ домѣ графа Румянцева, бывшаго вплоть до 1797 года министромъ русскаго посольства при разныхъ дворахъ того времени, а позднѣе министромъ иностранныхъ дѣлъ съ 1807 по 1814 г. и главой французской партіи въ Россіи. Этотъ вельможа, по истинѣ заслуживающій этого имени, казалось, очень благоволилъ къ молодому человѣку, способному поддержать честь ихъ общей родины, а благодаря его рекомендаціи, точно такъ же благосклонно отнеслось къ Ростопчину и остальное общество, которому онъ былъ тамъ представленъ.

---

*) Поѣздка Ростопчина за границу была довольно продолжительна. Помимо Германіи онъ посѣтилъ также Англію, гдѣ близко сошелся съ русскимъ посломъ гр. Воронцовымъ, который впослѣдствіи много помогъ Ростопчину на первыхъ шагахъ его карьеры. Въ Германіи Ростопчинъ старался пополнить свое скудное въ общемъ образованіе и довольно усердно занимался разными военными науками, а въ Лейпцигѣ даже посѣщалъ университетъ.

Прим. перев.

Однако заботы о собственной карьерѣ не позволили молодому россіянину долго пробыть за границей. Вскорѣ послѣ своего возвращенія въ С.-Петербургъ (около 1790 г.) онъ женился на Екатеринѣ Протасовой, одной изъ племянницъ или пріемныхъ дочерей графини Анны Степановны П., фрейлины и неразлучной подруги императрицы Екатерины II, исполнявшей, по свидѣтельству гр. Лагарда, всѣ интимныя порученія своей государыни. Тотъ же писатель прибавляетъ, что эту даму можно было еще видѣть во время европейскаго конгресса въ Вѣнѣ, до такой степени увѣшанную разнаго рода драгоцѣнностями, что получалось впечатлѣніе цѣлаго магазина ювелирныхъ издѣлій.

Но, несмотря на этотъ бракъ, Ростопчину не удалось заручиться особымъ расположеніемъ великой государыни, которая хотя и пользовалась по общему признанію репутаціей женщины незаурядnаго ума, но не была достаточно проникновенной *). «Обладая возвышенной душой, она, по наблюденіямъ Сегюра, обнаруживала лишь посредственную силу воображенія; ея бесѣды не производили впечатлѣнія чего-либо яркаго, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда она съ непринужденностью разговаривала объ исторіи и политикѣ.» Быть можетъ, какая-либо злая шутка дерзкаго офицера задѣла самолюбіе императрицы; быть можетъ, она смотрѣла съ неудовольствіемъ на ту привязанность, которую

*) Екатерина II окрестила Ѳ. В. Ростопчина довольно мѣткой кличкой „сумашедшаго Ѳедьки“, какимъ онъ дѣйствительно былъ и остался даже на высокихъ ступняхъ своей карьеры. Кличка эта была вызвана непосредственно той шутовской ролью, которую старался разыгрывать Ростопчинъ въ присутствіи императрицы, стараясь заслужить ея расположеніе.

Прим. перев.

молодой Ростопчинъ выказывалъ ея сыну-наслѣднику, внушавшему, какъ извѣстно, лишь отвращеніе своей матери и, благодаря этому, устраненному ею отъ дѣлъ. Ростопчинъ былъ прикомандированъ ко двору наслѣдника престола и вотъ по какому случаю, по словамъ Массона, пріобрѣлъ его положеніе. Великій князь Павелъ со всей своей многочисленной семьей жилъ обыкновенно вдали отъ большого двора, то въ гатчинскомъ, то въ павловскомъ дворцѣ; его окружала собственная свита, такъ называемый «малый дворъ,» а также спеціальные наблюдатели, на обязанности которыхъ лежало доносить императрицѣ-матери обо всемъ, что тамъ происходило. Ростопчинъ исполнялъ при наслѣдникѣ должность камергера. Съ одной стороны, чрезвычайное недовѣріе матери, а съ другой измѣнчивость характера, капризы и не меньшая подозрительность сына—дѣлали его положеніе очень щекотливымъ. Товарищи Ростопчина по должности, графъ Шуваловъ и князь Барятинскій, были также не особенно довольны своимъ положеніемъ, прекрасно сознавая, что достаточно одного слова, сказаннаго великой княгинѣ, или выраженія неудовольствія со стороны ея мужа по поводу слишкомъ моднаго костюма, чтобы погубить ихъ карьеру. Они поэтому подъ всяческими предлогами охотно уклонялись отъ исполненія своихъ обязанностей и часто притворялись больными. Однажды, въ 1794 г., когда Павелъ жилъ въ павловскомъ дворцѣ, Ростопчину пришлось довольно долгое время одному нести бремя обязанностей, и не находилось никого, кто бы могъ его смѣнить. Выйдя изъ терпѣнія и не желая расплачиваться за другихъ, онъ вздумалъ написать письмо гофмейстеру двора и приправилъ его изрядной дозой колкостей по адресу своихъ

провинившихся коллегъ. Павелъ, никогда не забывавшій трагической кончины своего отца, не могъ чувствовать особаго расположенія къ какому-то Барятинскому *), и ему достивило лишь удовольствіе прочесть сарказмы, которые допустилъ въ своемъ письмѣ молодой Ростопчинъ по адресу этого господина. Это письмо было также показано Екатеринѣ II и сперва вызвало искренній ея смѣхъ. Но оба камеръ-юнкера, надъ которыми смѣялись, конечно, обидѣлись и потребовали отвѣта отъ автора письма за тѣ рѣзкости, которыя онъ себѣ позволилъ по ихъ адресу. Дѣло возбудило много шума, говоритъ Массонъ; Барятинскій былъ посланъ въ армію, а Ростопчинъ удаленъ отъ двора на годъ. Но великій князь сталъ смотрѣть съ этихъ поръ на сосланнаго камеръ-юнкера, какъ на своего приверженца, и не пожелалъ впредь до его возвращенія пользоваться чьими бы то ни было услугами. И дѣйствительно, впродолженіе всей ссылки Ростопчина всѣ командируемые къ нему въ Гатчино камеръ-юнкера тотчасъ же отсылались обратно.

Не понравиться Екатеринѣ II и вызвать своимъ поступкомъ ея неудовольствіе—этого одного уже было достаточно для Ростопчина, чтобы зарекомендовать себя въ глазахъ Павла; но судьбѣ было угодно кромѣ-того, чтобы этотъ самый камеръ-юнкеръ находился возлѣ него въ торжественный моментъ, непосредственно предшествовавшій его восшествію на престолъ.

По словамъ Массона, онъ дѣйствительно вмѣстѣ съ гр. Шуваловымъ находилѣя еще при великомъ

---

*) Кн. Барятинскій, о которомъ упоминается въ текстѣ, былъ сыномъ приближеннаго къ Екатеринѣ Ѳедора Ивановича Б., извѣстнаго своимъ участіемъ въ заговорѣ, низвергшемъ Петра III съ престола.

князѣ въ тотъ день, когда въ Гатчину прискакали курьеры съ извѣстіемъ о смерти императрицы. И молодой государь тотчасъ же осыпалъ великими милостями обоихъ офицеровъ, которые первые поздравили его съ восшествіемъ на престолъ. Однако въ дѣйствительности событія протекали не совсѣмъ такъ. Что касается обстоятельствъ смерти Екатерины II, разсказъ Массона достаточно точенъ, но онъ не вполнѣ вѣренъ въ отношеніи движенія, происходившаго въ то время при дворѣ, и въ отношеніи поведенія самого великаго князя.

По поводу этихъ обстоятельствъ мы располагаемъ свидѣтельствомъ самого Ростопчина, отрывкомъ изъ его правдивыхъ «Воспоминаній», не тѣхъ, что онъ написалъ въ 10 минутъ, но другихъ, написанныхъ имъ на русскомъ языкѣ. Этотъ отрывокъ, который датированъ 15 ноября 1796 г. (ст. стиля), т. е. всего восьмью днями позже излагаемаго событія, появился въ печати не такъ давно и представляетъ изъ себя лишь частицу подлинной и, по всѣмъ видимостямъ, весьма интересной автобіографіи лица, которому посвящены настоящія строки. Напечатанный въ Лейпцигѣ въ 1858 г., онъ вошелъ въ составъ «Русскаго заграничнаго сборника.»

Мы не имѣемъ никакихъ основаній сомнѣваться въ достовѣрности разсказа, положеннаго въ основу этого замѣчательнаго отрывка, и такъ какъ онъ освѣщаетъ очень интересные и неизвѣстные до того времени историческіе факты, касающіеся не только отношеній Екатерины II и Павла I, но и самого Ростопчина, который выступалъ въ качествѣ дѣйствующаго лица, мы намѣрены подробно и детально остановиться на немъ.

Смерть великой государыни, по свидѣтельству всѣхъ ея біографовъ и историковъ, произошла 6-го

ноября 1796 г. (ст. стиля), однако Ростопчинъ считаетъ днемъ ея смерти 7-ое ноября, т. е. 18-ое, а не 17-ое по новому стилю, который повсюду принятъ въ этомъ трудѣ. Какую бы изъ этихъ датъ мы ни приняли, Екатерина II была поражена въ 7 часовъ утра апоплексическимъ ударомъ, въ тотъ моментъ, когда она собиралась войти въ самую уединенную часть своихъ аппартаментовъ; агонія, хотя и безъ особыхъ страданій, длилась до 11 часовъ вечера слѣдующаго дня, т. е. впродолженіи 36 часовъ. Событія, о которыхъ ниже мы поведемъ рѣчь, имѣли мѣсто въ теченіе указаннаго промежутка времени.

Когда пользовавшіеся довѣріемъ слуги нашли Екатерину лежащей на полу съ закрытыми глазами, безъ движенія, съ кровью вокругъ рта,—первымъ лицомъ, которому поспѣшили дать знать о случившемся, былъ ея фаворитъ, князь Платонъ Александровичъ Зубовъ (не слѣдуетъ его смѣшивать съ двумя другими его братьями, графами Валеріаномъ и Дмитріемъ.) Немного спустя, къ ней прибылъ главный придворный медикъ Роджерсонъ, не замедлившій констатировать, что ударъ былъ смертельнымъ, такъ какъ произошло кровоизліяніе въ мозгу. Вслѣдствіе этого Зубовъ поспѣшилъ послать курьера къ великому князю-наслѣднику съ извѣстіемъ о трагическомъ событіи и возложилъ эту миссію на своего брата Дмитрія.

Какъ сказано было выше, Павелъ со своей супругой, великой княгиней Маріей Ѳедоровной, находился въ то время въ своемъ замкѣ въ Гатчинѣ, расположенномъ въ 14 миляхъ (57 верстъ) къ югу отъ столицы. Несмотря на то, что въ предшествующую ночь и князь и княгиня видѣли тревожные сны, оба они совершенно не были подготовлены къ

такому извѣстію; ихъ даже не было во дворцѣ, когда туда прискакалъ графъ Зубовъ, которому пришлось нѣсколько минутъ ихъ ожидать. Они тотчасъ же сѣли въ экипажъ, отдавъ приказаніе ѣхать въ С.-Петербургъ. Зубовъ отправился впередъ, чтобы заготовить для нихъ лошадей въ Софіи, маленькомъ городишкѣ, расположенномъ вблизи Царскаго Села. Было уже 6 часовъ вечера, когда ихъ высочества нагнали его тамъ.

Въ это самое время Ростопчинъ, который долженъ былъ на другой день вернуться въ Гатчину, отправился попрощаться со своей тещей, графиней Протасовой, которая занимала квартиру въ Эрмитажѣ. Тамъ онъ встрѣтилъ молодого Полетика и одну изъ своихъ невѣстокъ; пораженный ихъ слезами и узнавъ о причинѣ ихъ, онъ рѣшилъ тотчасъ же добиться свиданія съ наперстницей императрицы. Но пока онъ поджидалъ ее, въ сосѣдней комнатѣ онъ замѣтилъ курьера великаго князя Александра Павловича, старшаго сына Павла. Этому курьеру, успѣвшему уже побывать въ квартирѣ Ростопчина, было поручено разыскать послѣдняго и просить отъ имени великаго князя какъ можно скорѣе зайти къ нему. Заставъ Ростопчина во дворцѣ, онъ передалъ ему эту просьбу, и тотъ тотчасъ же поспѣшилъ на зовъ великаго князя. Едва успѣлъ Ростопчинъ выслушать разсказъ камеръ-фурьера о событіяхъ этого дня, какъ въ дверяхъ показался самъ Александръ Павловичъ, блѣдный, какъ смерть, и со слезами на глазахъ. Подтвердивъ все только что слышанное Ростопчинымъ и добавивъ, что нѣтъ никакой надежды на выздоровленіе императрицы, великій князь умолялъ вѣрнаго слугу своего отца поторопиться со своимъ отъѣздомъ, чтобы оказать ему необходимую поддержку въ эти тревожныя ми-

нуты и сообщить ему достовѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ. Ростопчинъ не сталъ раздумывать. Не теряя золотого времени, онъ вскочилъ въ легкія санки, запряженныя тройкой, и поскакалъ по направленію къ Софіи.

Когда около 6 часовъ вечера Павелъ, еще не видя его, услышалъ вдругъ его голосъ, онъ первый радостно крикнулъ по-французски: «А! это вы, Ростопчинъ!» Затѣмъ, выйдя изъ саней, онъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ, а когда вслѣдъ затѣмъ были поданы новыя лошади, и надо было продолжать путь, онъ обратился къ нему со слѣдующими словами: «Отправляйтесь, пожалуйста, слѣдомъ за мной, чтобы прибыть въ Петербургъ одновременно; я хочу видѣть васъ возлѣ себя». Ростопчинъ повиновался.

На всемъ пространствѣ отъ Софіи до Петербурга, не превышавшемъ 22 верстъ, Павелъ со всѣхъ сторонъ получалъ донесенія: каждый торопился сообщить ему новыя извѣстія.

Каждую минуту приходилось останавливать лошадей и второпяхъ прочитывать депеши при мерцающемъ свѣтѣ свѣчи. Къ счастью, морозъ не превышалъ трехъ градусовъ.

Далѣе въ своихъ воспоминаніяхъ Ростопчинъ разсказываетъ объ одной довольно сантиментальной сценѣ, имѣвшей мѣсто на половинѣ пути между Царскимъ Селомъ и столицей, когда великій князь велѣлъ остановить лошадей и вышелъ изъ экипажа. Стояла тихая, великолѣпная ночь. Луна, то спокойно сіявшая въ небѣ, то затемняемая легкими облаками, распространяла вокругъ саней мягкій меланхоличный свѣтъ. Спокойствіе этого момента являлось какимъ-то страннымъ контрастомъ съ тѣми волненіями, которыя ожидали путниковъ впереди.

Ростопчинъ почувствовалъ себя охваченнымъ развертывающейся передъ его умственнымъ взоромъ картиной, и въ его воображеніи въ этотъ краткій мигъ остановки еще разъ промелькнули всѣ важныя событія, вѣстникомъ которыхъ онъ самъ явился. Мысль о всемогуществѣ, которое ожидало любимаго имъ князя, и отъ котораго того отдѣляло всего нѣсколько часовъ пути, произвела на него сильное впечатлѣніе. Забывая неравенство положеній, онъ схватилъ Павла за руки и сказалъ ему по-французски: «Государь! какой великій моментъ въ вашей жизни!». Великій князь ему отвѣтилъ: «Ждите, мой дорогой, ждите! Я прожилъ 42 года, и Господь-Богъ меня поддерживалъ; быть можетъ, Онъ ниспошлетъ мнѣ силу и разумъ для выполненія миссіи, которая мнѣ назначена. Я надѣюсь на его доброту!» Съ этими словами онъ снова вошелъ въ экипажъ и въ половинѣ девятаго остановился у крыльца Зимняго Дворца.

Въ великолѣпной резиденціи императрицы была уже цѣлая толпа придворныхъ. «Всѣ ждали, говоритъ нашъ разсказчикъ, конца долгаго царствованія и перехода къ новому царствованію, столь отъ него отличному». Великій князь тотчасъ же былъ окруженъ и буквально осыпанъ разнаго рода любезностями, порой доходившими до приторности. Каждый ловилъ его взглядъ, старался вступить съ нимъ въ бесѣду, подѣлиться съ нимъ новостями, высказать свои соображенія по поводу дѣйствія докторовъ, по поводу ихъ предположеній о состояніи умирающей, о вѣроятной развязкѣ и о моментѣ, который долженъ былъ наступить. Вслѣдъ за тѣмъ эта любезность царедворцевъ не замедлила распространиться и на самого Ростопчина, который, какъ всѣ видѣли, былъ въ большой милости у Павла и его правой рукой.

Выслушавъ докладъ медиковъ и сдѣлавъ необходимыя распоряженія, Павелъ удалился съ великой княгиней въ небольшой боковой кабинетъ, куда по одиночкѣ сталъ приглашать всѣхъ, съ кѣмъ ему необходимо было переговорить, и кому онъ долженъ былъ отдавать приказанія.

Такъ прошла вся ночь и наступило утро. Екатерина II въ теченіе уже 24 часовъ находилась въ безсознательномъ состояніи, въ которое ее неожиданно повергъ апоплексическій ударъ. Первой мыслью великаго князя было вновь отправиться къ постели умирающей.

На минуту онъ остановился передъ постелью государыни, но не проявлялъ никакихъ признаковъ сыновняго горя, чуждаго его сердцу. Затѣмъ онъ обратился съ вопросомъ къ врачамъ, есть ли какая-нибудь надежда, и, получивъ въ отвѣтъ: «Никакой!» отдалъ приказъ раскрыть двери аппартаментовъ и пригласить туда высокопреосвященнаго митрополита Гавріила съ духовенствомъ, которые должны были прочесть надъ умирающей такъ называемую глухую исповѣдь и причастить ее. Минуту спустя послѣ этого, онъ приказалъ позвать въ свой кабинетъ Ростопчина и обратился къ нему со слѣдующими словами: «Я тебя великолѣпно знаю такимъ, каковъ ты на самомъ дѣлѣ, и прошу тебя откровенно сказать мнѣ, въ качествѣ кого ты желалъ бы находиться при моей особѣ.» Ростопчинъ не имѣлъ особой нужды долго медлить съ отвѣтомъ на предложенный ему вопросъ, такъ какъ его претензіи, по крайней мѣрѣ съ виду, были очень скромны. Онъ попросилъ позволенія стать личнымъ секретаремъ императора по пріему прошеній. Послѣ короткой паузы Павелъ отвѣтилъ ему: «Я не считаю это достаточной наградой для тебя; знай, что

я назначаю тебя генералъ-адъютантомъ, но, разумѣется, не для того, чтобы ты прогуливался въ одного конца дворца въ другой съ тросточкой въ рукѣ, а чтобы ты принималъ участіе въ дѣлахъ военной Коллегіи.» Ростопчинъ не чувствовалъ особаго призванія къ такой чисто-военной должности, и потому сталъ просить императора предоставить ему какую-либо другую должность.

Между тѣмъ Павелъ, благодаря непостоянству своего характера, черезъ минуту былъ занятъ уже другими мыслями и заговорилъ съ Нелидовымъ о его двоюродной сестрѣ Екатеринѣ Ивановнѣ, фрейлинѣ великой княжны, которая имѣла на великаго князя огромное вліяніе, несмотря на свое уродство.

Въ этой толпѣ придворныхъ, увѣшанныхъ орденами, украшенныхъ лентами и поглощенныхъ своими собственными заботами, не было замѣтно особенно траурнаго настроенія. Единственнымъ человѣкомъ, искренно опечаленнымъ, былъ графъ Безбородко, министръ иностранныхъ дѣлъ; на его лицѣ лежалъ даже отпечатокъ отчаянія; но въ дѣйствительности его болѣе всего озабочивала неизбѣжность потери мѣста. Хотя ему уже было 64 года, онъ ни на минуту не покидалъ дворца въ теченіе 30 часовъ. И только, когда подошедшій къ нему Ростопчинъ завѣрилъ его, что отнынѣ онъ будетъ участвовать въ совѣтѣ императора, онъ облегченно вздохнулъ. Этотъ старый слуга получилъ тотчасъ же приказаніе составить проэктъ манифеста о вступленіи на престолъ, а Ростопчину было поручено написать князю Алексѣю Борисовичу Куракину, который только что уѣхалъ въ Москву, и пригласить его немедленно возвратиться въ С.-Петербургъ, гдѣ онъ былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ (1796—1798), въ то время какъ его сынъ-первенецъ,

который былъ всего двумя годами старше Павла и вмѣстѣ съ нимъ воспитывался, долженъ былъ взять на себя исполненіе обязанностей вице-канцлера государства (1796—1798 г.). Въ три часа пополудни послѣдовалъ приказъ на имя вице-канцлера графа Остермана, которому предложено было отправиться съ обыскомъ къ графу Маркову, главному довѣренному Безбородко и третьему члену Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, впавшему нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ немилость императрицы вслѣдствіе неожиданнаго перерыва въ переговорахъ по поводу проектировавшейся тогда свадьбы великой княжны Александры Павловны со шведскимъ королемъ Густавомъ IV, прибывшимъ лично ко двору Екатерины II. Во время этого обыска Остерманъ долженъ былъ собрать всѣ находившіяся у Маркова бумаги, опечатать ихъ и унести съ собой. Какъ бы ни была случайна опала, которую заслужилъ этотъ интриганъ и хитрый чиновникъ, она должна была еще усилиться при Павлѣ I, который питалъ къ нему личную непріязнь. Въ то же время великій князь вручилъ своему новому наперстнику свою печать, которую онъ постоянно носилъ на цѣпочкѣ у часовъ, и велѣлъ ему вмѣстѣ съ графомъ Александромъ Николаевичемъ Самойловымъ немедленно опечатать двери кабинета императрицы. Вслѣдъ затѣмъ онъ отстранилъ отъ двора фельдмаршала князя Барятинскаго, а на его мѣсто назначилъ графа Шереметьева, назначивъ ему помощниками графовъ Тизенгаузена и Вельгорскаго.

Ростопчинъ сразу сталъ человѣкомъ необходимымъ. Около пяти часовъ пополудни онъ получилъ приказаніе узнать у главнаго министра Екатерины, нѣтъ ли неотложныхъ дѣлъ, требующихъ немедленнаго исполненія и нуждающихся кромѣ

того въ особомъ докладѣ государю. Безбородко, не видѣвшій особыхъ основаній довѣрять посланному къ нему Ростопчину, какъ довѣрялъ тому Павелъ, ничего ему не отвѣтилъ, но отправился лично къ великому князю въ его боковой кабинетъ, о которомъ намъ уже приходилось упоминать выше. Ростопчинъ послѣдовалъ за нимъ и получилъ приказаніе оставаться тамъ. Затѣмъ, когда министръ иностранныхъ дѣлъ собирался удалиться съ бумагами, Павелъ представилъ ему своего фаворита, говоря: «Вотъ человѣкъ, отъ котораго я не намѣренъ ничего скрывать.» Рѣдкая память графа Безбородко и его умѣнье вести дѣла были для Павла пріятнымъ сюрпризомъ. «Онъ для меня явился настоящимъ кладомъ!» воскликнулъ онъ и поспѣшилъ поблагодарить Ростопчина, который открылъ ему глаза на услуги, которыя былъ въ состояніи оказать этотъ человѣкъ. Ласково обошелся также Павелъ и съ княземъ Зубовымъ, отчаяніе котораго не знало предѣловъ; въ теченіе дня онъ шесть разъ вызывалъ его ко двору и сумѣлъ найти для несчастнаго пару теплыхъ словъ. Эта манера, которую проявилъ Павелъ по отношенію къ этому фавориту своей матери, ожидавшему своего паденія, дѣлаетъ честь, должны мы сказать, его мягкосердію.

Въ 9 часовъ вечера придворный медикъ Роджерсонъ заявилъ, что съ минуты на минуту можно ждать смерти императрицы-матери. Великій князь и великая княгиня тотчасъ же поспѣшили въ комнату, гдѣ находилась умирающая, приказавъ пригласить туда же своихъ взрослыхъ сыновей Александра и Константина, а также великихъ княженъ Александру и Елену. Тѣ явились въ сопровожденіи статсъ-дамы, баронессы Ливенъ. Князь Зубовъ, графы Остерманнъ, Безбородко и Самойловъ послѣдовали за

ихъ высочествами. Императорская фамилія заняла мѣсто съ правой стороны умирающей; противоположную сторону заняли придворные медики и хирурги, а также остальныя лица свиты. Ростопчинъ же и Плещеевъ, который также былъ приглашенъ въ спальню императрицы, стали у ея изголовья. «Я никогда не забуду этой минуты,» восклицаетъ Ростопчинъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «она не изгладится изъ моей памяти до конца моей жизни!»

Въ самомъ дѣлѣ, великая государыня, вчера еще являвшаяся предметомъ всеобщаго удивленія и заставлявшая трепетать всѣхъ своихъ недруговъ, теперь лежала, какъ пластъ, и въ теченіе тридцати часовъ почти не обнаруживала признаковъ жизни. Ея дыханіе было затруднено и рѣдко, ея черты лица искажены вслѣдствіе кровоизліянія въ мозгу. Она еще продолжала чуть-чуть бороться со смертью, но та уже держала ее въ своихъ желѣзныхъ объятьяхъ. Всѣ присутствующіе молили Бога о томъ, чтобы онъ скорѣе забралъ къ себѣ ея душу и положилъ конецъ этой длинной агоніи. Наконецъ, когда часы пробили четверть одиннадцатаго, «Екатерина Великая испустила свой послѣдній вздохъ и присоединилась къ сонму другихъ мертвецовъ, чтобы предстать вмѣстѣ съ ними передъ судомъ Всевышняго.»

Отвѣсивъ послѣдній поклонъ, сынъ умершей вышелъ изъ комнаты съ поникшей головой и съ глазами, полными слезъ: внушительное зрѣлище смерти подъ порфирой и инстинктъ кровной привязанности побѣдили въ немъ индифферентное отношеніе къ усопшей. Эта минута для всѣхъ присутствующихъ была тѣмъ, чѣмъ для преступника является моментъ объявленія приговора. Когда вслѣдъ затѣмъ графъ

Самойловъ громко провозгласилъ: «Императрица Екатерина II скончалась, и Государь Императоръ Павелъ Петровичъ соизволилъ взойти на престолъ!»—всѣ поспѣшили столпиться около него и вокругъ другихъ сановниковъ, прося не забыть о нихъ при докладахъ новому государю. Затѣмъ всѣ отправились въ дворцовую церковь, гдѣ каждый обязанъ былъ принести присягу на вѣрность, цѣлуя крестъ и Евангеліе.

Было уже около полуночи, и этотъ томительно длинный день 19-го ноября, такъ много обѣщавшій Ростопчину, уже приближался къ концу, какъ вдругъ, несмотря на всю свою усталость, ему пришлось исполнить послѣднее порученіе Павла: вмѣстѣ съ Архаровыми онъ долженъ былъ отправиться на Васильевскій островъ, извѣстить знаменитаго графа Алексѣя Орлова о смерти Императрицы и пригласить его немедленно явиться для принесенія присяги. «Онъ не пожелалъ явиться во дворецъ, заявилъ Павелъ, но я не хочу, чтобы онъ забылъ день 29 іюня.» Больной ужъ цѣлую недѣлю, Орловъ все-таки поднялся со своей постели, когда къ нему явились дворцовые вѣстники, и принесъ свои сожалѣнія, нисколько не заботясь о послѣдствіяхъ перемѣны царствованія. Нашъ разсказчикъ при этомъ отмѣчаетъ, что этотъ вельможа, нѣкогда такой могущественный, а теперь устраненный силой обстоятельствъ, не выказывалъ никакихъ признаковъ малодушія по поводу совершившагося факта.

Только что приведенный разсказъ долженъ былъ объяснить читателю, въ чемъ заключалась раз-

гадка внезапнаго возвышенія Ростопчина *). Онъ появился въ моментъ, рѣшительный для великокняжескихъ слугъ, особенно если ихъ властелины великодушны по природѣ и обладаютъ нѣкоторыми странностями, какъ было въ данномъ случаѣ съ императоромъ Павломъ I. Нашъ разсказъ объясняетъ все; какъ бы ни была высока та должность, къ исполненію которой былъ призванъ прежній камеръ-юнкеръ, насъ это не должно удивлять, но это назначеніе, безъ сомнѣнія, должно было показаться чѣмъ-то внезапнымъ для всѣхъ, кому не было извѣстно дѣйствіе тайныхъ пружинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, самый высшій чинъ, на который могъ разсчитывать Ростопчинъ въ то время, былъ чинъ гвардейскаго полковника; назначеніе же его на должность военнаго генералъ-адъютанта императора сразу возвело его въ чинъ генералъ-лейтенанта, а по словамъ Массона—даже сразу въ чинъ генерала отъ инфантеріи, но послѣднее указаніе намъ кажется не вполнѣ доказаннымъ.

Съ этого же дня императоръ Павелъ безотлучно держалъ его при себѣ, сдѣлалъ его своимъ фаворитомъ и повѣрялъ ему всѣ свои самыя сокровенныя мысли. Съ одной стороны, онъ довѣрялъ ему, какъ одному изъ своихъ преданныхъ слугъ, съ другой же стороны, онъ находилъ удовольствіе въ общеніи съ нимъ. Оживленная бесѣда и удачныя остроты

---

*) На Ростопчина дѣйствительно въ первые же дни по вступленіи Павла Петровича на престолъ посыпался настоящій золотой ливень наградъ и повышеній: назначенный еще 6-го Ноября ст. ст. генералъ-адютантомъ, онъ на слѣдующій же день получилъ чинъ бригадира и орденъ св. Анны 2-ой степ., 7-го ноября былъ произведенъ въ ген.-маіоры, а еще черезъ день сталъ кавалеромъ ордена Анны 1-ой степ.

Прим. перев.

Ростопчина занимали государя, часто нуждавшагося въ отдыхѣ среди непрестанныхъ заботъ по управленію. Разносторонній умъ придворнаго преодолѣвалъ легко всѣ затрудненія, съ какими бы къ нему ни обращался Павелъ I, и въ то же время онъ былъ достаточно сообразителенъ, чтобы не стать докучливымъ и не надоѣдать своимъ присутствіемъ. Даже больше: между государемъ и его фаворитомъ можно было подмѣтить большое сходство и соотвѣтствіе настроеній, благодаря которому между ними постоянно царила полная гармонія. Можно даже согласиться со справедливой оцѣнкой характера Ростопчина въ замѣткѣ, посвященной ему въ «Всеобщей Біографіи,» авторъ которой утверждаетъ, что «ловкій царедворецъ умѣлъ быть чуткимъ ко всякимъ настроеніямъ своего повелителя, отличавшагося, какъ извѣстно, разнаго рода странностями: сегодня тотъ былъ веселъ, смѣялся, былъ полонъ доброты, а на завтра—суровъ, озлобленъ, мраченъ, иногда даже жестокъ.» Если даже признать, что источникъ вліянія Ростопчина заключался не въ указанныхъ качествахъ его натуры, но объясняется иными обстоятельствами, все же необходимо согласиться, что онъ долженъ былъ обладать умѣньемъ сохранить за собой благосклонность Павла I въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Даже въ самомъ началѣ служебной карьеры Ростопчина его вліяніе на императора было огромнымъ, и оно увеличивалось со дня на день.

Александръ Герценъ, опубликовавшій, какъ всѣмъ извѣстно, въ 1858 г. въ Лондонѣ автобіографическія записки Екатерины II, этой Семирамиды Сѣвера, объясняетъ въ предисловіи, предпосланномъ самимъ Запискамъ, какимъ образомъ могъ попасть въ его руки документъ, столь исключитель-

ной важности. Въ своихъ объясненіяхъ онъ какъ бы идетъ навстрѣчу сомнѣніямъ въ подлинности этой странной книги, полной захватывающаго интереса. Въ самомъ же началѣ своего предисловія русскій эмигрантъ, болѣе извѣстный въ качествѣ издателя журнала «Колоколъ», даетъ намъ одно изъ убѣдительныхъ доказательствъ того чрезвычайнаго довѣрія, какое наслѣдникъ Екатерины II питалъ къ Ростопчину.Оно подтверждаетъ все изложенное нами по этому поводу. Дѣйствительно, ему, какъ свидѣтельствуетъ Герценъ, было поручено Павломъ I черезъ нѣсколько часовъ послѣ смерти императрицы (т. е. на слѣдующій день, 20-го ноября) опечатать всѣ бумаги этой государыни, какъ наканунѣ онъ опечаталъ ея кабинетъ. Если вѣрить тому же предисловію издателя Колокола, Екатерина сохранила среди другихъ документовъ письмо Алексѣя Орлова, содержащее въ себѣ разсказъ о послѣднихъ дняхъ жизни императора Петра III, то самое, упоминаніе о которомъ мы находимъ въ «Воспоминаніяхъ» княгини Дашковой. Среди этихъ же бумагъ была найдена объемистая тетрадь, писанная рукой самой Екатерины II. Она была запечатана въ конвертъ съ надписью: «Его Императорскому Высочеству Наслѣднику и Великому князю Павлу, горячо любимому нашему сыну.» Это и была та автобіографія, о которой мы только что говорили. И хотя она касалась только періода времени съ 1729 по 1759 г. и останавливалась, слѣдовательно, на моментѣ, почти на три года предшествовавшемъ дворцовому перевороту, который низвергъ съ трона несчастнаго и неспособнаго Петра III, но даже и въ этихъ границахъ этотъ документъ могъ открыть передъ внимательнымъ читателемъ скрытые до того времени горизонты и могъ дать ясное представленіе

о тысячѣ вещей, дотолѣ не извѣстныхъ или невѣрно истолкованныхъ. Ростопчинъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, прочелъ эту автобіографію вмѣстѣ съ императоромъ, смакуя всѣ пикантныя подробности разсказа, къ которымъ они оба были одинаково падки въ этотъ вѣкъ распущенныхъ нравовъ и осмѣянныхъ корифеями литературы религіозныхъ вѣрованій. Въ присутствіи Павла его любимецъ долженъ былъ разсматривать и всѣ остальныя бумаги и сталъ, такимъ образомъ, посвященнымъ во всѣ государственныя тайны.

Безбородко, возведенный въ княжеское достоинство, остался во главѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ и вскорѣ получилъ чинъ фельдмаршала, самый высшій русскій чинъ, которымъ въ каждое царствованіе награждается лишь ограниченное число лицъ, рѣдко болѣе двухъ-трехъ одновременно. Графъ Паниинъ занялъ должность вице-канцлера и самолично исполнялъ всѣ сложныя обязанности по службѣ, лишь номинально числясь подъ властью графа Остермана. Теперь еще не мѣсто излагать характеръ политики преемника Екатерины II, политики мирной въ первые годы его царствованія и столь воинственной впослѣдствіи. Здѣсь же, касаясь личности министровъ Павла I, мы должны сказать, что всѣ они были лишь орудіями личной воли государя; онъ оставлялъ за собой руководство дѣятельностью своего кабинета и не допускалъ, чтобы правительственная дѣятельность зависѣла отъ личнаго усмотрѣнія его сановниковъ. Часто, не лишая своихъ министровъ занимаемой ими должности, онъ, если это было нужно, замѣнялъ ихъ другими совѣтниками и даже вручалъ тѣмъ портфель, хотя послѣдній продолжалъ числиться за другими. Такимъ образомъ, къ концу трехлѣтія царствованія Павла I, въ ноябрѣ 1799 года

Ростопчинъ сталъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а вслѣдъ затѣмъ былъ назначенъ великимъ канцлеромъ Мальтійскаго ордена, иначе ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, гросмейстеромъ котораго провозгласилъ себя Павелъ I. А незадолго передъ тѣмъ, 5-го марта того же года, любимецъ императора былъ возведенъ въ графское достоинство и въ добавокъ получилъ званіе камергера двора, чинъ тайнаго совѣтника и орденъ св. Андрея съ лентой, самый высшій орденъ въ русскомъ государствѣ, если не считать св. Георгія, какъ исключительно военный.

Аббатъ Жоржель, сопровождавшій въ 1799 г. въ С.-Петербургъ депутацію рыцарскаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, нашелъ Ростопчина уже награжденнымъ знакомъ этого ордена и вотъ что онъ пишетъ по его адресу. «Должность министра иностранныхъ дѣлъ, входившая постоянно въ кругъ обязанностей великаго канцлера, была вручена молодому камергеру, который сперва навлекъ на себя немилость государя, а впослѣдствіи былъ изъ ссылки возвращенъ *). Его познанія были довольно ограниченными, зато онъ обладалъ довольно тонкимъ, проницательнымъ и хитрымъ умомъ. Онъ занялъ этотъ постъ, почти ничего не понимая въ дипломатіи, но его изворотливость нравилась

---

*) Ссылка Ростопчина, о которой упоминается въ текстѣ относится къ 1798 году. Вызвана она была борьбой двухъ придворныхъ тогдашнихъ партій. Во главѣ партіи, враждебной Ростопчину, стояла императрица Марія Ѳедоровна и фрейлина Нелидова, русскимъ симпатіямъ которыхъ Ростопчинъ имѣлъ основанія несочувствовать. Жертвой интриги этой партіи ему и пришлось временно стать. Но отстраненный отъ дѣлъ, Ростопчинъ не остался безмолвнымъ зрителемъ придворной борьбы. Вмѣстѣ съ императорскимъ брадобреемъ, гр. Кутайсовымъ (продолжав-

Павлу I, и это достоинство замѣняло ему познанія, которыхъ у него не могло быть.» Это и былъ графъ Ростопчинъ. Ему былъ подчиненъ вице-канцлеръ и вся коллегія, или министерство иностранныхъ дѣлъ. Чтобы держать въ своихъ рукахъ всѣ нити иностранной дипломатіи и создать видимость какой-то глубокой и таинственной политики, онъ склонилъ Павла I создать весьма оригинальную систему дипломатическихъ сношеній. «Ни одинъ посланникъ, ни одинъ иностранный министръ, согласно этой системѣ, не сносится непосредственно съ императоромъ, не сносятся они даже съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, у котораго получаютъ только аудіенцію. Тщетно было бы добиваться войти въ сношенія съ самимъ канцлеромъ, предварительно приходится обращаться къ вице-канцлеру. Вицеканцлеръ дѣлаетъ докладъ министру, а министръ—самому императору. Въ свою очередь и отвѣтъ государя передается черезъ посредство министра вицеканцлеру, а послѣдній сообщаетъ его послу. Вице-канцлеръ также не можетъ лично сноситься съ государемъ, онъ имѣетъ дѣло только съ министромъ-канцлеромъ.» Чтобы объяснить странности подобной системы сношеній, французскій эмигрантъ, бывшій раньше секретаремъ посольства въ Вѣнѣ, присовокупляетъ, что «графъ Ростопчинъ,—надо отдать ему спра-

---

шимъ исполнять эти обязанности, несмотря на свое графское достоинство, Ростопчинъ сталъ во главѣ другой еще болѣе колосальной придворной интриги, цѣлью которой было совершенно устранить политическое вліяніе Маріи Ѳеодоровны и фрейлины Нелидовой, замѣнивъ послѣднюю новой фавориткой Лопухиной. Интрига эта блестяще удалась, и Ростопчинъ, только что успѣлъ покинуть С.-Петербургъ, какъ былъ возвращенъ Павломъ вновь и его вліяніе даже возросло.

Прим. перев.

ведливость—самъ сознавалъ, что, несмотря на свой проницательный умъ, умѣнье и привлекательныя манеры, онъ не обладаетъ достаточнымъ запасомъ знаній, чтобы съ успѣхомъ отстаивать серьезные интересы передъ людьми, искушенными долгимъ опытомъ. Вотъ почему, безъ сомнѣнія, онъ предпочелъ остаться незримымъ и убѣдилъ Павла I принять придуманную имъ систему, которая бы совершенно устранила всѣ неудобства, вытекавшія изъ его неопытности въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Мнѣ извѣстны однако случаи, когда иностранные министры получали, хотя и рѣдко, возможность вести переговоры съ самимъ Ростопчинымъ, но все это были представители дворовъ, стремленія которыхъ не переплетались тѣсно съ интересами Россіи, и передъ которыми онъ могъ блистать своимъ природнымъ умомъ. Огромнымъ преимуществомъ Ростопчина на этомъ посту было особенное умѣнье его улавливать всѣ затаенныя мысли своего собесѣдника. Въ этихъ случаяхъ онъ разсыпался мелкимъ бѣсомъ: ласки, изысканная вѣжливость, предупредительность, проявленія мнимаго довѣрія—все пускалось имъ въ ходъ, чтобы проникнуть въ чужую душу. Когда же онъ этого достигалъ, человѣкъ переставалъ его интересовать, и онъ имъ пренебрегалъ». Только что изложенныя сужденія, какъ намъ кажется, нѣсколько противорѣчатъ тому, что говорилось раньше. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь для того чтобы «проникнуть» въ чужую душу, дипломатъ долженъ, какъ мы смѣемъ думать, завязать хотя бы косвенныя сношенія съ этимъ лицомъ. Какъ бы тамъ ни было, аббатъ Жоржель знакомитъ насъ въ своемъ повѣствованіи съ тѣми пертурбаціями, которыя пришлось испытать генералу Дюмурье въ С.-Петербургѣ. Этотъ дипломатъ занялся тогда ин-

тригами противъ собственнаго правительства и написалъ Павлу I письмо, рекомендуя ему тотъ образъ дѣйствій, который, дѣйствительно, былъ осуществленъ русскимъ самодержцемъ въ 1799 г. въ видѣ войны съ Франціей въ союзѣ съ Австріей и Англіей.

По этому поводу Жоржель обвиняетъ Ростопчина въ томъ, что онъ не останавливался ни передъ какими средствами какъ дозволенными, такъ и недозволенными, чтобы проникнуть въ намѣренія этого ловкаго генерала республики, не связывая въ то же время себя никакими обязательствами по отношенію къ нему и отказываясь дѣлать какіе-бы то ни было дальнѣйшіе шаги Россіи въ интересахъ коалиціи державъ. «Вскорѣ, говоритъ онъ, было замѣчено, что министръ опасается вліянія Дюмурье и боится успѣха его аудіенціи. Графъ Ростопчинъ составилъ проэктъ, совершенно противоположный планамъ Дюмурье. Его мнѣніе, поддерживаемое одобреніемъ и внушеніями лицъ, близкихъ Павлу I, одержало верхъ, и ему удалось возстановить императора противъ Вѣнскаго и Лондонскаго дворовъ. Онъ надѣялся окончательно поссорить его съ ними посредствомъ сближенія съ французами, къ которымъ до того времени Павелъ I питалъ нескрываемое отвращеніе... Русскія войска уже вступали въ предѣлы Франціи, когда Петербургскій кабинетъ постановилъ выступить изъ коалиціи державъ.»

Здѣсь однако надо дать мѣсто слѣдующимъ объясненіямъ.

Ростопчинъ, какъ и его повелитель, питалъ чувство ненависти къ Франціи съ того момента, какъ въ ней одержали верхъ якобинцы. «Что касается французскихъ революціонеровъ и ихъ послушныхъ учениковъ въ другихъ странахъ,говоритъ онъ самъ,

я ненавидѣлъ ихъ планы съ тѣхъ самыхъ поръ, когда они окончательно обнаружились, благодаря ихъ успѣхамъ. Все, что происходило въ Европѣ въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, лишь укрѣпляло это мое отношеніе къ тѣмъ, чьи проэкты клонились къ ниспроверженію основъ государственной власти». Несмотря на полученное имъ съ дѣтства французское воспитаніе, Ростопчинъ не находилъ въ своемъ сердцѣ иныхъ чувствъ по отношенію къ нашему государству, хотя и потрясенному до его основъ, но стремившемуся къ плодотворной преобразовательной дѣятельности, какъ только непріязнь и отвращеніе. Антипатію Павла I къ молодой республикѣ еще сильнѣе укрѣпляло такое же отношеніе къ ней и со стороны его фаворита. Но оба они отличались измѣнчивостью своего характера и оба были энтузіастами. Какъ разъ въ это время на авансценѣ исторіи появился герой эпохи. По возвращеніи изъ Египетскаго похода Бонапартъ рѣшилъ положить конецъ той анархіи, въ которой находилась Франція подъ властью директоріи; 18-го брюмера (9-го ноября 1799 г.) онъ захватилъ въ свои руки управленіе государствомъ. Это событіе возбудило всеобщій восторгъ, а Россія тѣмъ охотнѣе раздѣлила это чувство, что перемѣна образа правленія во Франціи произошла очень кстати для нея. Павелъ I, взирая на неудачи внѣшней политики, которыя послѣдовали вслѣдъ за блестящими успѣхами его полководца Суворова, уже сталъ тяготиться союзомъ съ Австріей и Англіей, и онъ поэтому съ радостью обратилъ свои взоры на молодого полководца, уже увѣнчаннаго лаврами и вернувшаго Франціи порядокъ, безъ котораго немыслимъ никакой продолжительный прогрессъ. Тѣ же самыя чувства вліяли и на Ростопчина; под-

твержденіе этого мы находимъ въ одномъ изъ его писемъ къ другому полководцу, Суворову, горячимъ поклонникомъ котораго онъ себя считалъ. Вотъ что говоритъ онъ относительно Бонапарта: «Онъ является государемъ, хотя и не носитъ этого титула; все преклоняется передъ нимъ, окружаетъ его почтеніемъ и ждетъ отъ него мира; участь всѣхъ облегчена.»

Съ этого момента возобновленіе мира съ Франціей стало цѣлью политики министра, а равно и его императора.

Исходя изъ этого, Ростопчинъ потворствовалъ политическимъ симпатіямъ Павла I, который чувствовалъ сильное нерасположеніе къ своимъ союзницамъ, Австріи и Англіи. А разъ этотъ новый курсъ политики былъ принятъ Павломъ, Ростопчинъ естественно сталъ въ оппозицію всему, что противорѣчило намѣреніямъ государя. А потому и по отношенію къ Дюмурье онъ стремился не допускать послѣдствій того впечатлѣнія и даже восторга, которые произвелъ этотъ подвижный и обладавшій живымъ умомъ генералъ на русскаго государя. Дюмурье совершенно упустилъ моментъ, казалось, столь близкій къ его цѣли; онъ былъ отстраненъ съ рѣдкой сухостью, какой никогда не ожидалъ. И тому обстоятельству, что съ нимъ обошлись такимъ образомъ, онъ обязанъ исключительно Ростопчину, хотя вначалѣ графъ оказалъ ему весьма предупредительный пріемъ и расточалъ передъ нимъ любезности. На этомъ основаніи аббатъ Жоржель обвиняетъ Ростопчина въ двуличіи. Противопоставляя ему графа Панина, котораго онъ готовъ былъ расхваливать, но политики котораго онъ, къ сожалѣнію, не понималъ, онъ говоритъ: «Вицеканцлеръ не былъ такъ хитеръ и вкрадчивъ, какъ его министръ, но

онъ не былъ зато и такъ двуличенъ.» Про Ростопчина же онъ сообщаетъ буквально слѣдующее: «Наканунѣ своего отъѣзда Дюмурье обѣдалъ у графа Ростопчина. Этотъ министръ подъ маской дружбы льстилъ ему и вызывалъ на откровенныя бесѣды, увѣряя, что повсюду, гдѣ бы онъ ни былъ, ему обезпечено покровительство императора. Опасаясь злопамятства Дюмурье и не желая попасть подъ его острое перо, онъ продолжалъ разсыпаться передъ нимъ въ живѣйшемъ участіи даже въ то время, когда приказъ объ его отъѣздѣ былъ у него въ карманѣ. Но Ростопчину не удалось одурачить Дюмурье. Если когда-нибудь онъ рѣшится опубликовать свой отчетъ о миссіи въ С.-Петербургѣ, его рѣзкій и нервный языкъ найдетъ вполнѣ подходящія краски и стиль, чтобы обрисовать Ростопчина, какъ онъ того заслуживаетъ». Къ сожалѣнію, Дюмурье не оправдалъ этой надежды, и мы можемъ лишь очень немного прибавить къ его молчанію.

Аббатъ Жоржель далеко не одинъ обвиняетъ Ростопчина въ фальши; къ тому же самому приходитъ въ числѣ другихъ и Коцебу. Приведя анекдотъ, касающійся графа Панина, котораго нашъ искусный царедворецъ хотѣлъ изъ ревности погубить, этотъ писатель говоритъ, что странное поведеніе Ростопчина, какъ человѣка, съ момента Московской катастрофы, какъ кажется, подтверждаетъ это обвиненіе. Мы не имѣемъ никакихъ основаній относиться съ недовѣріемъ къ подобнымъ увѣреніямъ, такъ какъ эти страницы отнюдь не должны служить исключительно для апологіи нашего героя.

Съ этого же времени Ростопчина стали упрекать въ надменности. Онъ устранялъ и выпроваживалъ всѣхъ, кто не питалъ къ нему долж-

наго уваженія, или чьи выходки могли ему доставить непріятность, и при этомъ часто былъ грубъ и даже некультуренъ. Вотъ между прочимъ одинъ такой примѣръ. Графъ Михаилъ Огинскій, извѣстный литовскій вельможа, просилъ разрѣшенія императора вернуться въ Польшу. Хотя эту просьбу поддержалъ графъ Гогвицъ, тогдашній прусскій министръ при императорскомъ дворѣ, Ростопчинъ отвѣтилъ этому магнату письмомъ отъ 29-го марта 1799 года слѣдующаго лаконическаго содержанія:

«Милостивый государь, графъ! Его величество Императоръ, получивъ ваше письмо отъ 12-го числа сего мѣсяца, нашелъ нужнымъ отказать вамъ въ вашей просьбѣ и приказалъ мнѣ извѣстить васъ объ этомъ. Имѣю честь быть и т. д.»

Графъ Іосифъ де Местръ, бывшій въ С.-Петербургѣ съ 1804 г. по 1817 г., на свидѣтельство котораго намъ предстоитъ еще ссылаться по поводу Московскаго пожара, характеризуетъ его то какъ человѣка чрезвычайно вспыльчиваго, то какъ весьма подозрительнаго и самаго суроваго изъ людей.

Долгое время однако эти недостатки не роняли Ростопчина въ глазахъ Павла I, который, какъ мы уже говорили, любилъ его веселый нравъ, его рѣшительность, хладнокровіе, его ядовитый языкъ, колкія эпиграммы и вкрадчивыя манеры.

Чтобы имѣть представленіе о томъ тонѣ, въ которомъ обыкновенно велся разговоръ между Павломъ и его фаворитомъ, мы приведемъ слѣдующій анекдотъ. Окруженный постоянно довольно многочисленнымъ кругомъ придворныхъ, въ числѣ которыхъ было не мало лицъ княжескаго происхожденія, Павелъ I однажды обратился къ Ростопчину со слѣдующимъ вопросомъ: «Скажите, пожалуйста,

почему вы не князь?» Ростопчинъ задумался на одну минуту и съ рѣдкой находчивостью разрѣшилъ этотъ не легкій вопросъ:—«Разрѣшаете мнѣ, Ваше Величество, сказать вамъ сущую правду?» обратился онъ къ государю.—«Безъ всякаго сомнѣнія!»

—«Это произошло потому, что мой предокъ прибылъ въ Россію зимою.»

—Но какое отношеніе имѣетъ время года къ титулу?

—«Очень близкое! Каждый татарскій вельможа, прибывавшій въ Россію, получалъ отъ великаго князя на выборъ либо княжескій титулъ, либо теплую шубу. А такъ какъ мой предокъ прибылъ суровой зимой, то онъ предпочелъ получить шубу».

Это объясненіе было пожалуй неучтивымъ по отношенію къ князьямъ, которые слушали разсказчика, но оно доставило бы честь любому шутнику и даже талантливому ученику Ж. Ж. Руссо и прочихъ вольнодумцевъ XVIII столѣтія.

Императоръ Павелъ долго смѣялся надъ этимъ анекдотомъ и, обращаясь къ князьямъ, которые его окружали, сказалъ: «Радуйтесь, господа, что ваши предки не прибыли къ намъ зимою.»

Крупные недостатки графа не мѣшали ему однако по временамъ быть добродушнымъ. Скоро мы увидимъ, какимъ ужасомъ было окружено впослѣдствіи его имя; но въ то же время вотъ какими штрихами обрисовываетъ этого человѣка г. Варнхагенъ фонъ Энзе, которому довелось повстрѣчаться съ нимъ въ Баденѣ въ 1817 году. По его словамъ, Ростопчинъ могъ по цѣлымъ часамъ отдаваться съ рѣдкой безпечностью самому невинному удовольствію. Онъ любилъ разсматривать цвѣты, слѣдить за полетомъ бабочки; съ улыбкой на

устахъ наблюдалъ онъ за оживленной возней ребятъ, готовый прійти имъ на помощь въ случаѣ опасности и доставляя имъ радость своими подарками; по временамъ онъ проявлялъ рѣдкую предупредительность и былъ полонъ деликатнаго вниманія даже по отношенію къ мужчинамъ, что же касается женскаго общества —онъ казался въ немъ воплощенной любезностью.»

Это наблюденіе германскаго писателя, пользовавшагося впослѣдствіи большой популярностью, находитъ подтвержденіе въ слѣдующемъ отрывкѣ, изъ цитированныхъ уже нами воспоминаній самого Ростопчина... «Я любилъ, говоритъ онъ, общество простонародья и прогулку по лѣсамъ. Сіяніе солнца возбуждало во мнѣ невольный восторгъ, а его закатъ всегда наводилъ на меня тоску и т. д.»

Но какое дѣло недругамъ Ростопчина до тѣхъ положительныхъ качествъ, которыми онъ, быть можетъ, былъ одаренъ? въ ихъ глазахъ обнаруженные имъ недостатки заслоняли собой все остальное. Ростопчинъ имѣлъ довольно много враговъ, какъ напр. графа Палена, который усматривалъ препятствіе къ достиженію собственныхъ честолюбивыхъ замысловъ въ искренней привязанности нашего героя къ монарху, который погубилъ себя, благодаря необузданному абсолютизму.

Можно различно относиться къ акту, которымъ графъ Паленъ освободилъ Россію отъ тяжкаго ига, тяготѣвшаго надъ ней. Соображенія политики и гуманности до извѣстной степени могутъ смягчить его виновность въ совершеніи преступленія, творцомъ плана котораго онъ былъ, хотя и безъ прямой мысли о цареубійствѣ. Но полагаемъ, что Палена не безъ основанія считаютъ главой заговора 1801 года, ибо онъ предумышленно удалилъ отъ

несчастнаго императора тѣхъ лицъ, которыя становились у него на пути и которыя одни имѣли возможность и желаніе спасти Павла I.

Для выполненія своего плана графъ Паленъ воспользовался ошибками своего соперника, которыя сильно скомпрометтировали того въ глазахъ государя. Притворство и хитрость должны были сослужить ему службу въ достиженіи той цѣли, которую онъ считалъ благотворной и спасительной для государства; и онъ не поколебался пустить ихъ въ ходъ.

«Графъ Паленъ, говоритъ Х. Левескъ, все болѣе и болѣе тяготился игомъ самовластія. Будучи подчиненъ государю, воля котораго не была ни въ чемъ ограничена, онъ постоянно долженъ былъ ощущать непрочность своего положенія, зависѣвшаго отъ простого подозрѣнія и становившагося со дня на день все болѣе непрочнымъ. И вотъ онъ захотѣлъ укрѣпить свое положеніе и рѣшилъ возвести на престолъ Александра I... Остановившись на этомъ, онъ главной заботой считалъ удаленіе отъ Государя всѣхъ тѣхъ, кого не разсчитывалъ привлечь на свою сторону. Онъ много потрудился въ этомъ направленіи, прежде чѣмъ ему удалось навлечь немилость Павла I на человѣка, къ которому тотъ особенно сильно былъ привязанъ, т. е. на министра иностранныхъ дѣлъ Ростопчина».

Далѣе Левескъ излагаетъ исторію вымышленнаго письма графа Панина, которое было перехвачено министромъ иностранныхъ дѣлъ и было, по его мнѣнію, писано къ какому-то конспиратору. Оправданія Панина, представленныя имъ по поводу этого письма, были такъ энергичны и такъ убѣдительны, что Павелъ I вполнѣ ими удовлетворился. По словамъ Коцебу, онъ при этомъ воскликнулъ съ негодова-

міемъ: «Ростопчинъ—настоящій извергъ! онъ хочетъ сдѣлать меня орудіемъ своей личной мести; ну, ладно! пусть же она падетъ на него самого.»*) И въ тотъ же день министръ былъ разжалованъ, но государь все-таки ввѣрилъ ему главное управленіе почтамтомъ. Какъ кажется, онъ даже не лишилъ его сразу своего расположенія. Но скорѣе всего это была своего рода политика Павла, который такимъ способомъ заставилъ своего любимца отказаться отъ участія въ государственномъ управленіи. На эту мысль наводитъ, по крайней мѣрѣ, то обстоятельство, что Ростопчина смѣнилъ на его посту князь Алексѣй Куракинъ, глава французской партіи въ Россіи, бывшій въ началѣ царствованія Павла I вицеканцлеромъ и принужденный выйти изъ состава кабинета, когда обострились отношенія съ Франціей, и когда къ тому же русское правительство сочло нужнымъ пойти на уступки турецкому кабинету, вручивъ должность Куракина графу Виктору Кочубею, бывшему передъ тѣмъ русскимъ посломъ въ Константинополѣ.

---

*) Паденіе Ростопчина совпало съ одной изъ самыхъ тяжелыхъ и мрачныхъ эпохъ русской исторіи. Лѣтописи ея почти со временъ Іоанна Грознаго не знаютъ ничего подобнаго послѣднему году царствованія Павла I.

Ни вопіющія жестокости Петра I, ни тиранія Бирона, не могутъ сравняться съ этой эпохой, такъ какъ онѣ имѣли, по крайней мѣрѣ, свое оправданіе. У Павла же Петровича никто не оспаривалъ власти, наоборотъ, все повиновалось ему безпрекословно, а между тѣмъ „звонъ почтоваго колокольчика, возвѣщавшаго внѣзапную кару, лишеніе чиновъ, имущества, ссылку въ отдаленнѣйшіе мѣста—наводилъ ужасъ на всю обширную Россію“. Положеніе самого Ростопчина, хотя онъ и продолжалъ почти до конца пользоваться расположеніемъ государя, тоже стало далеко незавиднымъ, и онъ видимо тяготился имъ.

Прим. перев.

Но какъ бы тамъ ни было, Ростопчинъ, первоначально учтиво отстраненный Павломъ I, вскорѣ навлекъ на себя, неизвѣстно по какому поводу, болѣе суровую опалу. Надъ старымъ фаворитомъ императора неожиданно разразился гнѣвъ государя, быть можетъ, къ несчастью для него самого, такъ какъ всего за нѣсколько недѣль до ужасной катастрофы 23 марта 1801 г. онъ отправилъ въ ссылку въ деревню своего вѣрнаго слугу, который, возможно, раскрылъ бы планы заговорщиковъ, вышедшихъ, какъ извѣстно, изъ рядовъ придворныхъ и даже приближенныхъ Павла I. По крайней мѣрѣ, самъ Ростопчинъ впослѣдствіи заявлялъ, что будь онъ въ то время въ С.-Петербургѣ и продолжай занимать постъ директора почтоваго вѣдомства, покушеніе, жертвой котораго палъ императоръ Павелъ, не имѣло бы мѣста.

Раньше чѣмъ перейти къ описанію частной жизни Ростопчина, мы считаемъ нужнымъ остановиться еще на одномъ событіи, которое слѣдуетъ поставить ему въ заслугу и которое имѣло мѣсто въ дни его наивысшаго вліянія. Суворовъ, послѣ славной Итальянской кампаніи и послѣ памятнаго отступленія русскихъ войскъ, былъ отозванъ отъ арміи. Несмотря на лавры, которыми онъ былъ увѣнчанъ, онъ навлекъ на себя гнѣвъ вспыльчиваго Павла I тѣмъ, что, вопреки приказа императора, онъ вручилъ непосредственное командованіе арміей князю Багратіону, пользовавшемуся, довѣріемъ, тогда какъ Павелъ требовалъ, чтобы всѣ генералы одного и того же ранга по очереди исполняли функціи главнокомандующаго.

Суворовъ готовился къ тріумфальному въѣзду въ С.-Петербургъ и, хотя былъ совершенно боленъ, торопился въ столицу. Но императоръ, самолюбіе

котораго было сильно задѣто этимъ проявленіемъ своеволія, отмѣнилъ торжественную встрѣчу и отдалъ распоряженіе по всѣмъ полкамъ выразить порицаніе старому генералу и величайшему полководцу, какой только появлялся въ Россіи. Суворовъ, прибывъ въ Петербургъ, прямо съ дороги долженъ былъ слечь въ постель, а огорченіе еще болѣе усилило его болѣзнь. Никто не осмѣливался нанести ему визита, опасаясь вызвать тѣмъ неудовольствіе императора. И въ это время одинъ только Ростопчинъ проявилъ нѣкотораго рода смѣлость, рѣшившись обратиться къ Павлу I за разрѣшеніемъ посѣтить умирающаго героя и вручить ему знаки ордена св. Лазаря и св. Дѣвы-Маріи изъ Монъ-Кармеля отъ имени претендента на французскій престолъ (впослѣдствіи Людовика XVIII). Государь, встревоженный извѣстіями о безнадежномъ состояніи больного, не сталъ отказывать Ростопчину въ просьбѣ. Но когда Ростопчинъ пріѣхалъ къ Суворову, тотъ былъ уже настолько слабъ, что лишь съ большимъ трудомъ могъ разговаривать съ нимъ. Онъ кое-какъ понялъ слова графа, пока тотъ говорилъ о собственномъ уваженіи къ нему, но дальнѣйшая рѣчь относительно принесенныхъ Ростопчинымъ орденовъ осталась ему непонятной. Услышавъ, что ордена присланы изъ Митавы *), Суворовъ спросилъ съ удивленіемъ: «Изъ Митавы?

---

*) Претендентъ на французскую корону пользовался, какъ и многіе изъ французскихъ эмигрантовъ довольно долго расположеніемъ Павла Петровича; и только въ послѣдніе годы царствованія этого императора, когда его политическія симпатіи рѣзко измѣнились, будущему Людовику XVIII было предложено покинуть предѣлы Россіи.

Прим. перев.

Король Франціи долженъ пребывать въ Парижѣ, а не въ Митавѣ.» Нѣсколько дней спустя, именно 18-го мая 1800 года, старый полководецъ скончался.

ГЛАВА II.

Дѣятельность Ростопчина при Александрѣ I до назначенія его главнокомандующимъ г. Москвы (1801—1812 гг.).

Своенравному Павлу I наслѣдовалъ одинъ изъ самыхъ славныхъ государей, какихъ только когда либо видѣли на тронѣ; государь, которымъ во истину могла гордиться Россія, такъ какъ царствованіе Александра I могло бы служить украшеніемъ страницъ исторіи любой страны.

Когда, послѣ восшествія на престолъ молодого государя, Ростопчинъ прибылъ въ столицу имперіи, новыя награды ожидали стараго вѣрнаго слугу покойнаго монарха. Повидимому, именно въ это время онъ возведенъ въ чинъ генерала отъ инфантеріи и, кромѣ того, пожалованъ государемъ въ званіе камергера *). И если онъ не привлекъ его къ болѣе близкому участію въ дѣлахъ управленія, то произошло это скорѣе всего потому, что между самодержцемъ и его слугой не существовало уже

---

*) Оба эти соображенія не отвѣчаютъ дѣйствительности. Ростопчинъ, дѣйствительно, поспѣшилъ въ С.-Петербургъ послѣ смерти Павла I, но заручиться сочувствіемъ Александра Павловича ему не удалось. Помимо указываемаго ниже въ текстѣ коренного расхожденія во взглядахъ, Александра I должна была отталкивать отъ Ростопчина и та прямолинейность, съ которой бывшій фаворитъ Пав-

той гармоніи настроеній, которая выдвинула Ростопчина при Павлѣ I. Александръ I не питалъ особыхъ симпатій къ людямъ старыхъ взглядовъ. Онъ, какъ извѣстно, окружилъ себя группой молодыхъ дѣятелей, во главѣ которыхъ стоялъ графъ Викторъ Кочубей; это все были люди прогрессивныхъ убѣжденій, пылкіе энтузіасты, вполнѣ отвѣчавшіе настроеніямъ самого царственнаго ученика Ц. Лагарпа и вдохновлявшіеся иноземными вольнолюбивыми мечтами. Но все-же мы должны сказать, что Александра I отталкивала отъ Ростопчина не приверженность послѣдняго къ устоямъ старой Россіи. По странной исключительности Александръ I, столь просвѣщенный, столь кроткій, на котораго всѣ привыкли смотрѣть, какъ на государя дѣйствительно либеральнаго, приблизилъ къ себѣ генерала Аракчеева, отличавшагося еще большею привязанностью къ старинѣ, человѣка причудливаго, вспыльчиваго, съ рѣдкимъ самомнѣніемъ, словомъ, еще болѣе неуживчиваго, чѣмъ тотъ, который насъ интересуетъ. Поэтому мы имѣемъ право заключить, что Александръ I, отстраняя отъ себя Ростопчина въ первые годы своего царствованія, долженъ былъ имѣть для этого еще другіе мотивы.

Намъ уже приходилось въ другихъ своихъ трудахъ указывать, что внутренній государственный строй Россіи еще со времени Петра I и Екатерины II покоился на ложномъ основаніи и нуждался въ коренномъ преобразованіи. Чтобы опредѣлить болѣе

ла говорилъ о смерти послѣдняго. Да и при жизни Павла Петровича, особенно въ послѣдній годъ ея, отношенія Ростопчина къ наслѣднику были уже натянутыми. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ между прочимъ откровенно признавался, что великій князь его ненавидитъ.

Прим. перев.

точно, въ какомъ смыслѣ мы это говоримъ, да будетъ намъ позволено здѣсь сослаться на слѣдующія строки, появившіяся въ печати еще въ 1847 г., которыя сохраняютъ свое значеніе и до сихъ поръ, несмотря даже на то, что, благодаря стараніямъ и энергіи Царя-Освободителя, наши пожеланія только частично остались въ области мечтаній.

«Россія, говорили мы тогда, нуждается не столько въ политической свободѣ, сколько въ раскрѣпощеніи народныхъ массъ, въ установленіи законности и правосудія для всѣхъ, въ повышеніи уровня нравственности и въ уничтоженіи страшнаго соціальнаго зла, совершенно неизвѣстнаго на Западѣ— продажности чиновниковъ.» И къ этому мы прибавляли, что «все это—лишь результатъ абсолютизма, и что, разумѣется, привиллегированные классы не станутъ оказывать содѣйствія реформамъ; мы имѣли при этомъ въ виду привиллегированное сословіе, какъ одно цѣлое, а не отдѣльныхъ лицъ, выдѣляющихся изъ общей массы, составляющихъ истинную интеллигенцію страны, людей избранныхъ, идущихъ въ ногу со своимъ вѣкомъ, какъ и самъ ихъ великодушный монархъ.

Стремленія о которыхъ намъ только что пришлось упоминать, не только не были чужды и императору Александру I, но даже, напротивъ, они были имъ прекрасно усвоены и въ теченіе первыхъ десяти или одиннадцати лѣтъ его царствованія все время стояли въ порядкѣ дня.

Этотъ періодъ времени распадается на двѣ части: первая изъ нихъ обнимаетъ собой пятилѣтіе отъ 1801 г. по 1805 годъ. Впродолженіе всѣхъ этихъ лѣтъ государь, въ тѣсномъ единеніи со своими молодыми друзьями, серьезно и настойчиво занимался

колоссальной работой преобразованій, въ которыхъ нуждалась страна; этимъ онъ доказалъ всѣмъ, что «цивилизація» и «права человѣка» не были для него только пустыми звуками. Его, правда, отвлекали дѣла политики; желаніе играть видную роль въ Европейскомъ концертѣ державъ побудило его вмѣшаться въ восточныя дѣла, которыя не имѣли прямого отношенія къ Россіи. Благодаря этому, въ 1805—1807 годахъ его царствованія преобладаетъ внѣшняя политика и войны. Но сознаніе необходимости реформъ, на моментъ потерянное изъ виду, вновь воскресаетъ въ немъ послѣ Тильзитскаго мира, и, начиная съ этого момента, т. е. съ 1808 г. вплоть до 1812 г. начинается второй періодъ реформъ. Эти реформы осуществлялись Александромъ I уже не въ сотрудничествѣ съ его молодыми сподвижниками, столь любезными его сердцу, исполненными благородныхъ порывовъ (ему пришлось удалить ихъ отъ себя), но подъ вліяніемъ человѣка рѣдкой силы ума—Михаила Сперанскаго.

Скоро мы увидимъ, что Ростопчинъ былъ въ числѣ враговъ Сперанскаго, вѣроятно, потому, что онъ питалъ не меньшую ненависть къ кружку молодыхъ сподвижниковъ Александра I, а также и къ проэктамъ реформъ, осуществлявшихся имъ въ первую половину царствованія. Итакъ, мы не ошибемся, предположивъ, что въ этомъ именно обстоятельствѣ скрывалась причина его отстраненія отъ дѣлъ со вступленіемъ на престолъ молодого императора.

Какъ бы тамъ ни было, бывшій министръ, пользовавшійся въ теченіе долгаго времени могущественной властью, не могъ съ философскимъ спокойствіемъ отнестись къ своей отставкѣ и, конечно, роптalъ; онъ считалъ такое отношеніе къ себѣ несправедливымъ и старался измѣнить положеніе.

Еще больше усилилъ Ростопчинъ свои попытки въ началѣ второй войны, объявленной Россіей Франціи 28 ноября 1806 года. Столица Пруссіи уже была занята войсками Наполеона, и полномочный министръ Убриль еще въ первыхъ числахъ іюля прибылъ въ Парижъ съ предложеніями мира. Но какъ только стали извѣстны результаты сраженія при Іенѣ, между двумя могущественными державами Сѣвера, былъ заключенъ въ г. Гроднѣ военный договоръ (22-го ноября). Почти тотчасъ же русскіе полки заняли Варшаву, въ то время какъ на другой окраинѣ продолжались военныя дѣйствія противъ турокъ. Въ началѣ слѣдующаго года произошла кровопролитная битва при Эйлау, вблизи границы Россіи, и произвела на послѣднюю огромное впечатлѣніе.

Указомъ 24 декабря 1806-го года были призваны къ оружію провинціальныя ополченія, общая численность которыхъ, какъ полагали, достигала 612.000 человѣкъ. Эта чрезвычайная мѣра вызвала сильное волненіе среди населенія Россіи. Нѣсколько дней спустя послѣ опубликованія указа, а именно, 29-го декабря, Ростопчинъ обратился къ Александру I съ замѣчательнымъ во всѣхъ отношеніяхъ письмомъ, которое можно было считать знаменіемъ времени. Письмо это было впослѣдствіи напечатано на страницахъ «Всеобщей Оффиціальной газеты», которая получила его вмѣстѣ съ другими письмами Ростопчина при посредствѣ самого Наполеона и ошибочно датировала его 1-мъ ноября 1812 года.

Вотъ его содержаніе, какимъ мы его заимствуемъ изъ оффиціальнаго органа французской имперіи. Между прочимъ, религіозный характеръ, который не чуждъ этому письму, составляетъ обычное явленіе въ Россіи въ періоды національныхъ войнъ.

Ростопчинъ, хотя въ глубинѣ души былъ вольтеръянцемъ и энциклопедистомъ, какъ ниже увидимъ, въ данномъ случаѣ также считалъ нужнымъ сообразоваться съ этимъ обычаемъ.

Государь!

Преданность моя къ священной особѣ родителя Вашего никому болѣе не извѣстна, какъ Вашему Величеству. Залогомъ сего чувства является безпредѣльная признательность къ благодѣяніямъ, излитымъ на меня его щедрой рукой. Залогомъ моей вѣрности къ Вамъ, государь, служитъ моя присяга. Исполняя долгъ истиннаго христіанина и вѣрноподданнаго, я излагаю предъ вами мысли, внушенныя настоящими обстоятельствами, знаніемъ людей, усердіемъ къ славѣ отечества и къ сохраненію дворянства, которое, какъ вы и сами, Государь, никогда признали это, справедливо считается единственной опорою престола.

Это знаменитое сословіе, одушевленное духомъ Пожарскаго и Минина, жертвуетъ всѣмъ отечеству и гордится лишь титуломъ Россіянъ. Народное ополченіе будетъ готово къ сроку; сила его поставитъ непреоборимую преграду всемірному врагу и положитъ предѣлъ его стремленіямъ ступить на охраняемую самимъ Богомъ землю, которой уже свыше ста лѣтъ не дерзала коснуться нога непріятеля.

Но все это—усердіе, военная сила, вооруженіе, до сихъ поръ нигдѣ не виданныя,—все это обратится во мгновеніе ока въ ничто, когда слухи о мнимой вольности поднимутъ народъ на борьбу за достиженіе ея и повлекутъ за собой истребленіе дворянства, что составляло во всѣхъ возмущеніяхъ и бунтахъ постоянную цѣль черни; и къ этой цѣли

теперь она еще поспѣшнѣе устремится по примѣру Франціи, будучи подготовлена къ этому несчастнымъ просвѣщеніемъ, несчастнымъ послѣдствіемъ котораго является гибель царей и закона.

Мѣры, принятыя къ изгнанію иностранной сволочи изъ Имперіи вашей, вмѣсто пользы привели еще къ худшему злу, такъ какъ едва одинъ человѣкъ изъ 40 рѣшился оставить землю, гдѣ всякій иноземецъ находитъ уваженіе и богатство. Внушенная же страхомъ и корыстной выгодой присяга, не мѣняя образа мыслей, позволяетъ французамъ вредить Россіи, и это сказывается уже въ тѣхъ внушеніяхъ, которыя они распространяютъ среди крѣпостного сословія, уже поджидающаго Бонапарта, чтобы получить отъ него свободу.

Государь! Исцѣлите Россію отъ этой заразы и прикажите выслать за границу, оставивъ здѣсь лишь лицъ духовнаго званія, все скопище коварныхъ злодѣевъ, вредное вліяніе которыхъ губитъ умы и души несмыслящихъ вашихъ подданныхъ.

Присяга и совѣсть повелѣваютъ мнѣ исполнить святой долгъ, представя предъ вашими глазами истину въ томъ видѣ, въ какомъ я привыкъ нѣкогда высказывать ее вамъ, когда сердце ваше отдавало справедливость моей нелицемѣрной любви.

Во имя этого заклинаю васъ именемъ Божіимъ, подумайте, Государь, о прошедшемъ и настоящемъ, вспомните объ измѣнѣ Степанова, о настроеніи умовъ, о французскихъ философахъ, о Мартинистахъ при назначеніи начальника Московской милиціи.

Явитесь на нѣсколько дней въ эту столицу, чтобы снова возжечь любовь въ сердцахъ, почти совсѣмъ погасшую отъ несчастныхъ пораженій, нелѣ-

пыхъ разглашеній, проявленій самовольства, неуваженія къ закону и презрѣнія къ министерству.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ
Вашего Императорскаго Величества
Истинно вѣрноподданный
графъ Ѳедоръ Ростопчинъ.

Москва 17-го декабря 1806 г.

Пока же нашъ пылкій патріотъ плодотворно использовалъ свой вынужденный досугъ; опасность войны, которая и вообще не могла цѣликомъ приковывать его вниманія, вскорѣ была устранена, и за Фридляндомъ послѣдовалъ Тильзитъ. Ростопчинъ поспѣшилъ вернуться къ своимъ сельскохозяйственнымъ заботамъ, которымъ онъ отдавался со свойственнымъ вообще его натурѣ пыломъ. Онъ основалъ у себя въ имѣніи въ Вороновѣ, расположенномъ въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губ., въ 51 верстѣ (13 лье) отъ Первопрестольной, земледѣльческую школу. Этому имѣнію Ростопчина, какъ мы увидимъ ниже, суждено было занять мѣсто на страницахъ исторіи. Преподаваніе въ этой школѣ было поручено двумъ шведамъ—Паттерсону и Гумv, за собой же Ростопчинъ оставилъ главное руководство ею, такъ какъ онъ снабжалъ ее всѣмъ необходимымъ. Намъ извѣстно также, что Ростопчинъ приглашалъ всѣхъ сосѣднихъ помѣщиковъ посылать въ его школу учениковъ, которые бы въ теченіе 8 мѣсяцевъ могли ознакомиться съ земледѣльческими науками; имъ предоставлялось, кромѣ того, при условіи уплаты небольшого вознагражденія, получать изъ той же школы земледѣльческія орудія и усовершенствованныя машины, а также всякаго рода сѣмена, при помощи которыхъ они могли бы распро-

странить по всей странѣ новые и болѣе прибыльные пріемы земледѣлія.

Увлеченіе практической дѣятельностью не убило въ немъ писательской наклонности. Крупный вельможа не брезгалъ прибѣгать къ оружію этого рода, столь опошленному въ наши дни, и охотно предавался разнаго рода литературнымъ занятіямъ, сдѣлалъ даже, если угодно, карьеру писателя, хотя въ глубинѣ души онъ, конечно, презиралъ всѣхъ своихъ сотоварищей по перу. Такъ какъ ему, несмотря на его высокій военный чинъ, не была предоставлена возможность выступить противъ французовъ, чтобы сражаться съ ними на полѣ брани, онъ выступалъ противъ нихъ въ памфлетахъ и изливалъ свою желчь въ непристойныхъ шуткахъ, за которыя его справедливо упрекаетъ извѣстный германскій историкъ Шлоссеръ.

Его памфлетъ появился только на русскомъ языкѣ (въ Москвѣ, въ 1807 году) подъ псевдонимомъ «Сила Андреевичъ Богатыревъ». Онъ былъ озаглавленъ: «Мысли вслухъ», и эти размышленія авторъ предназначалъ для своихъ соотечественниковъ, произнося ихъ со ступеней краснаго крыльца царскихъ палатъ въ Московскомъ кремлѣ.

Это была сильная сатира, направленная противъ Франціи и французовъ, въ которой онъ упрекалъ русскихъ въ приверженности къ Франціи. «Кузнечный мостъ—ваше отечество! говоритъ онъ, а Парижъ—для васъ Рай». Критика различно оцѣнивала эти патріотическія буффонады и колкія шутки, которыя нашъ авторъ постоянно употреблялъ и въ разговорѣ; надъ ними смѣялись, но въ печати онѣ казались мало умѣстными и даже непристойными. О нихъ можно судить по слѣдующему отрывку, переведенному и на французскій языкъ: «Что за народъ

эти французы, восклицаетъ между прочимъ Ростопчинъ, они не стоятъ сантима. Все наше несчастье въ томъ, что наша молодежь знаетъ Фобласа и не читаетъ исторіи. Тогда она узнала бы, что въ головѣ у каждаго француза—либо вѣтреная мельница, либо домъ умалишенныхъ». Вся брошюра составлена въ этомъ же тонѣ. И это говорилъ человѣкъ, воспитавшійся на чтеніи французскихъ классиковъ, сумѣвшій позаимствовать отъ нихъ всю тонкость, пластичность и всѣ изгибы французскаго языка, человѣкъ, писавшій на этомъ языкѣ такъ, точно онъ самъ родился на берегахъ Сены.

Мы имѣли возможность ознакомиться съ однимъ письмомъ Ростопчина, адресованнымъ его соотечественницѣ, въ которомъ онъ восторгался однимъ изъ нашихъ извѣстныхъ писателей и даже доходилъ до преувеличеній въ своихъ похвалахъ. И въ этомъ, какъ намъ кажется, нѣтъ ничего удивительнаго. Среди русскихъ въ концѣ XVIII вѣка было принято наслаждаться французской литературой, театромъ, модами и даже кухней, презирая въ то же время французскую націю, особенно начиная съ 1792 г. Русская дама, къ которой Ростопчинъ обращался съ упомянутымъ письмомъ, была Екатерина Романовна Воронцова, по мужу княгиня Дашкова, получившая всеобщую извѣстность въ качествѣ президента Императорской Академіи наукъ съ 1783 г. по 1794 г. Писатель, о которомъ отзывался съ такой похвалой Ростопчинъ, былъ Дидро. Располагая нѣсколькими письмами, написанными французскимъ энциклопедистомъ къ любимицѣ Екатерины II, Дашкова показала ихъ Ростопчину и разрѣшила ему снять съ нихъ копіи. По всей вѣроятности это происходило въ Москвѣ, гдѣ она поселилась послѣ ссоры съ императрицей, незадолго до смерти послѣдней, и гдѣ

она сама скончалась въ 1810 году. Возвращая княгинѣ эти автографы, будущій французоѣдъ приложилъ къ нимъ слѣдующее письмо, написанное по французски:

«Кому приходилось читать, и кто привыкъ отдавать себѣ отчетъ въ прочитанномъ, тотъ не станетъ отрицать генія Дидро, но рѣдко кто скажетъ, что этотъ человѣкъ обладалъ на рѣдкость отзывчивымъ сердцемъ. Всѣ готовы признать, что это былъ великій человѣкъ, но никто не знаетъ, что онъ былъ въ то же время и однимъ изъ прекраснѣйшихъ людей своего времени. Своими произведеніями онъ пріобрѣлъ себѣ славу, но вмѣстѣ съ ней пріобрѣлъ также недруговъ и завистниковъ; единственнымъ утѣшеніемъ служила ему любовь друзей. Онъ былъ великимъ философомъ, блестящимъ писателемъ и серьезнымъ наблюдателемъ. Къ природѣ онъ питалъ родъ страсти, и его душа была полна трепетнаго восторга къ твореніямъ Предвѣчнаго, и это же чувство внушало ему уваженіе къ княгинѣ Дашковой.»

Самой княгинѣ Дашковой было въ ту пору не менѣе 50 лѣтъ; поэтому комплиментъ, который позволилъ себѣ Ростопчинъ по ея адресу, относился, безъ сомнѣнія, къ живому и одаренному уму старой помощницы Екатерины II и подругѣ Вольтера, котораго она навѣстила въ 1771 г. въ Ферни. Она произвела тогда на него сильное впечатлѣніе своимъ веселымъ характеромъ, любезностью и умѣньемъ разсказывать анекдоты.

Это послѣднее обстоятельство засвидѣтельствовано и самимъ патріархомъ философовъ, который могъ бы заткнуть за поясъ всѣхъ русскихъ льстецовъ. Въ одномъ изъ писемъ Вольтера къ русской императрицѣ находимъ слѣдующія слова: «Она (княгиня Дашкова) въ теченіе четырехъ часовъ го-

ворила мнѣ о вашемъ величествѣ, а мнѣ они показались четырьмя короткими минутами».

Возвращаясь къ нашему Ростопчину, мы должны сказать, что высказанное имъ по поводу Дидро сужденіе было далеко отъ того, чтобы вызвать ненависть къ французамъ, напротивъ, оно было способно внушить совершенно противоположныя чувства. Но характеръ потомка Чингизъ-Хана былъ необузданъ и измѣнчивъ. Онъ доводилъ обыкновенно до предѣловъ крайняго напряженія всѣ свои чувства, да къ тому же, какъ мы уже замѣтили, онъ не переносилъ на всю націю того расположенія, какое питалъ самъ къ французской литературѣ и даже ко многимъ изъ французовъ. Поэтому въ моментъ всеобщаго возбужденія онъ цѣликомъ отдался порыву патріотизма и готовъ былъ съ пѣной у рта нападать на несчастную Францію.

Памфлетъ Ростопчина, о которомъ мы уже упоминали, первоначально былъ напечатанъ безъ вѣдома графа. Библіографъ Полторацкій сообщилъ намъ между прочимъ по этому поводу слѣдующую интересную деталь. Авторъ его, принося дань уваженія всѣмъ русскимъ генераламъ, которые участвовали въ войнѣ 1807 года, только одного изъ нихъ обошелъ молчаніемъ, а именно главнокомандующаго арміей. Но нескромный издатель этого памфлета поспѣшилъ исправить этотъ пропускъ и прибавилъ слѣдующія слова: «Слава тебѣ, храбрый Бенингсенъ!» Генералъ Бенингсенъ, человѣкъ, впрочемъ, очень способный и сильно привязанный къ императору Александру I, въ глазахъ Ростопчина провинился не только своимъ участіемъ въ кровавыхъ сраженіяхъ при Фридландѣ и Эйлау, но и еще по одной, болѣе важной причинѣ. Бывшій министръ Павла I, не торговавшій, подобно другимъ,своими привязанностями,

не забывалъ печальной участи своего государя, который осыпалъ его благодѣяніями и милостями. Бенингсенъ же, какъ извѣстно, игралъ видную роль въ памятную ночь съ 11-го на 12-ое марта 1801-го года. Ростопчинъ поэтому преднамѣренно опустилъ его имя въ длинномъ спискѣ генераловъ, о которыхъ упоминалъ въ своей брошюрѣ, и онъ, безъ сомнѣнія, пришелъ въ ярость, когда увидѣлъ, что кто-то другой осмѣлился восполнить этотъ пропускъ. Памфлетъ Ростопчина произвелъ сенсацію и разошелся въ семи тысячахъ экземпляровъ—количество огромное для Россіи того времени, еще не имѣвшей широкаго круга читателей. Онъ вызвалъ возраженія, которыя также печатались. Это можетъ служить, замѣтимъ здѣсь кстати, доказательствомъ того либерализма, которымъ отличалась первая половина царствованія Александра I, и въ то же время это было такъ непохоже на тѣ цензурныя стѣсненія, которыя воскресли во вторую половину того же царствованія.

По этому поводу можно сослаться на слѣдующую замѣтку современника Ростопчина, К. Полевого, помѣщенную въ одномъ ежемѣсячномъ журналѣ въ 1853 г. «Когда по Москвѣ разнесся слухъ, говорится въ этой замѣткѣ, что знаменитый русскій вельможа, богатый и извѣстный своимъ язвительнымъ умомъ, написалъ рѣзкую брошюру противъ французовъ и ихъ вліянія въ Россіи, всѣ захотѣли ее прочесть, въ надеждѣ найти въ ней отзвукъ тѣхъ чувствъ, которыми тогда всѣ были охвачены. Вскорѣ однако начались протесты; одни заявляли свой протестъ открыто, въ печати, другіе же возражали лишь противъ преувеличеній и рѣзкостей, допущенныхъ авторомъ памфлета.

Франція продолжала имѣть убѣжденыхъ друзей

въ Россіи. Тильзитскій миръ былъ только что заключенъ, а вслѣдъ за нимъ, всего черезъ 15 мѣсяцевъ, состоялось эрфуртское свиданіе монарховъ. Глава французской партіи, графъ Николай Румянцевъ, былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и удостоенъ званія великаго канцлера.

Между тѣмъ, Ростопчинъ не переставалъ упорствовать въ своей ненависти къ французамъ. Но желая придать своимъ нападкамъ большую силу, онъ на этотъ разъ выступилъ съ драматическимъ произведеніемъ, предназначеннымъ для сцены и написаннымъ на русскомъ языкѣ. 14 февраля 1808 года онъ представилъ Московскому Императорскому Театру свою комедію въ одномъ актѣ, въ прозѣ, носившую названіе:

«Вѣсти или убитой живой».

Среди другихъ персонажей этой комедіи былъ выведенъ Сила Андреевичъ Богатыревъ, олицетворявшій тѣ же самыя чувства, съ которыми мы сталкивались въ памфлетѣ Ростопчина; въ ней преобладали колкости, а ея преувеличенія производили впечатлѣнія настоящаго шаржа. Только одинъ Булгаринъ, полякъ по происхожденію, но человѣкъ недалекаго ума, могъ сказать, что эта пьеса является настоящей «золотой книгой» и носитъ на себѣ «отпечатокъ русскаго генія».

Во всякомъ случаѣ, она не произвела такого впечатлѣнія на всѣхъ. По отзыву Бантышъ-Каменскаго, эта комедія не понравилась многимъ, кого авторъ не стѣснялся въ ней задѣвать и даже оскорблять. Тогда графъ Ростопчинъ, прикрываясь псевдонимами «Вѣниковъ» и «Богатыревъ», выступилъ съ новыми разъясненіями, облекши ихъ въ форму писемъ, и пытался въ нихъ оправдаться передъ тѣми, которыхъ онъ обвинялъ въ неистовыхъ восторгахъ

передъ чужеземнымъ безразсудствомъ и нелѣпостью.

Не заставляютъ ли всѣ эти произведенія пожалѣть объ утратѣ другихъ трудовъ нашего автора? Мы не станемъ здѣсь рѣшать этого вопроса, но ограничимся лишь констатированіемъ того, что таковые существовали. Намъ неизвѣстны даже ихъ названія, но по свидѣтельству близкаго друга Ростопчина: «графъ написалъ значительное число комедій, полныхъ остроумія, въ которыхъ онъ выводилъ въ смѣшномъ видѣ многихъ своихъ современниковъ, обратившихъ почему-либо его вниманіе своей оригинальностью. Всѣ такія произведенія его читались обыкновенно въ интимныхъ кружкахъ и тотчасъ же бросались въ каминъ. И только одно изъ нихъ, носившее заглавіе: «Убитой живой», появилось на сценѣ».

Самой удачной изъ написанныхъ Ростопчинымъ вещей слѣдуетъ все же считать его «Воспоминанія, написанныя въ десять минутъ». Но своей европейской извѣстности нашъ герой обязанъ не своимъ литературнымъ талантамъ, равно какъ и не своей службѣ въ качествѣ министра.

Скоро намъ предстоитъ перейти къ описанію войны 1812 года, въ которой ему до извѣстной степени пришлось сыграть роль спасителя отечества. До этого же момента его дѣятельность не приносила реальныхъ благодѣяній населенію Россіи, если не считать его попытокъ содѣйствовать поднятію земледѣльческой культуры, которая была, есть и будетъ главнымъ источникомъ благосостоянія этой страны. Упрямый вельможа, несмотря на весь свой умъ, проявлявшійся во всякой его дѣятельности, несмотря на свое преклоненіе передъ Дидро, оставал-

ся глухимъ къ запросамъ жизни и протестовалъ противъ самыхъ неотложныхъ реформъ.

Итакъ, годы, непосредственно предшествовавшіе Отечественной войнѣ, были для Александра I второй эпохой его реформъ, о которой мы упоминали уже мимоходомъ. Французское нашествіе неизбѣжно должно было повлечь за собой пріостановку этой реформаторской дѣятельности и ее дѣйствительно пріостановило.

Въ это время довѣріемъ Александра I начинаетъ пользоваться Михаилъ Сперанскій, сынъ скромнаго сельскаго священника. Онъ выступилъ съ планомъ коренного преобразованія Россіи посредствомъ изданія разумныхъ законовъ, исполненіе которыхъ онъ хотѣлъ гарантировать торжественнымъ обѣщаніемъ самого Монарха.

Въ проэктировавшихся реформахъ онъ разсчитывалъ найти поддержку въ тѣхъ классахъ населенія, которые до того времени не пользовались никакимъ вліяніемъ на ходъ государственныхъ дѣлъ. Этотъ сынъ священника, лишь въ сентябрѣ 1809 года получившій чинъ тайнаго совѣтника,—въ январѣ 1810 г. назначенъ былъ статсъ-секретаремъ имперіи, а 1-го января 1812 г., за оказанныя имъ услуги, получилъ отъ Александра I высшій государственный орденъ Св. Александра Невскаго. Несмотря на свое скромное званіе статсъ-секретаря имперіи, т. е., другими словами, секретаря Государственнаго Совѣта, учрежденнаго по его же плану въ 1810 году, Сперанскій въ дѣйствительности являлся главой кабинета министровъ, дѣятельностью которыхъ онъ руководилъ, строго контролируя въ особенности расходованіе государственныхъ средствъ.

Какимъ образомъ онъ могъ достигнуть такого высокаго положенія? Онъ говоритъ объ этомъ самъ

въ своемъ замѣчательномъ письмѣ къ Александру I, написанномъ въ январѣ 1813 года въ свое оправданіе.

По словамъ Сперанскаго, основное стремленіе Александра́ I со дня вступленія его на отцовскій престолъ заключалось «въ установленіи и святомъ соблюденіи прочнаго государственнаго порядка, основаннаго на законѣ». Этотъ принципъ былъ положенъ въ основу всѣхъ предпринятыхъ имъ реформъ, и ему онъ оставался вѣренъ въ теченіе 12 лѣтъ своего царствованія, несмотря ни на какія препятствія. «Мѣнялись лица, вмѣстѣ съ ними мѣнялись планы реформъ, но первоначальное намѣреніе, основная мысль законодателя оставалась постоянно одной и той же: на мѣсто усмотрѣнія поставить законность».

Отдавъ эту должную дань уваженія прекраснымъ намѣреніямъ Монарха, Сперанскій переходитъ въ своемъ письмѣ къ себѣ самому. «Вплоть до 1808 года, говоритъ онъ, я былъ лишь постороннимъ наблюдателемъ этихъ реформъ... Когда Вашему Величеству было угодно возложить на меня, черезъ посредство графа Кочубея, подъ начальствомъ котораго я тогда служилъ, разработку проэкта преобразованія административныхъ и судебныхъ мѣстъ Имперіи, я принялъ на себя это порученіе съ великой радостью и, смѣю думать, я выполнилъ его со всѣмъ усердіемъ, на какое способенъ».

Этотъ проектъ, дѣйствительно, былъ составленъ, но Александръ I не отважился, какъ ни старался его убѣдить Сперанскій, осуществить его сразу цѣликомъ. Сперва было опубликовано объ учрежденіи Государственнаго Совѣта, въ которомъ вплоть до 1812 года Сперанскому пришлось играть главную роль, непосредственно представляя императору соображенія, законы и обработанные проэкты и со-

общая ихъ затѣмъ вмѣстѣ съ соображеніями государя общему собранію Совѣта. Во вторую очередь получилъ силу закона новый регламентъ министерствъ, принятый еще въ 1812 году, но введенный въ дѣйствіе лишь съ 1810 года. Это также была реформа огромной важности, такъ какъ она устанавливала точныя и ясныя границы власти представителей различныхъ отраслей администраціи и въ то же время вводила порядокъ и разумное раздѣленіе труда. Наконецъ, на третьемъ мѣстѣ была поставлена реорганизація Сената, независимаго отъ вліянія министровъ и возвращеннаго къ своей первоначальной роли,—быть верховнымъ трибуналомъ, высшимъ руководителемъ судебныхъ мѣстъ и стражемъ законности на всемъ пространствѣ Имперіи. Сенатъ въ то же время долженъ былъ быть освобожденъ отъ чисто административныхъ функцій, которыя только искажали его характеръ и мѣшали ему сохранить, на ряду съ высшими органами исполнительной власти, ту независимость, въ которой онъ болѣе всего нуждался.

Наряду съ этимъ, съ одобренія самого Александра I, Сперанскій принялся за гигантскій трудъ кодификаціи русскихъ законовъ, такихъ запутанныхъ и противорѣчивыхъ. Начатый еще задолго до того времени, этотъ трудъ при Сперанскомъ настолько подвинулся впередъ, что далъ возможность внести на обсужденіе Государственнаго Совѣта проэктъ свода гражданскихъ законовъ, а также положилъ основаніе для составленія торговаго и уголовнаго кодексовъ, однимъ словомъ, подготовилъ пересмотръ всего русскаго законодательства Обремененный всей этой массой работы, Сперанскій находилъ однако время, чтобы удѣлять вниманіе и другимъ неотложнымъ нуждамъ государства. Алек-

сандръ I, пораженный безчисленнымъ количествомъ злоупотребленій, царившихъ въ финансовомъ вѣдомствѣ, поручилъ ему составленіе проэкта преобразованій и въ этой области, которыя бы улучшили состояніе государственной казны.

Освобожденіе крѣпостныхъ, одинъ изъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ старой Россіи, такъ удачно разрѣшенный впослѣдствіи манифестомъ 19-го февраля 1861 года—также значилось въ числѣ обширныхъ преобразованій, надъ которыми приходилось работать Сперанскому. Извѣстно, что Александръ I живо интересовался этимъ вопросомъ и никогда не забывалъ о немъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ указы 9 ноября 1809 г., 20 февраля 1803 г. и 2 марта 1801 г., освободившіе по оффиціальнымъ даннымъ свыше 13.575 душъ мужескаго пола, и, наконецъ, указъ объ освобожденіи крѣпостныхъ въ Ливоніи (23-го мая 1816 г.), открывшій собой новую эру въ исторіи крѣпостного права въ Россіи.

Говоря о Сперанскомъ, который насъ въ данный моментъ занимаетъ, намъ пришлось на время потерять изъ виду Ростопчина и коснуться одной изъ великихъ соціальныхъ проблемъ, стоявшихъ въ то время на очереди въ Россіи. Но да будетъ намъ позволено еще немного продлить наше невольное отступленіе. Оно необходимо для уясненія нѣкоторыхъ фактовъ, о которыхъ намъ предстоитъ еще говорить, да и само по себѣ не лишено интереса.

Въ 1812 году въ нѣкоторыхъ русскихъ губерніяхъ пронесся слухъ, что французы вернутъ крѣпостнымъ людямъ свободу. По этому поводу мы находимъ въ Исторіи Биньона слѣдующее замѣчаніе: «Безъ сомнѣнія, въ Россіи не трудно было возбудить гражданскую войну, но Наполеонъ самъ отвергъ

всѣ предложенія этого рода, которыя ему дѣлались во время пребыванія въ Москвѣ». Робертъ Вильсонъ съ своей стороны подтверждаетъ это, да и самъ французскій императоръ въ своемъ отвѣтѣ на адресъ Сената (20 декабря 1812 года) употребилъ почти тѣ же самыя выраженія, какъ его историкъ-дипломатъ.

Но насколько однако заслуживаютъ вѣры утвержденія подобнаго рода? Конечно, они имѣютъ подъ собой нѣкоторое основаніе, но мы полагаемъ, что они относились скорѣе всего къ губерніямъ польскимъ, чѣмъ къ русскимъ въ собственномъ смыслѣ. Освобожденіе крестьянъ, какъ извѣстно, было торжественно провозглашено въ герцогствѣ Варшавскомъ. Когда слухъ объ этомъ благодѣяніи сталъ извѣстенъ жителямъ Литвы и Бѣлоруссіи, послѣдніе не сомнѣвались, что милость эта будетъ распространена и на нихъ; обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, они стали ждать осуществленія ея отъ французовъ. Отсюда тѣ же смутные слухи распространились и среди деревенскаго населенія сосѣднихъ губерній Великороссіи, гдѣ зачастую, не привыкшіе ни въ чемъ разбираться, крестьяне повторяли, что ихъ положеніе должно совершенно перемѣниться: они-де займутъ мѣсто своихъ господъ, а тѣ—станутъ крѣпостными. На этой почвѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разыгрывались даже печальныя событія, свѣдѣнія о которыхъ попадали и въ литературу. Но все это были частью отдѣльные случаи, а частью очевидныя несообразности, не имѣвшія подъ собой никакой реальной почвы. Безъ сомнѣнія, конечно, многіе льстили Наполеону, развертывая передъ нимъ перспективу взять въ свои руки судьбы Россіи, и ему самому, быть можетъ, одно время улыбалась эта надежда, но въ итогѣ, несмотря на представля-

шуюся возможность ея осуществленія, эта надежда осталась иллюзіей.

Возвращаясь къ біографіи Сперанскаго, мы должны здѣсь сказать, что Александръ I разсчитывалъ съ его помощью осуществить коренную перестройку всего прогнившаго до самыхъ низовъ стараго государственнаго зданія Россіи, къ которму онъ самъ могъ питать только отвращеніе. Сперанскій, казалось, удовлетворялъ его запросамъ, какъ человѣкъ необычайныхъ способностей и рѣдкаго усердія. Но, отдаваясь цѣликомъ этой реформаторской дѣятельности, направленной къ улучшенію положенія народныхъ массъ, выступая неутомимымъ поборникомъ общественнаго блага, могъ ли онъ не привлечь на свою сторону всеобщаго вниманія? могъ ли онъ остаться безъ многочисленныхъ поклонниковъ во всѣхъ классахъ общества, а въ особенности въ среднихъ и низшихъ слояхъ его?

Но тѣ же самыя причины, которыя создавали Сперанскому приверженцевъ, породили и его враговъ, принадлежавшихъ преимущественно къ классу придворной аристократіи. Они составили противъ него настоящій заговоръ, во главѣ котораго стояли генералъ Армфельдъ и Балашовъ, а сообщникомъ ихъ былъ интриганъ Розенкампфъ, вошедшій къ Сперанскому въ довѣріе. Докладная записка, составленная послѣднимъ, была настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ Сперанскаго и всѣхъ нововведеній, осуществленныхъ съ 1808 г. по 1812 г. Его обвиняли въ стремленіи уничтожить рессурсы государства *) и подорвать его кредитъ. Чтобы

*) Въ вину Сперанскому, между прочимъ, было поставлено его несочувствіе выпуску бумажныхъ денегъ. Сперанскій справедливо укорялъ, что выпускъ ассигнацій по-

вѣрнѣе погубить, ему вмѣняли въ вину государственныя преступленія, тайныя сношенія съ французами и Наполеономъ, который въ этотъ моментъ уже готовился къ войнѣ съ Россіей. Увѣряли, что Сперанскій, чтобы облегчить задачу Наполеона, задался цѣлью разорить государство и стремится этого достигнуть путемъ дезорганизаціи существующаго порядка, настаивая на измѣненіи самихъ основъ его. Авторы докладной записки особенно напирали на послѣдній пунктъ обвиненія. Но Сперанскій былъ безконечно правъ, когда отвѣтилъ слѣдующимъ образомъ на эти вздорныя обвиненія. «Измѣнить основы правленія? пишетъ онъ въ своемъ отвѣтѣ Александру I, но для кого и съ помощью какихъ средствъ пытался я этого достигнуть? гдѣ мои сообщники? нашли-ли хоть какой-нибудь слѣдъ подобнаго плана во всей моей жизни и въ моихъ бумагахъ?» Что касается другого пункта обвиненія—сношеній съ Наполеономъ, въ немъ была извѣстная доля правды, которую постарались раздуть, извратить и приправить ядовитыми подозрѣніями. Сперанскій, дѣйствительно, послалъ нѣсколько писемъ французскому императору, но, во-первыхъ, еще задолго до войны, во-вторыхъ, письма эти касались исключительно законодательныхъ вопросовъ и затрудненій, связанныхъ съ изданіемъ Кодекса Наполеона, и, наконецъ, эти сношенія Сперанскаго происходили съ вѣдома самого Александра I. Признаваясь самъ въ этихъ сношеніяхъ, Сперанскій въ своемъ отвѣтѣ государю давалъ послѣднему понять, что его обязанности по отношенію къ государю не

дорветъ кредитъ Россіи и обезцѣнитъ самыя ассигнаціи. Такъ оно конечно и случилось.

Прим. перев.

позволяютъ ему освѣтить какъ слѣдуетъ это обстоятельство. «Единственная мысль меня печалитъ, писалъ онъ: мои враги могли заподозрить мои политическія убѣжденія, могли обвинить меня въ приверженности къ французскимъ идеямъ, но вы, государь, зная мои взгляды и мои труды,могли-ли вы заподозрить меня хоть въ чемъ-нибудь... А между тѣмъ въ обществѣ широко распространены слухи о моихъ мнимыхъ сношеніяхъ съ Франціей, и эти слухи составляютъ въ настоящій моментъ самый важный, я бы даже сказалъ, единственный серьезный пунктъ обвиненія, выдвинутаго противъ меня. Вы лишь одни, государь, можете реабилитировать меня отъ этихъ подозрѣній въ глазахъ общественнаго мнѣнія, и, я осмѣлюсь сказать, вы должны это сдѣлать. У васъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній по этому поводу.»

Такова была низкая интрига, съ помощью которой хотѣли погубить ненавистнаго министра, которому не могли простить его происхожденія, его либеральныхъ нововведеній и его твердаго характера, недоступнаго подкупу, который всегда игралъ въ Россіи большую роль.

Въ эту интригу былъ замѣшанъ и Ростопчинъ. Будучи противникомъ освобожденія крестьянъ, противникомъ всякихъ реформъ и французскихъ идей, а въ особенности идей политическихъ, онъ сталъ врагомъ Сперанскаго и жаждалъ его гибели *).

---

*) Роль Ростопчина въ судьбѣ Сперанскаго остается и до сихъ поръ не вполнѣ выясненной. Но въ ненависти, которую питалъ графъ Ростопчинъ къ сотруднику Александра, сомнѣваться не приходится. Уже будучи Московскимъ губернаторомъ, онъ постарался настроить противъ Сперанскаго, тогда уже сосланнаго въ Нижегородскую губернію, московское купечество, болѣе пылкіе представители кото-

Есть указанія, что онъ непосредственно выступилъ противъ любимца Александра I и способствовалъ его паденію.

Ростопчинъ въ это время снова показался на общественной аренѣ, и Александръ I рѣшилъ назначить его военнымъ губернаторомъ г. Москвы.

Въ началѣ памятнаго 1812 года, эту должность продолжалъ занимать старый фельдмаршалъ Гудовичъ, прославившійся своими побѣдами надъ турками, персами и народностями Кавказа. Но въ моментъ страшнаго бѣдствія, грозившаго обрушиться на Россію, силы восьмидесятилѣтняго старца оказались недостаточными для выполненія отвѣтственной службы. Патріотическая партія, группировавшаяся вокругъ Ростопчина, рѣшила добиться его смѣщенія. Разсказываютъ, что Ростопчинъ, стремясь ускорить отставку Гудовича, повсюду его высмѣивалъ. Онъ старался не упускать случая позубоскалить насчетъ стараго фельдмаршала, изображая въ московскихъ гостиныхъ его согнутую фигуру, его старческую походку и дрожащій голосъ. «Въ особенности онъ былъ неподражаемъ, говоритъ г. Домергъ, бывшій въ то время директоромъ французскаго театра,—когда представлялъ стараго губернатора, производящаго смотръ войскамъ подъ звуки военнаго марша; все общество покатывалось отъ смѣха надъ комичными позами Ростопчина.» Эти

раго намѣревались даже покончить со Сперанскимъ, отправляясь въ Нижній Новгородъ на ярмарку. Затѣмъ самъ Ростопчинъ мечталъ о томъ, чтобы вытребовать Сперанскаго въ Москву и здѣсь свести съ нимъ счеты и даже требовалъ его присылки отъ Нижегородскаго губернатора. Но добиться этого ему не удалось. Удалось лишь еще сильнѣе возстановить противъ Сперанскаго Александра I.

Прим. перев.

продѣлки увѣнчались успѣхомъ, и въ февралѣ 1812 г. Гудовичъ былъ уволенъ въ отставку, а его мѣсто занялъ Ростопчинъ, благодаря протекціи одной великой княгини *). По словамъ того же Домерга, по этому поводу въ Москвѣ ходили по рукамъ остроумные куплеты, разсказывавшіе о томъ, какимъ оригинальнымъ способомъ добился Ростопчинъ назначенія на эту должность.

Однимъ изъ первыхъ шаговъ Ростопчина, послѣ назначенія его на должность московскаго губернатора, было его письмо къ Александру I, написанное 17 марта 1812 г. **); въ немъ онъ заклиналъ государя не довѣрять Сперанскому и отказаться отъ его услугъ. Въ спорахъ, поднявшихся по поводу этого письма, многое осталось неяснымъ. По словамъ одного изъ біографовъ Сперанскаго, барона Корфа, въ то время въ публикѣ ходило по рукамъ много копій этого письма, подлинность которыхъ можетъ быть сильно заподозрѣна, но самый фактъ посылки письма государю остается неопровергнутымъ. Что же касается рѣзкостей, допущенныхъ въ письмѣ, то слѣдуетъ замѣтить, что онѣ могли принадлежать не одному Ростопчину, который писалъ не только отъ своего имени, но и отъ имени своихъ подчиненныхъ, какъ это видно уже изъ самой подписи на письмѣ: «Ростопчинъ и Москвичи,» встрѣчавшейся на нѣкоторыхъ копіяхъ.

---

*) А именно, родной сестры императора Александра I, в. кв. Екатерины Павловны.

**) Принадлежность этого письма Ростопчину, хотя подъ нимъ и стояла его подпись, считается въ настоящее время апокрифической. И дѣйствительно, самый способъ выраженія того письма мало сходенъ съ обычной и характерной манерой ростопчинскихъ писаній.

Прим. перев.

«Быть можетъ, говоритъ Бантышъ-Каменскій, Ростопчинъ ужъ слишкомъ переусердствовалъ и ошибался, какъ человѣкъ, но онъ выступалъ въ данномъ случаѣ не самъ за себя, а въ качествѣ представителя старой столицы, которая его выбрала руководить ея судьбами и возложила на него полномочіе упрочить общественное спасеніе и защиту отечества посредствомъ обращенія къ трону.» Но чтобы ни говорили по этому поводу, все это не можетъ послужить оправданіемъ интригъ, которыя лишь прикрывались ссылками на общественную опасность, а на самомъ дѣлѣ являлись результатомъ ненависти къ прогрессу и той враждебности, съ какой всѣ верхи русскаго общества взирали на выскочку—Сперанскаго, который, пользуясь довѣріемъ своего государя, велъ энергичный походъ противъ всѣхъ частей устарѣвшаго зданія русской государственности и стремился къ полному уничтоженію ихъ.

Самъ Ростопчинъ, правда, по словамъ барона Корфа, отрицаетъ свое формальное участіе въ заговорѣ противъ Сперанскаго, но на это можно возразить, что онъ точно также отрицалъ впослѣдствіи и свое участіе въ московскомъ пожарѣ. Какъ онъ самъ утверждаетъ, Сперанскій былъ удаленъ спустя пять дней послѣ его пріѣзда въ С.-Петербургъ. Но мы должны напомнить, что письмо предшествовало его поѣздкѣ и личной аудіенціи у Александра I, во время которой онъ также, надо полагать, не терялъ напрасно времени. Итакъ, каковы бы ни были детали этой интриги, остающіяся спорными и до сихъ поръ, участіе въ ней Ростопчина не подлежитъ сомнѣнію. Паденіе Сперанскаго разразилось, какъ ударъ грома въ ясный день. 29 марта, во время обѣда къ нему явился фельдъегерь и пригла-

силъ немедленно явиться къ императору; это было въ восьмомъ часу вечера. А два часа спустя онъ вышелъ изъ кабинета императора со слезами на глазахъ, не будучи въ состояніи скрыть своего внутренняго волненія. Князь Александръ Голицынъ, его постоянный помощникъ, долженъ былъ уложить его бумаги въ портфель, и разжалованный министръ вышелъ изъ дворца прямо въ карету, конвоируемую офицеромъ, которая должна была доставить его на мѣсто ссылки. Впрочемъ, ему разрѣшено было заѣхать проститься домой. Самодержецъ пожертвовалъ своимъ вѣрнымъ слугой, чтобы отклонить этимъ отъ себя самого недовѣріе и раздраженіе, вызванное реформами, которыя онъ самъ же одобрилъ. «Страна, говоритъ по этому поводу де-Местръ, въ которой для предъявленія обвиненія въ государственной измѣнѣ достаточно двухъ словъ военнаго губернатора и объясненія съ глазу на глазъ съ государемъ, поистинѣ не такъ ужъ далеко ушла впередъ отъ цивилизаціи ирокезовъ.» Но къ счастью, скажемъ мы, эта страна оказалась способной къ усвоенію реформъ.

ГЛАВА III.

Послѣдствія Бородинскаго боя и пожара Москвы. Рѣшенія Кутузова.

Мы изложили выше два первыхъ періода жизни Ростопчина; теперь намъ предстоитъ говорить объ ужасной катастрофѣ, которой онъ былъ обязанъ своей европейской извѣстности. Это дастъ намъ возможность коснуться его историческихъ замѣтокъ,

представляющихъ такой большой интересъ; но мы, конечно, подвергнемъ ихъ необходимому критическому разбору, безъ котораго и невозможно было бы никогда установить истину.

Три мѣсяца спустя послѣ избранія нашего героя губернаторомъ Москвы *) и вскорѣ послѣ паденія его противника Сперанскаго, а именно, 24 іюня 1812 года, французскій императоръ перешелъ черезъ Нѣманъ и вторгся въ предѣлы Россіи во главѣ арміи, насчитывавшей въ своихъ рядахъ до 420.000 солдатъ и состоявшей изъ представителей десяти различныхъ національностей; тамъ были: французы, итальянцы, поляки, германцы, жители Рейнскаго союза, австрійцы, пруссаки и др.; позднѣе къ нимъ присоединилось еще 100.000 человѣкъ.

Россія, несмотря на противоположныя увѣренія Александра I, совершенно не была подготовлена къ отраженію этого страшнаго нашествія; армія

---

*) Окончательное назначеніе Ростопчина на постъ московскаго главнокомандующаго послѣдовало не въ февралѣ 1812 г., а лишь 29 мая того же года; тогда же онъ былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи, а не въ началѣ царствованія Александра I, какъ ошибочно раньше указывалъ Шницлеръ. Въ февралѣ же Александръ I только заручился согласіемъ Ростопчина занять эту должность. Слѣдуетъ также прибавить здѣсь, что Ростопчинъ не сразу согласился на это назначеніе, такъ какъ не считалъ его для себя очень лестнымъ, послѣ той роли, какую онъ игралъ въ предшествующее царствованіе. Онъ предпочиталъ этому назначенію остаться въ роли „состоящаго при государѣ", надѣясь этимъ путемъ снискать себѣ утраченное расположеніе Александра Павловича, подобно тому какъ при подобныхъ же условіяхъ онъ заручился милостью его отца. Но въ концѣ концовъ ему пришлось уступить настоятельнымъ просьбамъ государя.

Прим. перев.

ея была малочисленна, государственная казна— пуста,и не находилось людей, способныхъ создать необходимые рессурсы, отсутствіе которыхъ не замедлило обнаружиться.

Къ счастью для Россіи, эти 420.000 солдатъ не были старыми воинами, участниками битвъ подъ Аустерлицемъ и Фридландомъ: имъ, занятымъ въ Испаніи, не суждено было больше увидѣть свою родину.

Въ Россію же пришли большей частью новобранцы, и лишь въ качествѣ примѣра для подражанія молодымъ въ каждомъ батальонѣ имѣлось извѣстное число старыхъ солдатъ Наполеона. Кромѣ того, въ значительной части эти полчища были набраны среди союзниковъ французовъ, не питавшихъ къ нимъ особыхъ симпатій и слѣдовавшихъ за Наполеономъ не по своей волѣ.

При такомъ положеніи вещей, единственный разумный планъ компаніи состоялъ въ томъ, чтобы противопоставить непріятелю огромныя пространства и, увлекая его внутрь страны, заставить его возможно болѣе удалиться отъ складовъ военныхъ запасовъ и отъ резервовъ. Но этотъ планъ, какъ увѣряетъ авторъ «Воспоминаній генерала Толля», не былъ усвоенъ русскими сразу. Какъ мы увидимъ немного позднѣе, первоначально существовалъ проэктъ укрѣпиться лагеремъ на берегу Дриссы и встрѣтить тамъ врага.

Но сама сила вещей заставила русскихъ полководцевъ впослѣдствіи остановиться на томъ планѣ, о которомъ имъ слѣдовало бы подумать съ самаго начала.

Съ тѣхъ поръ, избѣгая встрѣчи съ французской арміей, русскія войска стали уклоняться отъ атакъ и продолжали отступать вплоть до Смолен-

ска. За эту тактику высказался главнокомандующій первой арміей Барклай де Толли, послѣ отъѣзда императора, который вначалѣ самъ командовалъ войсками. Благодаря ряду допущенныхъ ошибокъ, не произошло въ должное время соединенія обѣихъ русскихъ армій—той, о которой мы уже упоминали, и другой, находившейся подъ командой князя Багратіона. Это соединеніе армій первоначально было назначено на р. Двинѣ, но на самомъ дѣлѣ оно осуществилось лишь у Смоленска 6-го августа.

Но и послѣ соединенія армій умный кунктаторъ, Барклай де-Толли, продолжалъ уклоняться отъ рѣшительнаго сраженія, котораго такъ жаждали все время войска Наполеона.

Онъ не думалъ, правда, отдавать безъ боя старую Москву, но продолжалъ медленно отступать, завлекая французскую армію все далѣе вглубь страны, предавая пламени и опустошая все позади себя.

Наполеонъ, не теряя еще надежды поразить противника однимъ ударомъ, приказалъ аттаковать Смоленскъ, эту старую русскую крѣпость, столь живописную съ виду, но которая, конечно, не могла противостоять такой огромной арміи, какъ французская. Смоленскъ былъ взятъ 18-го августа, но надежды Наполеона на рѣшительное сраженіе и на этотъ разъ не оправдались: онъ еще разъ долженъ былъ увидѣть удалявшуюся русскую армію.

Покинувъ армію, которую онъ только стѣснялъ своимъ присутствіемъ, Александръ I направился сперва въ военный лагерь подъ г. Полоцкомъ, а оттуда 23-го іюля онъ прибылъ въ Москву, чтобы выполнить миссію, которая, по свидѣтельству историка Тьера, болѣе соотвѣтствовала его собствен-

ному достоинству и оказалась столь полезной для защиты государства. Миссія эта состояла въ томъ, чтобы пробудить въ русскомъ населеніи энтузіазмъ и внушить ему ненависть къ французамъ.*)

Москва встрѣтила своего государя съ распростертыми объятіями, и онъ, по словамъ очевидца, «собралъ въ ней весьма обильную жатву, которая была бы еще болѣе полезной, если бы она такъ сильно не запоздала».

Переговоривъ и посовѣтовавшись съ графомъ Ростопчинымъ, императоръ опубликовалъ 30-го іюля свой манифестъ, въ которомъ онъ призывалъ къ оружію все населеніе Россіи и ожидалъ патріотическаго самопожертвованія отъ всѣхъ классовъ населенія безъ исключеній.

На слова своего монарха населеніе тотчасъ-же отвѣтило патріотическими манифестаціями и выраженіемъ готовности жертвовать всѣмъ для спасенія родины. Дворянство **) согласилось выставить по

---

*) Пропагандистомъ этой идеи былъ однако не столько самъ Александръ I, какъ его любимая сестра, великая княгиня Екатерина Павловна, жившая тогда въ Твери и носившаяся еще съ начала 1812 года съ мыслью объ организаціи народныхъ ополченій. Она же убѣдила активно выступить на этомъ поприщѣ и своего царственнаго брата.

Прим. перев.

**) Самъ Ѳ. В. Ростопчинъ, который всегда выступалъ противникомъ общественной самостоятельности, относился далеко не вполнѣ сочувственно какъ къ самому плану организаціи ополченія, такъ и къ тому энтузіазму, который охватилъ въ это время ряды дворянства. Особенно онъ возставалъ противъ рѣшенія дворянъ выставить въ ополченіе 10% своихъ крѣпостныхъ. Онъ не остановился даже передъ инсинуаціями, заявляя, что инціаторы этого предложенія имѣли въ данномъ случаѣ въ виду не общественную пользу, а желаніе выдвинуться передъ государемъ.

Прим. перев.

одному солдату съ каждыхъ десяти душъ своихъ крѣпостныхъ и брало на себя ихъ прокормъ и вооруженіе въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Купцы внесли съ своей стороны значительныя пожертвованія деньгами *), а русскіе крестьяне заявляли, что они готовы итти сражаться каждую минуту. Съ помощью этихъ средствъ и денегъ началась организація народнаго ополченія, которое въ одной только Московской губерніи должно было составить 80.000 человѣкъ.

Заботы о немедленной организаціи и обученіи этого ополченія были возложены Александромъ I на московскаго губернатора. «Мнѣ, говоритъ самъ Ростопчинъ, государь поручилъ собрать эту народную армію, и не прошло еще и десяти недѣль со дня опубликованія манифеста, какъ это войско было уже готово, и каждый отрядъ былъ выставленъ на границѣ своей губерніи, обращенной въ сторону наступавшаго непріятеля.

Императоръ Александръ I, удивленный и даже пораженный искренностью манифестацій, вызванныхъ его пріѣздомъ въ Москву, остался всего лишь нѣсколько дней въ своей древней столицѣ. Но эти дни должны быть особо отмѣчены въ жизни военнаго губернатора, съ которымъ государь долженъ былъ сообща обсудить тѣ чрезвычайныя средства, которыя могли обезпечить спасеніе государства.

Въ эти дни Ростопчинъ, безъ сомнѣнія, вошелъ въ самое близкое соприкосновеніе съ Александромъ I и велъ неоднократно съ нимъ бесѣды по вопро-

---

*) Въ первый же день было собрано среди московскаго купечества по подпискѣ 2.400.000 рублей.

Прим. перев.

самъ огромной важности, но мы не знаемъ, были ли даны ему опредѣленныя указанія, какъ онъ долженъ поступать въ томъ, вполнѣ вѣроятномъ случаѣ, если французамъ удастся подойти къ стѣнамъ Кремля.

По этому поводу мы не можемъ сказать ничего утвердительнаго, но, безъ сомнѣнія, предположеніе такого рода могло легко родиться въ умѣ обоихъ собесѣдниковъ, и, кто знаетъ, не предвидѣлъ ли уже тогда этой возможности Ростопчинъ, столь стремительный по своей натурѣ и не привыкшій сдерживать себя даже у ступеней трона.

Но возможно также, что нерѣшительный и робкій характеръ Александра I помѣшалъ московскому главнокомандующему откровенно поставить вопросъ о мѣрахъ, которыя придется принять въ случаѣ, если древняя столица будетъ осквернена вторженіемъ непріятельскихъ полчищъ.

Если вѣрить словамъ Фэна, у Александра I, на собраніи въ Кремлевскомъ дворцѣ, созванномъ по почину губернатора, вырвались изъ устъ слѣдующія слова: «Несчастья, которыя вамъ угрожаютъ, вы должны разсматривать лишь какъ средства къ нанесенію гибели непріятелю».

Другой изъ очевидцевъ-французовъ, остававшихся въ то время въ Москвѣ,—Домергъ, повторяетъ лишь то, что было тогда извѣстно всѣмъ. Мы не ручаемся, однако, за полную достовѣрность его свидѣтельства, хотя въ немъ и нѣтъ ничего невѣроятнаго. При вѣсти о приближеніи императора, говоритъ онъ, все многочисленное населеніе Первопрестольной двинулось ему на встрѣчу и собралось у Смоленской заставы. Государь, не останавливаясь, прослѣдовалъ въ зданіе Сената, гдѣ генералъ Рос-

топчинъ выступилъ съ планомъ воздвигнуть за городомъ военныя укрѣпленія, для защиты ихъ поголовно вооружить все населеніе, а также удвоить бдительность и суровость по отношенію къ французамъ, остававшимся въ столицѣ. Александръ I энергично отвергнулъ послѣднюю изъ предложенныхъ Ростопчинымъ мѣръ.

«Къ чему безпокоить французовъ, оставшихся въ Россіи?» сказалъ онъ: «Я знаю, что они невинны и любятъ меня.»

Тѣмъ не менѣе Ростопчинъ, исходя изъ своихъ прежнихъ подозрѣній, настаивалъ на необходимости предложенной имъ мѣры. И государь, убѣжденный ли его доводами, или же просто по слабохарактерности и растерянности въ то время, предоставилъ московскому губернатору на его усмотрѣніе принимать тѣ мѣры, которыя онъ сочтетъ необходимыми, словомъ, далъ ему очень широкія полномочія.

Дары, которые московское дворянство и буржуазія такъ поспѣшно принесли на алтарь отечества, были также приняты монархомъ.

Здѣсь мы считаемъ нужнымъ познакомить читателей съ однимъ эпизодомъ, характеризующимъ русскіе нравы въ царствованіе Александра I.—Этотъ эпизодъ касается религіи, которая, какъ извѣстно, бываетъ тѣсно связана съ національностью и должна была сыграть свою роль въ этотъ памятный годъ. Она и на самомъ дѣлѣ не осталась равнодушной зрительницей той великой опасности, которая постигла тогда Россію.

Во главѣ московской епархіи въ то время еще

находился преосвященный митрополитъ Платонъ, одинъ изъ столповъ православной церкви и, вѣроятно, самый блестящій изъ духовныхъ ораторовъ, какіе только выходили изъ рядовъ русской церковной іерархіи. Митрополитъ Платонъ въ свое время былъ духовнымъ наставникомъ императора Павла и Маріи Ѳеодоровны, которая впослѣдствіи стала его супругой; онъ же совершалъ надъ ними таинство міропомазанія при восшествіи на престолъ, а въ 1801 г. онъ же міропомазалъ и Александра I и, пользуясь этимъ случаемъ, обратился къ нему съ откровенной рѣчью. Будучи другомъ и покровителемъ наукъ, Платонъ самъ увлекался ими и имѣетъ такое же право быть названнымъ Златоустомъ, какъ и св. Іоаннъ. Онъ былъ награжденъ всѣми русскими орденами, за исключеніемъ лишь знака св. Георгія, который дается въ Россіи исключительно за военныя заслуги.

Въ ту пору, о которой идетъ рѣчь въ настоящей главѣ, ему уже было около 75 лѣтъ; онъ не отправлялъ болѣе должности епископа, такъ какъ еще въ предыдущемъ году былъ освобожденъ отъ нея и удалился на отдыхъ въ обитель Вифанію, имъ самимъ выстроенную на собственныя же средства неподалеку отъ Троицко-Сергіевской Лавры.

Тамъ намъ самимъ довелось видѣть великолѣпный мавзолей, который хранитъ въ себѣ останки этого знаменитаго епископа, христіанскаго благочестивца, истиннаго пастыря, съ такой заботливостью пекшагося о своемъ стадѣ, и славнаго патріота.

Въ помощь ему по его собственной просьбѣ былъ присланъ по назначенію св. Синода викарій Августинъ (въ мірѣ Виноградскій), которому при-

шлось впослѣдствіи занять его кафедру московскаго архіепископа.

Когда Платонъ узналъ о прибытіи императора Александра I въ древнюю столицу государства, онъ обратился къ нему со слѣдующимъ письмомъ, которое мы заимствуемъ изъ книги барона Фэн'а: «Москва до и послѣ сожженія»: «Всемилостивѣйшій государь! Первопрестольный градъ Москва, новый Іерусалимъ, пріемлетъ Христа своего, яко мать во объятія усердныхъ сыновъ своихъ, и, сквозь возникающую мглу провидя блистательную славу твоей Державы, поетъ въ восторгѣ: Осанна, благословенъ грядый! Пусть дерзкій и наглый Голіафъ отъ предѣловъ Франціи разноситъ до краевъ Россіи смертоносные ужасы, но кроткая вѣра, сія праща Россійскаго Давида, сразитъ внезапно главу кровожаждущей его гордыни.

«Се образъ преподобнаго Сергія, древняго ревнителя о благѣ нашего отечества, приносится Вашему Императорскому Величеству. Соболѣзную, что слабѣющія мои силы препятствуютъ мнѣ насладиться любезнѣйшимъ Вашимъ лицезрѣніемъ.

«Теплыя возсылая къ небесамъ молитвы, да Всесильный возвеличитъ родъ правыхъ и исполнитъ во благихъ желанія Вашего Величества.» Икона, о которой только что шла рѣчь, была преподнесена самимъ государемъ московскому ополченію, которое было созвано по его же приказанію. Это ополченіе, такимъ образомъ, находилось подъ покровительствомъ, святого, точно такъ же, какъ нѣкогда войско Димитрія Донского шло въ битву противъ татарскихъ полчищъ подъ покровительствомъ св. Сергія Радонежскаго.

«Такимъ образомъ, эта война становилась вой-

ной религіозной,» говоритъ авторъ книги, откуда мы заимствовали только что приведенное письмо, «и должна была поэтому стать особенно кровавой.»

Почитаніе иконъ, какъ всѣмъ извѣстно, составляетъ настоящій культъ и имѣетъ огромное значеніе въ греческой церкви. Вскорѣ къ святынямъ московскимъ, которыя какъ-бы олицетворяли собой національное единство Россіи, должна была присоединиться еще одна святыня, а именно, икона Богоматери, спасенная изъ Смоленска. Она прибыла въ Москву какъ разъ въ день Бородинскаго сраженія и была встрѣчена съ великой церковной церемоніей и рѣдкой торжественностью. Но вслѣдъ за иконой на слѣдующій же день распространилась по городу печальная вѣсть о томъ, что русскія войска не въ силахъ были отбросить непріятеля отъ Бородино и продолжаютъ отступать къ Москвѣ. Это извѣстіе потрясло всѣхъ еще болѣе, чѣмъ потеря стараго Смоленска, въ теченіе вѣковъ служившаго оплотомъ русской имперіи отъ нападенія враговъ, и должно было, какъ вѣрно выразился самъ Александръ I въ своемъ письмѣ къ генералу Барклай-де Толли, «дѣйствительно произвести огромное моральное вліяніе на все населеніе обширнаго государства.»

Отчаяніе овладѣло всѣми. Многіе изъ жителей Москвы, устрашенные приближеніемъ непріятельской арміи, стали поспѣшно готовиться къ отъѣзду вглубь Россіи.

Тогда, узнавъ обо всемъ этомъ, митрополитъ Платонъ вышелъ изъ своего уединеннаго монастыря и поспѣшилъ явиться въ столицу.

Своимъ присутствіемъ и патріотическою проповѣдью онъ быстро поднялъ упавшій было духъ

населенія и побудилъ многихъ изъ жителей подумать о защитѣ города *). Вплоть до 12-го сентября (по нов. ст.), оставался митрополитъ среди повергнутыхъ въ слезы согражданъ, утѣшая однихъ, ободряя другихъ, и, только по настоянію своего викарія и нѣкоторыхъ другихъ друзей своихъ, слабый старецъ, уступивъ ихъ просьбамъ, вернулся къ себѣ въ обитель—Виѳанію.

13-го сентября, въ день военнаго совѣта въ Филяхъ (о чемъ намъ скоро придется говорить болѣе подробно), въ то время, когда войска были заняты возведеніемъ военныхъ укрѣпленій вокругъ Москвы, а жители столицы, оставшіеся въ ней, спѣшили къ Арсеналу, гдѣ въ этотъ день стали раздавать оружіе и собирались затѣмъ уже вооруженные на Трехъ горахъ и ожидали тамъ пріѣзда самого главнокомандующаго Ростопчина, чтобы получить отъ него указанія, какъ дѣйствовать дальше,—въ этотъ памятный день Августинъ совершалъ службу въ Успенскомъ Соборѣ и послѣ обѣдни, простерши къ Всевышнему руки и превозмогая подступавшія къ горлу рыданія, умолялъ Его о спасеніи Москвы и Россіи и о погибели наступавшаго врага. Затѣмъ, по окончаніи священнослуженія, онъ хотѣлъ было немедленно отправить въ Вологду образъ Владимирской Божьей Матери, священные сосуды и другіе цѣнные предметы, принадлежавшіе

---

*) Авторъ, безъ сомнѣнія, преувеличиваетъ роль митрополита Платона въ пробужденіи энтузіазма среди московскаго населенія. Разбитый тогда уже параличемъ, Платонъ едва ли годился для такой отвѣтственной роли. Патріотическій же пылъ, то ослабѣвавшій, то вновь возрождавшійся, смотря по извѣстіямъ, приходившимъ съ театра военныхъ дѣйствій, поддерживался, главнымъ образомъ, московскимъ главнокомандующимъ.

Прим. перев.

церкви. Но этой мѣрѣ воспротивился Ростопчинъ, который боялся, какъ полагаетъ генералъ Богдановичъ, одинъ изъ главныхъ историковъ военной компаніи 1812 года, чтобы удаленіе этой святыни изъ Москвы не вызвало бы еще большей паники среди жителей. Однако, нѣсколько часовъ спустя, слѣдующей же ночью эта икона все-таки была увезена изъ столицы.

Между тѣмъ наступленіе французовъ продолжалось. Барклай де-Толли, въ надеждѣ получить вскорѣ сильное подкрѣпленіе въ лицѣ народнаго ополченія, о созывѣ котораго громогласно было возвѣщено манифестомъ, продолжалъ медленно отступать, не останавливаясь ни въ Дорогобужѣ, ни въ Вязьмѣ.

Его армія, горѣвшая нетерпѣніемъ помѣряться силами съ врагомъ, негодовала на это непрерывное движеніе назадъ, а офицеры въ своей самонадѣянности не останавливались даже передъ словами порицанія, какъ по адресу главнокомандующаго арміи въ данный моментъ, такъ и по адресу самого государя, который считался верховнымъ главой всего русскаго войска. Александръ I, руководимый мудрымъ рѣшеніемъ, продолжалъ довѣрять Барклаю де-Толли, котораго считалъ преданнымъ и надежнымъ слугой своимъ и не обращалъ вниманія на шумливые протесты патріотовъ, которые не переставали обвинять этого полководца.

Уже въ Смоленскѣ нескрываемое неодобреніе этихъ господъ перешло въ открытое нарушеніе дисциплины со стороны плохо владѣвшаго собой великаго князя Константина Павловича, а также со

стороны храбраго князя Багратіона, стараго любимца Суворова, командовавшаго въ то время второй арміей и не менѣе пылкаго въ выраженіяхъ своихъ чувствъ, чѣмъ цесаревичъ.

Но Барклай де-Толли, обладавшій рѣдкой твердостью характера, восторжествовалъ на этотъ разъ надъ своими противниками, и Константинъ Павловичъ былъ принужденъ покинуть армію.

Въ дѣйствительности же Барклай-де-Толли не уклонялся совершенно отъ сраженій, онъ терпѣливо только поджидалъ такой позиціи, которая представляла бы дѣйствительную опору для русскихъ войскъ и позволяла бы надѣяться на успѣхъ. Онъ надѣялся найти такія условія мѣстности на поляхъ Царева-Займища, отстоявшаго въ 180 верстахъ отъ Москвы, и, дѣйствительно, уже 29 августа (нов. ст.) отдалъ диспозиціи на случай битвы. Но какъ разъ въ этотъ моментъ въ армію прибылъ Кутузовъ, на котораго голосъ арміи и всей націи давно уже указывалъ, какъ на признаннаго главнокомандующаго. Александръ I, вопреки своимъ собственнымъ убѣжденіямъ, долженъ былъ въ концѣ концовъ пожертвовать Барклай де-Толли и, уступая голосу общественнаго мнѣнія, отдалъ руководство арміей Кутузову, хотя и продолжалъ питать къ нему неудовольствіе за Аустерлицъ.

Здѣсь такимъ образомъ передъ нами появляется второй изъ персонажей памятнаго 1812 года, чье имя выставлено на заголовкѣ этой книги, и мы должны будемъ удѣлить этому лицу нѣсколько страницъ, чтобы ближе познакомиться съ нимъ.

Какъ и князь Багратіонъ, новый генералиссимусъ, Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ—Кутузовъ былъ ученикомъ и старымъ боевымъ товари-

щемъ Суворова и русскимъ по происхожденію. Онъ заслужилъ себѣ лавровый вѣнокъ побѣдами на поляхъ придунайскихъ княжествъ, и, хотя его слава нѣсколько померкла подъ Аустерлицомъ, государь все-таки, незадолго передъ назначеніемъ его на постъ главнокомандующаго, возвелъ его въ княжеское достоинство.

Этотъ старый вояка, ставшій вдругъ національнымъ героемъ, былъ слѣпъ на одинъ глазъ, изнемогалъ подъ бременемъ лѣтъ и, кромѣ того, обладалъ тучнымъ тѣлосложеніемъ.

Къ тому же, по общераспространенному мнѣнію, онъ былъ скорѣе дипломатомъ, чѣмъ полководцемъ. Во всякомъ случаѣ, онъ врядъ ли могъ серьезно претендовать на это послѣднее званіе въ сравненіи съ Наполеономъ. Во всѣхъ характеристикахъ этого русскаго полководца хитрость, которую ему приписываютъ, выступаетъ, какъ самая яркая черта его натуры. «Его заслуга, говоритъ проницательный историкъ «Консульства и Имперіи,» въ значительной степени сводилась къ хитрости, прикрытой огромной безпечностью.»

Вотъ какъ, между прочимъ, обрисовываетъ того же Кутузова полковникъ Робертъ Вильсонъ, назначенный около описываемаго времени англійскимъ комиссаромъ при русской арміи. «Это былъ весельчакъ, весьма учтивый и хитрый, грекъ временъ упадка Римской имперіи, соединявшій въ себѣ гибкій восточный умъ съ европейской образованностью и предпочитавшій успѣхи дипломатіи риску военныхъ случайностей, отъ которыхъ его удерживали, помимо всего прочаго, его преклонный возрастъ и физическіе недостатки. Обладая крупной и тучной фигурой, онъ даже на полѣ битвы появлялся не иначе, какъ въ маленькой русской повозкѣ, или, какъ тамъ ее называютъ—въ дрожкахъ.» Англій-

скій писатель прибавляетъ къ своей характеристикѣ, что Кутузовъ жилъ долго въ Парижѣ, любилъ французовъ и даже къ самому Наполеону питалъ нѣкотораго рода симпатію, смѣшанную съ недовѣріемъ.

Таковъ былъ этотъ человѣкъ, которому предстояло войти въ тѣсное соприкосновеніе съ московскимъ губернаторомъ по поводу выработки мѣръ для спасенія древней столицы, служившей мѣстопребываніемъ старой русской знати, гдѣ всѣ, вмѣстѣ съ графомъ Ростопчинымъ, негодовали при одной мысли о томъ, что имъ придется лицезрѣть гибель своихъ дворцовъ и самой столицы, которой угрожало вторженіе иноземнаго завоевателя. Все это объясняли тогда исключительно ошибками главнокомандующаго—нѣмца, человѣка безъ имени, безъ особыхъ заслугъ, пользовавшагося расположеніемъ императора Александра I исключительно благодаря своему нѣмецкому имени.

Кутузовъ не согласился съ выборомъ Барклая де-Толли и, покинувъ избранную тѣмъ позицію, остановился на другой, немного далѣе, у деревни Бородино, вблизи берега рѣки Москвы, незначительнаго притока Оки. Тамъ должна была произойти кровавая бойня 7-го сентября (нов. стиля), описанная такъ подробно въ исторіи «Консульства и Имперіи.»

Исходъ этой битвы былъ таковъ: почти 60.000 труповъ и тяжело раненныхъ со стороны русскаго войска, 10.000 *) со стороны французовъ, не считая

*) По русскимъ источникамъ, потери французовъ были значительно больше указанной здѣсь цифры и не уступали русскимъ потерямъ. Да и самъ авторъ нѣсколько ниже приводитъ другія цифры, оцѣнивая уронъ французской арміи въ день Бородина не менѣе 30-40.000 человѣкъ.
Прим. перев.

тѣхъ 20.000, брошенныхъ на полѣ битвы Кутузовымъ, который продолжалъ свое отступленіе по направленію къ Москвѣ. Это была побѣда французовъ, но, правда, дорого оплаченная и не вполнѣ рѣшительная. Тѣмъ не менѣе главнокомандующій кн. Кутузовъ поспѣшилъ провозгласить себя побѣдителемъ и въ этомъ смыслѣ составилъ свой рапортъ государю, сознательно обманывая довѣріе монарха. А тотъ, введенный въ заблужденіе, тотчасъ же отдалъ распоряженіе служить по всѣмъ церквамъ обширной имперіи торжественные молебны за ниспосланную небомъ побѣду; кромѣ того, онъ наградилъ мнимаго побѣдителя громкимъ титуломъ фельдмаршала, послалъ ему знаки ордена св. Георгія 1-ой степени, который въ Россіи стоитъ внѣ ранга обычныхъ наградъ, и на каковой самъ Кутузовъ никогда не могъ претендовать; наконецъ, онъ назначилъ ему огромную пенсію въ 100.000 рублей *) и приказалъ выдать каждому солдату арміи по 5 рублей. Заблужденіе императора, однако, скоро прошло, и настоящая печальная дѣйствительность не замедлила предстать передъ нимъ въ своемъ истинномъ свѣтѣ. Ростопчинъ же, обманутый, какъ впрочемъ и всѣ въ Россіи, этимъ ловкимъ маневромъ стараго генералиссимуса, удвоилъ свою энергію и свою ярость.

Въ это время, какъ онъ самъ говоритъ въ своей книжкѣ «Правда о Московскомъ пожарѣ,» его дѣятельность въ качествѣ губернатора разрослась до небывалыхъ предѣловъ, особенно, начиная съ 20-го

---

*) Эта пенсія была назначена Кутузову, между прочимъ, „на вѣчныя времена“ и ее и до сихъ поръ продолжаютъ дѣлить между собой многочисленные потомки русскаго фельдмаршала.

Прим. перев.

августа, т. е. съ того дня, когда русскія войска уступили французамъ одну изъ своихъ главныхъ позицій. «Я не могу понять, какъ могъ я въ то время побѣждать свою усталость. Начиная со дня занятія французами Смоленска и вплоть до оставленія Москвы, впродолженіи 23-хъ дней я забылъ про существованіе кровати. Я засыпалъ постоянно въ одеждѣ, прикурнувъ гдѣ-либо на диванѣ, и меня безпрестанно будили, чтобы принимать курьеровъ, прибывавшихъ со всѣхъ сторонъ, читать донесенія, тотчасъ же отдавать распоряженія и отправлять ихъ дальше. Я убѣдился, что легко стать полезнымъ своей родинѣ; стоитъ только быть чуткимъ къ ея зову: «Пожертвуй собой для моего спасенія.»

По всѣмъ вѣроятіямъ, уже тотчасъ же послѣ свиданія съ императоромъ Александромъ I, Ростопчинъ принялъ свое рѣшеніе относительно судебъ столицы, но, не зная объ исходѣ борьбы, онъ долженъ былъ ждать рѣшительнаго момента, чтобы приступить къ реализаціи своего проекта. Особенно неотложнымъ дѣломъ считалъ онъ заботу о внутренней безопасности столицы, а также заботы о томъ, чтобы французы, въ случаѣ ихъ прибытія, (если этому суждено случиться) не могли найти въ Москвѣ своихъ друзей, которые бы служили имъ проводниками и пособниками: съ этой цѣлью онъ принялъ цѣлый рядъ суровыхъ мѣръ противъ французовъ, остававшихся въ столицѣ, мѣръ, которыя вызвали такіе горячіе упреки Домерга. Послѣдній ставилъ въ вину Ростопчину его «жестокій, вспыльчивый и мстительный характеръ, который дѣлалъ его страшнымъ пугаломъ даже для самыхъ мирныхъ обитателей Москвы.» Новое доказательство этой жестокости московскаго главнокомандующаго, проявившаго свою ненависть уже въ памфлетахъ 1807

года, Домергъ усматривалъ въ его мѣрахъ, принятыхъ противъ французовъ. Будемъ, однако, справедливы. У войны есть свои законы, суровые и печальные, но которыхъ тѣмъ не менѣе нельзя избѣжать. И не было ли въ обстоятельствахъ того тревожнаго времени наличности поводовъ, которые оправдываютъ примѣненіе стараго правила: «Salus populi extrema lex esto!?»

Такъ согласимся же, что суровыя и неизбѣжныя мѣры, которыя приходилось примѣнять и намъ, французамъ, въ минуты крайней опасности, возможны также и со стороны тѣхъ, кто, независимо, быть можетъ, отъ ихъ собственной воли, сталъ на время нашимъ врагомъ и былъ поставленъ въ необходимость ихъ примѣнять. Согласимся же съ этимъ и откажемся рѣшительно отъ слишкомъ эгоистическаго правила: «Sic nos, non nobis,» которое въ переводѣ значитъ: средство, которое признается законнымъ, пока мы примѣняемъ его сами, становится противозаконнымъ, если его начинаютъ примѣнять противъ насъ. Великіе историки, какъ мы это вскорѣ покажемъ, больше, чѣмъ слѣдовало, подверглись вліянію этого узкаго и нетерпимаго патріотизма.

Что касается московскаго главокомандующаго, то его поступки, которымъ поспѣшили придать характеръ настоящаго варварства, далеко не всѣ достойны осужденія; единственно въ чемъ онъ виновенъ, это въ томъ, что принимаемыя имъ мѣры онъ облекалъ въ напыщенную тогу краснорѣчія, разсчитывая этимъ произвести эффектъ и пробудить въ московскомъ населеніи желательныя ему чувства.

Домергъ не можетъ простить ему его фатальныхъ полномочій: «Генералъ Ростопчинъ, говоритъ

этотъ французскій писатель, былъ вооруженъ исключительными полномочіями, которыхъ онъ такъ страстно желалъ, лишь только для того, чтобы поражать ими безъ различія какъ друзей, такъ и враговъ.»

Къ несчастью, это вѣрно; онъ, дѣйствительно, часто обрушивался на невинныхъ, но весь вопросъ въ данномъ случаѣ сводится къ тому, чтобы узнать, могъ ли онъ обойтись безъ этихъ мѣропріятій среди страшнаго кризиса, который тогда переживала страна. Принимая мѣры предосторожности, онъ, дѣйствительно, по временамъ совершенно терялъ власть надъ самимъ собой, впадалъ въ какое-то остервенѣніе, и сила его страстей, возбужденныхъ до крайнихъ предѣловъ, доходила порой до бѣшенства. Скоро мы ближе познакомимся съ результатами его дѣятельности.

Французская колонія въ Москвѣ состояла, по словамъ генерала Данилевскаго, изъ 3.600 человѣкъ. Московскій губернаторъ, быть можетъ, дѣйствительно имѣлъ свои основанія усматривать въ ней серьезную опасность, и счелъ поэтому необходимымъ учредить надзоръ за извѣстнымъ числомъ наиболѣе вліятельныхъ и наиболѣе безпокойныхъ соотечественниковъ приближавшагося непріятеля.

1-го сентября (по нов. стилю, котораго мы постоянно придерживаемся въ этой книгѣ) онъ приказалъ ихъ арестовать въ ихъ квартирахъ, доставить въ Лазаревскій дворецъ, а оттуда тотчасъ же выслать изъ столицы, отправивъ въ болѣе безопасныя мѣста. Арестованныхъ посадили на барку, которая, однако, не могла имъ служить надежной защитой отъ оскорбленій, раздававшихся все время по ихъ адресу. Самъ Домергъ, оторван-

ный отъ своей семьи, попалъ въ число этихъ сорока жертвъ Ростопчина.

Безъ сомнѣнія, соображенія гуманности могли требовать удаленія этихъ иностранцевъ въ моментъ безпримѣрнаго патріотическаго возбужденія; но московскій главнокомандующій, кромѣ того, счелъ нужнымъ разукрасить эту вынужденную мѣру шутливыми комментаріями. Передъ отправкой арестованныхъ изъ Москвы имъ была прочитана рѣчь, которая могла быть составлена только самимъ Ростопчинымъ, такъ какъ носила на себѣ слишкомъ явный отпечатокъ его ума и его индивидуальныхъ странностей. Рѣчь эта совершенно не соотвѣтствовала обстоятельствамъ, а являлась скорѣе всего пустой игрой словъ, въ которой не могъ отказать себѣ этотъ тщеславный администраторъ, бывшій въ одно и то же время и поклонникомъ французской вѣжливости и отчаяннымъ французоѣдомъ.

Мы приводимъ ниже отрывки этой курьезной рѣчи во всей ихъ внутренней красотѣ. «Французы! самъ императоръ въ одной изъ своихъ прокламацій, обращаясь къ арміи, сказалъ: «Французы! вы столько разъ говорили, что меня любите; докажите мнѣ это, слѣдуя за мной въ страны гиперборейскія, гдѣ царствуетъ зима и отчаяніе, и гдѣ государь открываетъ свои гавани англичанамъ, нашимъ вѣчнымъ врагамъ.»

«Французы! Россія дала вамъ убѣжище, а вы не переставали злоумышлять противъ нея. Чтобы избѣжать кровопролитія и не замарать страницъ нашей исторіи, не подражать сатанинскимъ бѣшенствамъ вашихъ революціонеровъ, правительство вынуждено васъ удалить отсюда. Вы будете жить на берегу Волги *), посреди народа мирнаго и вѣрнаго

*) См. страницу 99.

своей присягѣ, который слишкомъ презираетъ васъ, чтобы дѣлать вамъ вредъ. Вы на нѣкоторое время оставите Европу и отправитесь въ Азію. Перестаньте быть негодяями и сдѣлайтесь хорошими людьми, превратитесь въ добрыхъ русскихъ гражданъ изъ французскихъ, какими вы до сихъ поръ были; будьте спокойны и покорны, а въ противномъ случаѣ бойтесь еще большаго наказанія.

«Войдите въ барку, успокойтесь и не превратите ее въ барку Харона. Прощайте же, добрый путь!»

Такими же прибаутками изобилуютъ также и прокламаціи графа Ростопчина, съ которыми онъ обращался къ своимъ соотечественникамъ. Нельзя сказать, чтобы эти писанія главнокомандующаго Москвы отвѣчали запросамъ изысканнаго вкуса, но въ нихъ, по крайней мѣрѣ, не было той неумѣстной жестокости, которая должна была поражать слухъ въ его обращеніи къ французамъ. Эти прокламаціи могли быть даже вполнѣ умѣстны, чтобы поднять упавшій духъ русскаго населенія, которое, конечно, не менѣе насъ, французовъ, умѣетъ понимать шутки, въ особенности если онѣ приправлены изрядньшъ количествомъ грубыхъ остротъ.

Всѣ они были высланы въ Нижній Новгородъ. Но кромѣ этихъ 40 жертвъ были и другія. Такъ между прочимъ, Ростопчинъ подвергнулъ публичному наказанію плетьми и сослалъ въ Сибирь своего главнаго повара, бельгійскаго уроженца Турнэ, только за то, что послѣдній позволилъ себѣ сказать фразу, которую можно было истолковать какъ проявленіе злорадства по поводу приближенія Наполеона. Было также выслано Ростопчинымъ изъ Москвы и нѣсколько человѣкъ русскихъ, въ томъ числѣ главный директоръ московскаго почтамта г. Ключаревъ, котораго Ростопчинъ считалъ мартинистомъ и обвинялъ чуть ли не въ сношеніяхъ съ Наполеономъ.

Прим. перев.

Императоръ Александръ I, вообще человѣкъ въ высшей степени гуманный, раздѣлялъ высказанное нами мнѣніе; ознакомившись съ нѣсколькими изъ этихъ прокламацій Ростопчина, появлявшихся почти ежедневно и извѣстныхъ больше подъ именемъ его «афишекъ,» онъ, говорятъ, такъ выразился по адресу ихъ автора: «Этотъ человѣкъ на своемъ мѣстѣ.»

Читателю будетъ небезынтересно познакомиться съ этими Ростопчинскими афишами, и мы считаемъ поэтому не лишнимъ привести изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, отдѣльные отрывки:

«Вы, братцы!—говорится въ одной изъ этихъ афишекъ (датированной 11 сент. нов. ст.),—не смотрите на то, что присутственныя мѣста закрыли; дѣла прибрать надо, а мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся!

Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно будетъ молодцовъ и городскихъ и деревенскихъ; я кличъ кликну дня за два, а теперь не надо,—я и молчу. Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиной, а всего лучше вилы тройчатки: французъ не тяжелѣ снопа ржаного!

Завтра послѣ обѣда я поднимаю Иверскую въ Екатерингофскую Гошпиталь къ раненымъ.

Тамъ воду освятимъ, они скоро и выздоровѣютъ; и я теперь здоровъ: у меня болѣлъ глазъ, а теперь смотрю въ оба.»

Другая прокламація въ томъ же жанрѣ, изданная нѣсколько раньше предыдущей, была озаглавлена такъ: «Дружеское посланіе отъ главнокомандующаго въ Москвѣ къ ея жителямъ, 29 августа 1812 года.» Она прекрасно характеризуетъ какъ самого автора ея, такъ и ту аудиторію, къ которой онъ

обращался, почему мы и рѣшаемся привести ея содержаніе почти цѣликомъ:

«Слава Богу! все у насъ въ Москвѣ хорошо и спокойно. Хлѣбъ не дорожаетъ, и мясо дешевѣетъ. Одного всѣмъ хочется, чтобъ злодѣя побить, и то будетъ. Станемъ Богу молиться да воиновъ снаряжать, да въ арміи ихъ отправлять. А за насъ предъ Богомъ заступники: Божія Матерь и Московскіе Чудотворцы. Предъ свѣтомъ—милосердный государь нашъ Александръ Павловичъ, а предъ супостаты—Христолюбивое воинство; а чтобъ скорѣе дѣло рѣшить: государю угодить, Россію одолжить и Наполеону насолить, то должно имѣть послушаніе, усердіе и вѣру къ словамъ начальниковъ, и они рады съ вами жить и умереть. Когда дѣло дѣлать,—я съ вами; на войну идти—передъ вами, а отдыхать—за вами. Не бойтесь ничего, нашла туча, да мы ее отдуемъ; все перемелется, мука будетъ; а берегитесь одного: пьяницъ да дураковъ, они распустя уши шатаются, да и другимъ въ уши врасплохъ надуваютъ. Иной вздумаетъ, что Наполеонъ за добромъ идетъ, а его дѣло кожу драть; обѣщаетъ все, а выйдетъ ничего. Солдатамъ сулитъ фельдмаршалство, нищимъ—золотыя горы, народу—свободу, а всѣхъ ловитъ за виски да въ тиски и пошлетъ на смерть: убьютъ либо тамъ, либо тутъ. И для сего и прошу, если кто изъ нашихъ, или изъ чужихъ станетъ его выхвалять и сулить и то ч другое, то какой бы онъ ни былъ, за хохолъ, да на съѣзжую; тотъ, кто возьметъ, тому честь, слава и награда, а кого возьмутъ, съ тѣмъ я раздѣлаюсь, хоть пяти пядей будь во лбу; мнѣ на то и власть дана, и государь изволилъ приказать: беречь Матушку Москву; а кому-жъ беречь мать, какъ не дѣткамъ! Ей-Богу, братцы, Государь на васъ, какъ

на Кремль надѣется, а я за васъ присягнуть готовъ. Не введите въ слово. А я, вѣрный слуга царскій, русскій баринъ и православный христіанинъ.

Вотъ моя молитва:

Господи, Царю Небесный! продли дни благочестиваго земного царя нашего! продли благодать твою на православную Россію, продли мужество христолюбиваго воинства, продли вѣрность и любовь къ отечеству православнаго русскаго народа! Направь стопы воиновъ на гибель враговъ; просвѣти и укрѣпи ихъ силою животворящаго креста, чело ихъ охраняющаго и симъ знаменіемъ побѣдиши.»

Надо сознаться, что это воззваніе, къ тому же не слишкомъ сильно приправленное обычными рѣзкостями, было прекрасно разсчитано на то, чтобы воспламенить простой народъ, патріотическое чувство котораго тѣсно слито съ чувствомъ религіознымъ, и у котораго за недостаткомъ знаній все вообще покоится на чувствахъ.

Въ третьей прокламаціи, изданной также въ августѣ мѣсяцѣ, Ростопчинъ говоритъ между прочимъ слѣдующее:

«Я жизнію отвѣчаю, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ, и вотъ почему: въ арміяхъ 130 тысячъ войска славнаго, 1800 пушекъ и свѣтлѣйшій князь Кутузовъ, истинно государевъ избранный воевода русскихъ силъ и надо всѣми начальникъ; у него сзади непріятеля—генералы Тармасовъ и Чичаговъ, вмѣстѣ—85 тысячъ славнаго войска; генералъ Милорадовичъ изъ Калуги пришелъ въ Можайскъ съ 36 тысячами пѣхоты, 3.800 кавалеріи и 84 пушками, пѣшей и конной артиллеріи. Графъ Марковъ черезъ три дня прійдетъ въ Можайскъ съ 24 тысячами нашей военной силы, а остальныя 7 тысячъ—вслѣдъ за нимъ. Въ Москвѣ, въ Клину, въ Завидовѣ,

въ Подольскѣ 14 тысячъ пѣхоты. А если мало этого для погибели злодѣя, тогда ужъ я скажу: ну, Дружина Московская! пойдемъ и мы! и выведемъ сто тысячъ молодцовъ, возьмемъ Иверскую Божію Матерь, да 150 пушекъ и кончимъ дѣло всѣ вмѣстѣ. У непріятеля же своихъ и сволочи 150.000 человѣкъ; кормятся пареною рожью и лошадинымъ мясомъ. Вотъ что я думаю и вамъ объясняю, чтобъ иные радовались, а другіе успокоились, а больше еще тѣмъ, что и государь императоръ на дняхъ изволитъ прибыть въ вѣрную свою столицу. Прощайте! понять все можно, а толковать нечего.»

Въ приведенномъ отрывкѣ, безъ сомнѣнія, было не мало обманчивыхъ обѣщаній, но этотъ способъ обращенія вытекалъ изъ самихъ тогдашнихъ обстоятельствъ, это былъ языкъ человѣка, который хорошо зналъ свою націю, зналъ, какимъ способомъ можно заставить трепетно биться сердца своихъ соотечественниковъ, чтобы пробудить въ нихъ горячее рвеніе.

Въ тотъ моментъ вѣдь повсюду еще была жива надежда; никому не хотѣлось вѣрить въ возможность появленія французовъ въ стѣнахъ древней столицы государства.

Даже послѣ Бородинскаго сраженія эти надежды не исчезли вдругъ. Ихъ раздѣлялъ съ остальными жителями Москвы самъ главнокомандующій, который 8-го сентября приказалъ расклеить по улицамъ Первопрестольной слѣдующую прокламацію, приводя въ ней донесеніе самого Кутузова:

«Вчерашній день, 26-го (7-го сент. нов. ст.), было весьма жаркое и кровопролитное сраженіе. Съ помощію Божіею русское войско не уступило въ немъ ни шагу, хотя непріятель съ отчаяніемъ дѣйствовалъ противъ него. Завтра, надѣюсь я,

возлагая мое упованіе на Бога и на Московскую святыню, съ новыми силами съ нимъ сразиться.

Потеря непріятеля неизсчетная. Онъ отдалъ въ приказѣ, чтобъ въ плѣнъ не брать (да и брать некого), и что французамъ должно побѣдить или погибнуть. Когда сегодня, съ помощію Божіею, онъ отраженъ еще разъ будетъ, то злодѣй и злодѣи его погибнутъ отъ голода, огня и меча.» Приведя эти выдержки изъ донесенія Кутузова, Ростопчинъ прибавлялъ отъ своего собственнаго имени:

«Я посылаю въ армію 4.000 человѣкъ здѣшнихъ новыхъ солдатъ; на 250 пушекъ снаряды, провіанта. Православные, будьте спокойны! Кровь нашихъ проливается за спасеніе отечества. Наша— готова, и если придетъ время, то мы подкрѣпимъ войска. Богъ укрѣпитъ силы наши, и злодѣй положитъ кости свои въ землѣ Русской.»

Впродолженіе нѣсколькихъ дней Ростопчинъ оставался въ этомъ заблужденіи, обманутый лживыми донесеніями главнокомандующаго русской арміей, который все время продолжалъ утверждать, что онъ не оставитъ Москвы безъ боя. По словамъ Кутузова выходило, что если онъ и былъ вынужденъ отступить съ Бородинскаго поля битвы, то не потому, что онъ былъ побѣжденъ, а лишь съ цѣлью занять передовыя позиціи для защиты столицы.

Но даже и послѣ того, какъ Ростопчинъ понялъ, или вѣрнѣе догадался объ истинномъ положеніи дѣлъ, онъ продолжалъ сохранять, по крайней мѣрѣ, по внѣшности, безпечный видъ и попрежнему держалъ жителей обреченной столицы въ невѣдѣніи относительно ожидавшей ихъ участи.

Въ то же время онъ удвоилъ свою дѣятельность, и, кромѣ немногихъ производствъ внѣшнихъ работъ

по укрѣпленію Москвы, не пренебрегалъ ничѣмъ, что только могло служить для ея защиты и употреблялъ всѣ мѣры, чтобы помѣшать распространенію среди населенія тревоги и отчаянія. Но тѣмъ не менѣе тревожное настроеніе не замедлило проявиться въ столицѣ.

«Можно было видѣть, говоритъ г. Сегюръ, въ одно и то же время, какъ людей, охваченныхъ яростью, исполненныхъ надежды, такъ и поверженныхъ въ уныніе передъ грядущимъ ужасомъ.» Графъ Ростопчинъ то разжигалъ, то подавлялъ эти настроенія, смотря по тому, соотвѣтствовали ли они его собственнымъ намѣреніемъ, или могли противодѣйствовать имъ.

Онъ выбиралъ изъ числа французскихъ плѣнниковъ самыхъ тщедушныхъ по виду и показывалъ ихъ народу, который приходилъ въ воинственный восторгъ при видѣ хрупкихъ сложеніемъ французовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался совершенно опорожнить Москву отъ съѣстныхъ припасовъ всякаго рода; этими припасами онъ поддерживалъ питаніе побѣжденной русской арміи и вмѣстѣ съ тѣмъ обрекалъ въ будущемъ на голодъ армію побѣдителей.

Онъ поддерживалъ, прибавляетъ историкъ великой французской арміи, еще съ проблескомъ надежды необходимый порядокъ посреди всеобщаго бѣгства, когда остатки русской арміи, уцѣлѣвшей послѣ Бородинскаго боя, стали появляться въ Первопрестольной.

По словамъ г. Домерга, онъ и въ этомъ случаѣ не останавливался передъ крайне суровыми мѣрами, стремясь окутать всю столицу сплошной сѣтью тайнаго надзора. Случайно сорвавшагося слова, малѣйшей демонстраціи при оставленіи

Москвы было достаточно, чтобы подвергнуть виновнаго, если онъ имѣлъ несчастье принадлежать къ простонародью, наказанію плетьми или даже ссылкѣ въ Сибирь.

Эти суровыя мѣры не могли остаться безъ вліянія на городскую чернь, возбужденіе которой все время продолжало усиливаться, а теперь къ нему еще присоединилось чувство уныніе и даже отчаянія. Чтобы на комъ нибудь излить свою злобу и отплатить за всю суровость, съ какою обращались съ ней, эта часть населенія столицы стала преслѣдовать по улицамъ города несчастныхъ иностранцевъ и даже пыталась расправляться съ ними. Плохо приходилось тогда французу, гдѣ бы его не повстрѣчали!

Ростопчинъ, котораго князь Кутузовъ не переставалъ увѣрять въ недопустимости оставленія Москвы и который самъ продолжалъ еще возлагать упованіе на послѣднее чрезвычайное усиліе, съ своей стороны пускалъ въ народную массу разнаго рода слухи о какихъ-то сказочныхъ побѣдахъ.

Вѣря самъ, или по крайней мѣрѣ показывая видъ, что онъ еще вѣритъ въ возможность защиты столицы, онъ призывалъ все мужское населеніе, въ случаѣ если непріятель приблизится къ внѣшнимъ стѣнамъ Первопрестольной, собираться съ первымъ попавшимся подъ руку оружіемъ на Воробьевыхъ горахъ, расположенныхъ къ юго-западу.

Не трудно однако понять, что этимъ способомъ нельзя было разсчитывать ни отбросить, ни тѣмъ паче совершенно уничтожить дисциплинированную армію противника. Въ то же время Ростопчинъ началъ отдавать распоряженія, которыя, казалось, должны были поколебать общую увѣренность, что Москва не будетъ отдана непріятелю безъ боя. За-

прещая жителямъ, подъ страхомъ суровыхъ наказаній, искать спасенія, покидая столицу и увозя изъ нея все цѣнное изъ своего имущества *), Ростопчинъ въ то же самое время самъ принялся за организацію обширныхъ транспортовъ, спѣша очистить архивы, государственныя казнохранилища, увозя наиболѣе цѣнныя предметы изъ Оружейной палаты, а также изъ Патріаршей казны, общая цѣнность которой достигала 21 милліона рублей. Онъ успѣлъ вывезти огромное количество оружія и другихъ предметовъ, составлявшихъ казенную собственность. Повидимому, именно въ эту пору у него окончательно сложился планъ если только его не существовало раньше, оставить торжествующему врагу, разъ ужъ суждено покинуть Москву, вмѣсто нея только одно пепелище.

Всѣ историки войны 1812-го года подробно разсказываютъ о крылатомъ аэростатѣ, т. е. о воздушномъ шарѣ огромныхъ размѣровъ, сооруженномъ какимъ-то искуснымъ иностранцемъ, и предназначенномъ для того, чтобы, поднявшись надъ французской арміей, отыскать среди нея ея главнокомандующаго и уничтожить его, низвергнувъ книзу потокъ огня и желѣза.

По словамъ генерала Сегюра, дѣйствительно было произведено нѣсколько опытовъ въ этомъ направленіи, но ни одинъ изъ нихъ не увѣнчался успѣхомъ, и каждый разъ пружины, поддерживавшія крылья этого сооруженія, регулярно ломались. Но

---

*) Оффиціальнаго запрещенія покидать Москву Ростопчинымъ не было издано; тѣмъ паче не могъ графъ налагать за это „суровыхъ“ наказаній. Но за то онъ позволялъ себѣ издѣваться надъ уѣзжающими даже въ своихъ „афишкахъ“.

Прим. перев.

Ростопчинъ, по словамъ того-же автора, подъ предлогомъ повторенія этихъ опытовъ, изготовилъ массу ракетъ и другихъ матеріаловъ для поджега.

«Сама Москва, прибавляетъ тотъ же авторъ, должна была стать адской машиной, чтобы посредствомъ неожиданнаго ночного взрыва похоронить подъ своими развалинами французскаго императора и всю его армію.

Въ дѣйствительности, по мнѣнію однихъ, этотъ шаръ служилъ лишь предлогомъ, своего рода ширмой, чтобы обмануть довѣрчивую толпу, тогда какъ другіе продолжаютъ утверждать, что это было серьезное изобрѣтеніе огромной важности, если бы только оказалось возможнымъ преодолѣть всѣ затрудненія, связанныя съ его сооруженіемъ.

«Приблизительно въ серединѣ мая, говоритъ маркизъ де-Шамбре—одинъ изъ наиболѣе освѣдомленныхъ историковъ, нѣкій голландецъ, по фамиліи Шмидтъ, представился князю Багратіону и увѣрилъ его, что онъ обладаетъ секретомъ, съ помщью котораго не трудно совершенно уничтожить всю французскую армію.

Багратіонъ отправилъ Шмидта въ С.-Петербургъ, гдѣ онъ повидимому произвелъ благопріятное впечатлѣніе, такъ какъ его направили къ Ростопчину, который долженъ былъ снабдить его необходимыми средствами для реализаціи секретнаго изобрѣтенія.

Шмидтъ прибылъ въ Москву въ іюлѣ мѣсяцѣ; графъ Ростопчинъ предоставилъ въ полное его распоряженіе домъ вблизи Москвы, снабдилъ его деньгами, рабочими и тотъ началъ свои работы надъ сооруженіемъ огромнаго смертоноснаго баллонна, долженствовавшаго, по его увѣреніямъ, уничтожить французскую армію. Никому не разрѣша-

лось наблюдать за этими сооруженіями, но изъ нихъ въ то же время не дѣлали и тайны, и москвичи всѣхъ классовъ, конечно, очень интересовались этимъ воздушнымъ шаромъ.

Когда-же Наполеонъ, послѣ занятія имъ г. Смоленска, сталъ продолжать свое наступательное движеніе на Москву, графъ Ростопчинъ началъ серьезно опасаться за участь древней столицы и съ той поры сталъ готовиться, чтобы предать ее пламени въ случаѣ, если исходъ войны заставитъ ввѣренный его попеченіямъ городъ пасть къ ногамъ побѣдителя. Тогда онъ воспользовался также и услугами Шмидта, заставивъ его заняться приготовленіемъ факеловъ, ракетъ, фителей и разнаго рода другихъ матеріаловъ, пригодныхъ для поджега. И хотя онъ при этомъ озаботился принятіемъ величайшихъ предосторожностей, чтобы сохранить эти приготовленія въ секретѣ, кое что стало все-же извѣстнымъ, и по Москвѣ распространился слухъ, что губернаторъ собирается сжечь столицу, если она достанется Наполеону.»*)

Этотъ разсказъ, такой подробный и ясный во всѣхъ деталяхъ, въ то время какъ разсказы другихъ авторовъ изобилуютъ вымышленными подробностями, кажется намъ въ общемъ отвѣчающимъ дѣйствительному положенію дѣлъ въ то время и,

---

*) Ростопчинъ, дѣйствительно, носился съ планами сжечь столицу еще задолго до ея занятія французами, но сочувствія этимъ планамъ онъ въ то время почти ни въ комъ не встрѣчалъ, а брать осуществленіе ихъ исключительно на свою отвѣтственность, по многимъ соображеніямъ онъ не рѣшался. Сомнительно поэтому, чтобы онъ заранѣе заготовлялъ средства для поджога. Что касается сооруженія управляемаго дирижабля—то это дѣйствительный фактъ. Ростопчину можно поставить въ вину лишь то, что онъ до самаго конца продолжалъ вѣрить въ успѣхъ этого дѣ-

во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ большаго довѣрія, чѣмъ, напр., свидѣтельство г. Домерга, появившееся въ печати позднѣе.

Различно называли строителя этого воздушнаго шара: то Смидъ или Шмидтъ, то Франсуа Леппихъ, считая его—одни французомъ, другіе голландцемъ или нѣмцемъ. Въ дѣйствительности же Шмидтъ—былъ его псевдонимъ; его истинная фамилія была Леппихъ, и онъ былъ нѣмцемъ по происхожденію, а не англичаниномъ, выдававшимъ себя за нѣмца, какимъ онъ выведенъ въ одной французской комедіи.

Самый фактъ сооруженія воздушнаго шара вполнѣ реаленъ, и этотъ шаръ дѣйствительно долженъ былъ служить военнымъ цѣлямъ. Императоръ Александръ I именно въ этомъ смыслѣ оцѣнивалъ сооруженіе этого шара въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Ростопчину, когда говорилъ о Леппихѣ, что «онъ очень нуженъ, и что онъ приноравливаетъ свою работу къ запросамъ главнокомандующаго арміей».

Затѣмъ во «Всеобщемъ Ежемѣсячникѣ» были приведены три письма того же Леппиха, въ которыхъ онъ извѣщалъ графа, что воздушный шаръ уже готовъ, (5-го сентября 1812 года) за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣдныхъ приспособленій, и про-

---

ла и позволялъ находчивому иностранцу Леппиху безъ конца требовать субсидій, хотя изобрѣтеніе это уже съ самаго начала должно было бы возбудить справедливыя подозрѣнія московскаго главнокомандующаго. По письмамъ Ростопчина къ Александру I можно убѣдиться, что Леппихъ продолжалъ водить его за носъ почти до самаго оставленія Москвы, все время требуя новыхъ ассигнованій. Мысль о заготовкѣ имъ зажигательныхъ снарядовъ поэтому должна быть отброшена.

Прим. перев.

силъ его безъ дальнихъ предисловій уплатить ему 12.000 рублей ассигнаціями государственнаго банка.

Рѣчь шла именно объ аэростатѣ, который предназначался для содѣйствія операціямъ Кутузова, но изобрѣтатель въ концѣ концовъ не достигъ своей цѣли и былъ употребленъ поэтому, какъ кажется, для осуществленія проектовъ Ростопчина о сожженіи Москвы *).

По поводу этого отважнаго предпріятія г. Домергъ подтверждаетъ все то, что мы уже слышали изъ устъ маркиза де Шамбре.

«Проэктъ сожженія Москвы, говоритъ этотъ авторъ, не былъ совершенной тайной для московскаго дворянства. О немъ повсюду говорили скрытно, но, за исключеніемъ ближайшихъ сподвижниковъ московскаго главнокомандующаго, никто не рѣшался вѣрить въ осуществленіе этого отчаяннаго шага. Генералъ баронъ Вольцогенъ, бывшій въ то время полковникомъ арміи и адъютантомъ императора, и посланный послѣднимъ, чтобы состоять при Барклай де Толли, со своей стороны подтверждаетъ, что эти проэкты не составляли секрета въ арміи и о нихъ говорили тамъ втихомолку.

«Между прочимъ, говоритъ онъ, я слышалъ объ этомъ уже послѣ Бородинскаго боя изъ устъ полковника графа Закревскаго, который старался

---

*) Историческая критика справедливо опровергаетъ этого рода догадки. Да нельзя не согласиться и съ возраженіями самаго гр. Ростопчина, что для поджога Москвы не было особой нужды въ ракетахъ и факелахъ. Для этого достаточно было сѣна и соломы; они были даже удобнѣе, такъ какъ не требовали отъ поджигателей особаго умѣнья и всюду находились подъ руками.

Прим. перев.

какъ-то особенно подчеркнуть свои слова: «Отлично! если намъ не удастся побѣдить, на помощь намъ придетъ второй Пожарскій». Это была, конечно, игра словъ: гр. Закревскій воспользовался фамиліей князя Пожарскаго, явившагося спасителемъ Москвы въ 1612 году, чтобы этимъ именемъ окрестить поджигателя столицы, основываясь на созвучіи словъ: «пожаръ» и «Пожарскій».

Послѣ проигрыша Бородинскаго сраженія, разсказываетъ маіоръ Бецкій, пламенный московскій патріотъ посвятилъ въ свой планъ генералиссимуса арміи. Но послѣдній, не рѣшаясь брать на себя отвѣтственности за это дѣло, не сталъ разубѣждать Ростопчина, но совѣтовалъ ему сообразовать свое поведеніе съ обстоятельствами. Кромѣ того, какъ мы уже говорили, онъ продолжалъ его увѣрять, что не отдастъ Москвы въ руки врага, не сдѣлавъ послѣдней попытки защитить столицу.

Подъ вліяніемъ вѣры въ это обѣщаніе, неоднократно повторяемое главнокомандующимъ арміей, который говорилъ, что станетъ биться до послѣдней капли крови, даже на улицахъ столицы, подъ вліяніемъ этой вѣры графъ Ростопчинъ и призывалъ (11-го сентября нов. стиля) всѣхъ жителей Москвы къ оружію, снова повторяя свои клятвенныя завѣренія, высказанныя имъ еще 21-го августа, что никогда французы не войдутъ въ Москву, и что онъ отвѣчаетъ за это своей головой. И въ то же время онъ продолжалъ втихомолку свои приготовленія къ вывозу изъ столицы въ болѣе безопасныя мѣста всѣхъ государственныхъ цѣнностей.

Между прочимъ, онъ допустилъ въ это время одну грубую ошибку, въ которой его впослѣдствіе справедливо упрекали, и по поводу которой, какъ говорятъ, у него вышли непріятности съ самимъ

Кутузовымъ, а именно, онъ почему-то позабылъ своевременно озаботиться возведеніемъ вокругъ Москвы прочныхъ военныхъ позицій, за которыми могла бы укрыться русская армія. Въ качествѣ генералъ-маіора штаба, а еще вѣрнѣе—въ качествѣ салоннаго генерала, московскій главнокомандующій подумалъ объ этомъ слишкомъ поздно, возлагая до того все свое упованіе исключительно на собственное краснорѣчіе.

ГЛАВА IV.

Сношенія гр. Ростопчина съ Кутузовымъ и арміей. Занятіе Москвы французами.

Катастрофа приближалась.

10-го сентября Кутузовъ, послѣ прибытія арміи въ г. Можайскъ, воспользовался этимъ моментомъ, чтобы хоть немного привести въ порядокъ свои войска, сильно разстроенныя послѣ Бородинскаго сраженія и значительно уменьшившіяся въ численности, и затѣмъ началъ отступать къ Москвѣ.

Въ этотъ день, скрывая свое движеніе отъ Наполеона, онъ расположилъ свою главную квартиру въ с. Репищахъ, а на завтра, т. е. 11-го сентября, перенесъ ее въ Вязьму, отстоявшую недалеко отъ Звенигорода. Затѣмъ, 12-го сентября, онъ перешелъ въ Маморово, гдѣ приказалъ воздвигнуть ложементы и возвѣстилъ въ своемъ дневномъ приказѣ, что онъ рѣшилъ еще разъ попытать счастья въ сраженіи. Однако, на слѣдующій же день, т. е. 13-го сентября, не сдержавъ своего обѣщанія, продолжалъ снова отступать, пока, наконецъ, не остановился

всего въ двухъ верстахъ отъ предмѣстій столицы. Здѣсь онъ самъ расположился возлѣ Сетуна, его правое крыло обогнуло Москву со стороны деревушки Фили, а лѣвое крыло размѣстилось на высотахъ Воробьевыхъ горъ. Эта позиція, говоритъ генералъ Вольцогенъ, была очень плохо выбрана, такъ какъ съ одной стороны боевая линія армии оказалась слишкомъ растянутой, а съ другой, имѣя позади себя рѣку и столицу, нельзя было разсчитывать, въ случаѣ пораженія, отступить правильными рядами и избѣгнуть повальнаго бѣгства. Къ тому-же, крутизна горъ, расположенныхъ передъ городомъ, дѣлала спускъ съ нихъ даже опаснымъ, въ особенности для кавалеріи. Такова была эта позиція у Фили, какъ ее называютъ русскіе, расположенная вблизи Дрогомиловской и Смоленской заставъ, немного восточнѣе того мѣста, гдѣ Москва-рѣка протекаетъ черезъ городъ. Русская армія въ этомъ мѣстѣ, по словамъ г. Сегюра, насчитывала въ своихъ рядахъ 91.000 человѣкъ, изъ числа которыхъ 6.000 составляли козаки, 60.000—старые полки (по словамъ маркиза Шамбре и генерала Вольцогена, послѣднихъ было всего 50.000 ч.)—остатки тѣхъ 121.000, которые принимали участіе въ Бородинскомъ сраженіи и, наконецъ, 20.000 приходилось на долю новобранцевъ, лишь наполовину вооруженныхъ ружьями, и наполовину—пиками.

Французская же армія наканунѣ упомянутой битвы достигала приблизительно 130.000 солдатъ, во время нея, по словамъ того же автора, она потеряла отъ 30.000 до 40.000 чел., оставалось въ строю, стало быть, не менѣе 90.000 человѣкъ. Кромѣ того, свободные полки и дивизіи Лаборди и Пино, которые должны были нагнать главную армію Наполеона, насчитывали болѣе 100.000 передъ прибы-

тіемъ въ Москву. Такой численный перевѣсъ въ соединеніи съ превосходствомъ моральнымъ пугалъ русскаго главнокомандующаго и заставилъ его окончательно отказаться отъ мысли ожидать приближенія французовъ, чтобы еще разъ помѣряться съ ними силами, и все-таки, несмотря на это рѣшеніе, онъ отдалъ приказаніе возводить ретраншементы!

Но, опасаясь брать на себя всю отвѣтственность при такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, онъ рѣшилъ передать этотъ вопросъ на обсужденіе военнаго совѣта. Присутствовать на этомъ совѣтѣ онъ пригласилъ графа Ростопчина, а также слѣдующихъ генераловъ дѣйствующей арміи: Барклай де Толли, Беннингсена, Дохтурова, Остерманъ-Толстого, Уварова, Коновницына, Кайсарова, Раевскаго и Ермолова; полковникъ Толль, въ качествѣ генералъ-квартирмейстера, каковой чинъ соотвѣтствуетъ помощнику начальника главнаго штаба, также присутствовалъ на этомъ совѣщаніи. Но Милорадовичъ, который временно замѣнялъ атамана казаковъ Платова и начальствовалъ надъ арьергардомъ русскихъ войскъ, не былъ приглашенъ, такъ какъ онъ на минуту не могъ отлучиться со своего поста.

Въ тотъ моментъ, когда графъ Ростопчинъ покинулъ старую столицу, чтобы отправиться къ главнокомандующему русской арміей, невѣдѣнію жителей, о томъ, что творится за московскими заставами, былъ положенъ конецъ. Еще наканунѣ вечеромъ, по словамъ Домерга, прибыло въ Москву болѣе 20.000 раненыхъ. «Этотъ длинный обозъ, говоритъ этотъ авторъ, молчаливо и угрюмо передвигавшійся по улицамъ столицы и застрявшій въ Драгомиловскомъ предмѣстьѣ, раскрылъ на утро всѣмъ глаза на дѣйствительное положеніе вещей;

извѣстія, начавшія поступать со всѣхъ сторонъ, также не могли болѣе поддерживать увѣренности въ защитѣ столицы. И однако Ростопчинъ и въ этотъ тревожный моментъ не измѣнилъ характера своихъ успокоительныхъ прокламацій.

«Я отправляюсь завтра рано, заявлялъ онъ въ своемъ объявленіи, развѣшенномъ по городу 12-го сентября, къ свѣтлѣйшему князю Кутузову, чтобы съ нимъ переговорить, дѣйствовать и помогать войскамъ истреблять злодѣевъ. Станемъ и мы изъ нихъ духъ искоренять и этихъ гостей къ черту отправлять; я пріѣду назадъ къ обѣду, и мы примемся за дѣло; обдѣлаемъ, додѣлаемъ и злодѣевъ отдѣлаемъ».

Военный совѣтъ сотоялся въ пять часовъ вечера, а не утромъ, какъ увѣряетъ маркизъ де Шамбре. Утромъ же, дѣйствительно, происходили кое-какіе дебаты среди главныхъ генераловъ арміи и въ присутствіи самого главнокомандующаго, когда всѣ они производили осмотръ позицій, и въ это время вели оживленную бесѣду другъ съ другомъ по вопросамъ, которые должны были обсуждаться на предстоящемъ совѣтѣ.

Принцъ Евгеній Вюртембергскій, собственный разсказъ котораго по поводу этихъ совѣщаній кажется намъ болѣе достовѣрнымъ и яснымъ, чѣмъ, напр., разсказъ другого свидѣтеля, барона Гельдорфа, хотя онъ и былъ адъютантомъ самого главнокомандующаго, говоритъ слѣдующее:—Кутузовъ сидѣлъ въ кабріолетѣ или въ двуколкѣ, посреди многочисленнаго генералитета, расположившагося вблизи большой дороги и занятаго оживленнымъ споромъ. Онъ молчаливо, но съ явнымъ и вполнѣ понятнымъ вниманіемъ прислушивался къ высказываемымъ въ этотъ моментъ мнѣніямъ, когда, такъ

сказать, судьба всего государства находилась въ его рукахъ. Отдаленный гулъ непріятельской пушки неожиданно прервалъ эти дебаты, не носившіе, впрочемъ, оффиціальнаго характера. По словамъ принца Евгенія, который однако не вполнѣ ручается за полную достовѣрность передаваемаго, въ этотъ моментъ Кутузовъ, прежде чѣмъ тронуться въ путь, приблизился къ нему и сказалъ: «Какова бы ни была моя голова: -хороша или плоха, а въ этомъ вопросѣ она должна разобраться сама». И онъ не измѣнилъ впослѣдствіи принятаго въ эту минуту рѣшенія.

Настоящій военный совѣтъ состоялся только въ пятомъ часу вечера того же дня. То, что происходило на немъ, болѣе или менѣе извѣстно. Въ нѣкоторыхъ деталяхъ разсказъ генерала Вольцогена (тогда еще бывшаго полковникомъ главнаго штаба), правда, не вполнѣ совпадаетъ со свидѣтельствомъ генерала Толля (который тогда также былъ полковникомъ), принца Е. Вюртембергскаго и генерала Богдановича, но всѣ разногласія этихъ авторовъ не имѣютъ существеннаго значенія и не касаются самой сути обсуждавшихся на этомъ совѣтѣ вопросовъ.

Послѣ того какъ Кутузовъ изложилъ положеніе дѣлъ, онъ предложилъ своимъ сподвижникамъ высказаться по поводу слѣдующаго вопроса: слѣдуетъ ли еще разъ принять сраженіе, или же, наоборотъ—уступить Москву непріятелю безъ боя; самъ главнокомандующій, какъ и во время угренихъ споровъ, продолжалъ хранить упорное молчаніе, хотя и не былъ въ состояніи скрыть охватившаго его волненія, которое прорывалось лишь въ короткихъ репликахъ, бросаемыхъ имъ во время рѣчей другихъ участниковъ совѣщанія. Первымъ за-

говорилъ Барклай де Толли и опредѣленно высказался за необходимость продолжать отступленіе: по его мнѣнію, избранная позиція не выдерживала никакой критики; онъ предпочиталъ поэтому пожертвовать Москвой и сохранить армію, такъ какъ съ потерей послѣдней нельзя было бы уже ничего противопоставить непріятелю. Отступая же по направленію къ Нижнему Новгороду, говорилъ онъ, можно поддерживать сообщеніе какъ съ Петербургомъ, такъ и съ южными губерніями.

Беннингсенъ и Дохтуровъ высказались за совершенно противоположный образъ дѣйствій; остальные же, не одобряя выбора позиціи при Филяхъ, раздѣляли взглядъ предыдущихъ генераловъ, что необходимо дать еще одно сраженіе передъ Москвой.

Выслушавъ всѣ высказанныя на совѣщаніи мнѣнія, Кутузовъ сталъ возлѣ Барклая де Толли и сказалъ авторитетнымъ голосомъ: «Теперь, господа, наше совѣщаніе конечно, пусть каждый возвращается на свое мѣсто!»

Генералъ Раевскій въ своихъ воспоминаніяхъ кромѣ того приписываетъ главнокомандующему еще слѣдующія слова: «Я знаю, что на меня обрушится вся тяжесть обвиненій, но я готовъ пожертвовать собой для блага родины. Я приказываю отступить отъ Москвы».

Такимъ образомъ, въ результатѣ совѣщанія было рѣшено уступить непріятелю старую столицу безъ боя. Кутузовъ сохранилъ за собой право указать позднѣе направленіе, въ какомъ должны были передвигаться войска; предварительно же онъ приказалъ выходить на рязанскую дорогу. Этого же направленія держалась русская армія и позднѣе, вопреки совѣтамъ полковника Толля, который на-

стаивалъ на отступленіи по калужской дорогѣ, чтобы избѣжать необходимости проходить по улицамъ города.

Какой же изъ этихъ двухъ путей былъ лучше? Достаточно будетъ указать по этому поводу на то, что Наполеонъ одобрилъ выборъ генералиссимуса русской арміи.

Остановимся теперь на томъ, какова же была роль во время этихъ совѣщаній московскаго главнокомандующаго: что достовѣрно, такъ это то, что Ростопчинъ, съ момента прибытія въ армію, сразу и радикально излѣчился отъ своего оптимизма. *) Печальное состояніе самихъ войскъ и неспособность вождей ошеломили его и въ то же время оскорбляли его патріотическое чувство. Но, повинуясь своей обычной манерѣ высказываться откровенно, онъ не смолчалъ и на сей разъ; наоборотъ, онъ далъ полную волю своему негодованію.

---

*) Здѣсь любопытно отмѣтить, что и до вступленія въ отправленіе обязанностей московскаго главнокомандующаго Ростопчинъ не страдалъ этимъ оптимизмомъ и довольно трезво смотрѣлъ въ глаза будущему. Его оцѣнка тогдашняго критическаго положенія Россіи была дана имъ въ одномъ изъ писемъ его къ Александру I и можетъ показаться для своего времени даже пророческой. „Ваша имперія“ писалъ Ростопчинъ еще въ началѣ іюня 1812 года „имѣетъ двухъ могущественныхъ защитниковъ въ своихъ пространствахъ и въ своемъ климатѣ. 16 милліоновъ людей, исповѣдующихъ одну вѣру, говорящихъ однимъ языкомъ, которыхъ не коснулась бритва, эти-то бороды составляютъ твердость Россіи. Кровь солдатъ родитъ героевъ на ихъ мѣста, и еслибы несчастное стеченіе обстоятельствъ принудило бы васъ отступить передъ побѣдоноснымъ непріятелемъ, русскій императоръ всегда будетъ страшенъ въ Москвѣ, ужасенъ въ Казани, непобѣдимъ въ Тобольскѣ...“ Но эта трезвость взгляда смѣнилась у Ростопчина оптимизмомъ, какъ только онъ самъ закружился въ водоворотѣ событій. Прим. перев.

На самомъ военномъ совѣтѣ онъ, какъ кажется, не обнаружилъ желанія высказаться *), но еще днемъ онъ обратился къ князю Кутузову со слѣдующими словами: «Если бы у меня спросили совѣта, я не колеблясь бы отвѣтилъ: сожгите столицу, если вы не въ состояніи отстоять ее отъ врага! Таково мое личное мнѣніе, мнѣніе графа Ростопчина; въ качествѣ же губернатора города, которому ввѣрено попеченіе о его спасеніи, я, конечно, не могу подать подобнаго совѣта»—«Что касается меня, отвѣтилъ ему на это принцъ Евгеній Вюртембергскій, сильно пораженный его словами, то, не будучи русскимъ, я не могу ничего совѣтовать, только русскій въ правѣ подавать подобнаго рода совѣты». Позднѣе же на бивуакѣ, послѣ соединенія со своей дивизіей, принцъ поражалъ всѣхъ своими восклицаніями, которыя вырывались у него непроизвольно и поражали присутствующихъ своей загадочностью: «Это невѣроятно! это будетъ колоссальный актъ и въ то же время героическое средство противъ этого страшнаго кризиса!»

Между тѣмъ Ростопчинъ былъ внѣ себя. «По возвращеніи его въ Москву, говоритъ Домергъ, на его лицѣ легко было замѣтить отпечатокъ какой-то особенной блѣдности и нервное подергиваніе мускуловъ. Ночью онъ получилъ оффиціальное

---

*) Гр. Ростопчинъ возвратился въ Москву еще днемъ, т. е. до начала военнаго совѣта. Кутузовъ его даже не приглашалъ присутствовать на этомъ совѣтѣ. Хотя впослѣдствіи Ѳ. В. Ростопчинъ и высказывалъ Кутузову благодарность, за то что тотъ избавилъ его отъ непріятной обязанности санкціонировать оставленіе Москвы, но тогда устраненіе его несомнѣнно сильно задѣло, и онъ далъ волю своему гнѣву противъ Кутузова въ своихъ донесеніяхъ Александру I.

Прим. перев.

подтвержденіе отъ главнокомандующаго о принятомъ послѣднемъ рѣшеніи покинуть столицу на произволъ судьбы».

По словамъ генерала Богдановича, это было первое положительное извѣстіе, полученное главнокомандующимъ г. Москвы относительно ея оставленія. Вотъ что писалъ кн. Кутузовъ: «Обходъ со стороны непріятеля, который выслалъ колонны на Звенигородъ и Боровскъ, а также неблагопріятствующая для насъ позиція—принуждаютъ меня къ печальной необходимости покинуть столицу. Армія направляется на рязанскую дорогу. Вслѣдствіе чего честь имѣю просить Васъ командировать въ распоряженіе моего флигель-адъютанта возможно большее число полицейскихъ чиновниковъ, которые могли-бы разными улицами провести войска черезъ городъ къ рязанской дорогѣ».

По полученіи этого сообщенія Ростопчинъ тотчасъ же (т. е. еще 13-го сентября нов. ст.) отправилъ съ нарочнымъ слѣдующее письмо Александру I. Это письмо было получено императоромъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ только что съ ужасомъ узналъ о появленіи французовъ въ Москвѣ *).

«Флигель-адъютантъ князя Кутузова, писалъ Ростопчинъ государю, предъявилъ мнѣ письмо, въ которомъ Его сіятельство проситъ у меня полицейскихъ офицеровъ, дабы сопровождать армію черезъ

---

*) Отношеніе Ростопчина къ кн. Кутузову, вначалѣ вполнѣ доброжелательное, къ этому времени смѣнилось рѣзкимъ возмущеніемъ и негодованіемъ. Но Ростопчинъ не могъ простить генералиссимусу не рѣшенія отдать столицу непріятелю безъ боя, а того, что, какъ онъ убѣдился, Кутузовъ не довѣрялъ ему, не желалъ посвящать его въ свои планы и устранилъ его отъ участія въ военномъ совѣтѣ.

Прим. перев.

городъ на Рязанскую заставу. Онъ говоритъ, что къ сожалѣнію принужденъ оставить Москву. Ваше Величество! Поведеніе князя Кутузова рѣшаетъ судьбы столицы и всей имперіи. Вся Россія содрогнется отъ ужаса, когда узнаетъ объ оставленіи города, гдѣ было сосредоточено все величіе государства, и гдѣ покоится прахъ предковъ Вашего Величества. Я знаю армію. Я увожу отсюда все. Мнѣ остается только плакать о своемъ отечествѣ.»

Съ этого момента Ростопчинъ окончательно снимаетъ маску и начинаетъ дѣйствовать открыто. Для оставшихся въ Москвѣ жителей, на глазахъ у которыхъ принимались всѣ мѣры къ поджогу города, только теперь стало окончательно ясно, какая печальная участь ихъ ожидаетъ.

Вслѣдъ затѣмъ отданъ былъ приказъ *) всѣмъ безъ исключенія покинуть Москву, захвативъ съ собой все, что можно было спасти. Этотъ приказъ грозилъ суровыми карами всякому, кто вздумалъ бы оставаться въ покидаемой столицѣ.

Раньше чѣмъ продолжать нашъ разсказъ, мы позволимъ себѣ привести здѣсь одну цитату изъ «Исторіи Консульства и Имперіи.» Какъ бы ни были правдивы и поучительны приводимыя ниже слова историка, читатель легко можетъ замѣтить, что нѣкоторыя изъ его положеній подлежатъ спору и несогласны, какъ съ приведенными уже нами данными, такъ и съ тѣмъ, что будетъ сказано впослѣдствіи.

---

*) Сколько намъ извѣстно, подобный приказъ врядъ ли существовалъ, да и не было въ немъ особой надобности, такъ какъ Москва и безъ того успѣла значительно опустѣть, и теперь ее спѣшили сами покинуть послѣдніе остатки ея жителей.

Прим. перев.

Беря на себя эту обязанность исторической критики, мы хотимъ показать на этомъ примѣрѣ, относящемся къ отдаленной эпохѣ нашей исторіи, съ какой осторожностью долженъ дѣйствовать историкъ, если онъ не хочетъ стать жертвой ложныхъ слуховъ и чудовищныхъ несообразностей.

«По поводу поведенія французовъ, пишетъ г. Тьеръ, распространялись такія ужасныя сплетни, что не надо было вовсе прибѣгать къ какимъ-либо угрозамъ, чтобы заставить населеніе пускаться въ бѣгство при самомъ ихъ приближеніи. Онъ (т. е. Ростопчинъ) разсчитывалъ оставить французамъ лишь мертвый городъ, безъ жителей. Онъ хотѣлъ даже большаго; онъ мечталъ, не считаясь вовсе съ послѣдствіями предпринимаемой мѣры, не зная, каковъ будетъ ея результатъ, оставить завоевателямъ вмѣсто отраднаго мѣстопребыванія груды пепла и золы, среди которыхъ они не могли бы найти ничего для поддержанія своего существованія, и которыя въ то же время должны были свидѣтельствовать о той ненависти, которую питаетъ къ врагу населеніе Россіи. Это должно было быть объявленіемъ войны не на жизнь, а на смерть.

Но посвятить кого-нибудь въ подобный проэктъ,—это было бы равносильно тому, чтобы сдѣлать немыслимымъ его осуществленіе. Въ самомъ дѣлѣ, кому могъ сказать о своемъ планѣ Ростопчинъ? Кроткому императору Александру I?—но это могло бы только возмутить государя; какому-нибудь генералу? но развѣ это не было связано съ тяжелой отвѣтственностью?—Быть можетъ, самимъ жителямъ? но этимъ можно было бы только окончательно возстановить ихъ противъ себя и стать въ ихъ глазахъ въ тысячу разъ большимъ извергомъ, чѣмъ сами французы.

Вотъ почему Ростопчинъ никого не посвящалъ въ тайники своей души, но подъ предлогомъ изготовленія адской машины, предназначавшейся противъ непріятельской арміи, онъ собралъ въ одномъ изъ загородныхъ садовъ массу горючаго матеріала. Когда же настало время покинуть городъ, за часъ до его окончательной эвакуаціи, онъ избралъ своими наперстниками, сподвижниками и выполнителями своего адскаго плана тѣхъ несчастныхъ, къ услугамъ которыхъ остается одна лишь тюрьма, людей съ природной наклонностью къ разрушенію, однимъ словомъ—уголовныхъ преступниковъ *).

Ростопчинъ собралъ ихъ всѣхъ и, освобождая изъ заключенія, поручилъ имъ, тотчасъ же по оставленіи жителями столицы, поджечь городъ и позаботиться о томъ, чтобы онъ сгорѣлъ до тла. Онъ увѣрилъ ихъ въ томъ, что на этотъ разъ, поджигая столицу, они принесутъ ей лишь пользу и исполнятъ его собственное желаніе.

Ему не пришлось тратить особыхъ усилій на пропаганду своей идеи среди этихъ дѣтей преступленія, чтобы побудить ихъ къ дѣятельности подобнаго рода: предоставленный самому себѣ человѣкъ постоянно обнаруживаетъ наклонность къ

---

*) Мы уже указывали какъ мало основаній приписывать Ростопчину заготовку поджигательныхъ средствъ. Точно также не находитъ подтвержденія приведенное здѣсь извѣстіе объ освобожденіи изъ тюремъ преступниковъ и обращенной къ нимъ Ростопчинымъ рѣчи. Опубликованные по этому поводу въ русской исторической печати документы не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что всѣ обитатели тюремъ за нѣсколько дней до оставленія Москвы были переведены изъ нея въ другія тюрьмы. На волю же были выпущены лишь одни несостоятельные должники, содержавшіеся въ такъ называемой „ямѣ“.

Прим. перев.

разрушенію, и въ этомъ отношеніи можно подмѣтить извѣстное сходство между нимъ и животными, которыя изъ домашнихъ легко превращаются снова въ дикихъ, когда лишь на одну минуту перестаютъ укрощать ихъ природныя наклонности.

Въ помощь арестантамъ онъ командировалъ нѣсколько человѣкъ низшихъ полицейскихъ служащихъ, которые должны были руководить ихъ дѣйствіями, для выполненія этой ужасной миссіи. Отдавая эти приказанія, графъ Ростопчинъ побоялся предоставить въ руки французамъ средства для борьбы съ пожарами и приказалъ поэтому вывезти изъ города всѣ пожарные насосы, которые, дѣйствительно, могли оказать существенную помощь въ городѣ, большая часть зданій котораго была построена изъ дерева» *). Таковъ разсказъ знаменитаго французскаго историка. Мы скоро увидимъ, въ какихъ поправкахъ онъ нуждается. Пока же, не беря на себя этой миссіи, мы просто продолжаемъ свой собственный разсказъ, подкрѣпляя его многочисленными и достовѣрными доказательствами.

День 14-го сентября считается несчастнымъ и въ то же время славнымъ днемъ въ исторіи Россіи. Онъ былъ такимъ же и для графа Ростопчина. Несчастнымъ потому, что онъ бралъ на свою совѣсть и лично долженъ былъ принять участіе въ

---

*) Поскольку слухи объ освобожденіи Ростопчинымъ преступниковъ является плодомъ фантазіи, постольку же удаленіе изъ Москвы противопожарныхъ средствъ дѣйствительно имѣло мѣсто. Вѣроятно къ этой мѣрѣ и свелось, главнымъ образомъ, участіе Ростопчина въ московскомъ пожарѣ, такъ какъ ничего другого онъ не рѣшался взять на свою отвѣтственность, хотя и продолжалъ видѣть въ сожженіи Москвы вѣрное средство борьбы съ французами.

Прим. перев.

выполненіи акта неслыханной злобы, за который неумолимая Немезида должна была впослѣдствіи потребовать отчета у того, кто отдавалъ приказанія сжечь городъ. Но этотъ же день былъ для него и днемъ славы, ибо въ критическую минуту опасности, въ которую было поставлено отечество, московскій главнокомандующій нашелъ въ себѣ рѣшимость принести великую жертву не только съ своей личной точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія всей Россіи, любовь къ которой онъ постоянно выдвигалъ на первый планъ.

Чуть только начался этотъ памятный день, уже съ 4-хъ часовъ утра, если не раньше, Ростопчинъ былъ на ногахъ; быть можетъ, онъ и вовсе не ложился спать въ эту ночь. Въ этотъ ранній утренній часъ разыгралось одно печальное событіе. Очевидецъ его, литераторъ Симонъ Томасъ, настаиваетъ на томъ, что происшествіе это имѣло мѣсто именно въ 4 часа утра; другой же писатель—г. Домергъ, излагающій событія довольно беззаботно, безсистемно и забывающій, что первое требованіе, которое предъявляется къ каждому историческому факту, состоитъ въ точности его хронологической даты—г. Домергъ описываетъ это событіе такъ, какъ будто оно произошло передъ самымъ отъѣздомъ Ростопчина изъ Москвы. По его словамъ, гр. Ростопчинъ уже готовился къ отъѣзду, когда огромная толпа народа съ криками и воплями окружила его жилище. Большая часть толпы была вооружена. Она стала требовать отъ главнокомандующаго, чтобы онъ исполнилъ свое обѣщаніе повести ихъ на «Три горы», навстрѣчу врагу и защищать Москву до послѣдней капли крови, какъ выражался неоднократно онъ самъ въ своихъ прокламаціяхъ.

Но московскій главнокомандующій не былъ че-

ловѣкомъ, которому можно приказывать. «Братцы! Обождите одну минуту, крикнулъ онъ въ толпу: сперва покончимъ съ измѣнниками!» И вслѣдъ за этими словами онъ приказалъ вывести двухъ арестованныхъ: одного француза, обвинявшагося въ произнесеніи рѣчи, возбуждавшей населеніе, а другого—русскаго, молодого юношу, сына московскаго купца Верещагина, арестованнаго еще задолго передъ тѣмъ; послѣднему вмѣнялось въ вину переводъ нѣсколькихъ отрывковъ изъ заграничной газеты «Гамбургскій Корреспондентъ,» которые онъ пустилъ въ обращеніе среди своихъ соотечественниковъ. Въ переведенномъ Верещагинымъ была, между прочимъ, одна прокламація Наполеона; ее, конечно, желали скрыть отъ жителей Москвы, но, благодаря Верещагину, она стала извѣстна всему городу.

Здѣсь слѣдуетъ, однако, сдѣлать небольшую оговорку. Хотя Аббатъ Сюррюгъ, священникъ-эмигрантъ, бывшій въ то время настоятелемъ прихода св. Людовика въ Москвѣ и извѣстный въ качествѣ автора одного изъ сочиненій о московскомъ пожарѣ, изданнаго лишь послѣ его смерти, говоря о Верещагинѣ, подтверждаетъ, что онъ «былъ обвиненъ въ томъ, что перевелъ прокламацію, въ которой Бонапартъ предвѣщалъ о своемъ прибытіи въ Москву,» но необходимо имѣть въ виду, что самъ графъ Ростопчинъ въ своей извѣстной брошюрѣ, написанной имъ въ цѣляхъ оправданія во взводимыхъ на него обвиненіяхъ, объясняетъ это событіе нѣсколько иначе: «Молодой купецъ, растерзанный народной толпой, говоритъ графъ Ростопчинъ, составилъ, а не перевелъ прокламацію Наполеона *).

*) Въ дѣйствительности прокламація, о которой идетъ здѣсь рѣчь, была переведена Верещагинымъ съ нѣмецкаго.

Сенатъ призналъ его винознымъ и приговорилъ къ суровому наказанію. Это былъ единственный измѣнникъ изъ всего населенія огромнаго города.»

Домергъ, который не былъ очевидцемъ этой сцены, а воспользовался разсказомъ Аббата Сюррюга, пополняетъ его слѣдующими, собранными имъ данными. «Отклонивъ ловко вниманіе народной толпы отъ себя самого на другой предметъ, Ростопчинъ обратился сперва къ французу и, выругавъ его безъ стѣсненій, позволилъ ему итти. Но итти посреди разъяренной толпы въ то время было равносильно преданію смерти. И если французъ этотъ спасся—это было настоящее чудо. Участь же русскаго была куда печальнѣе.» Далѣе нашъ писатель подробно излагаетъ трагическую кончину несчастнаго Верещагина. Но мы, къ сожалѣнію, не можемъ вполнѣ довѣрять его слишкомъ драматическому разсказу и предпочитаемъ привести здѣсь болѣе простой, но за то и болѣе заслуживающій довѣрія разсказъ священника изъ прихода св. Людовика. «Губернаторъ, говоритъ онъ, приказалъ вывести Верещагина и поставилъ его посреди драгунъ и жандармовъ. «Недостойный сынъ своей родины! обратился онъ къ нему: ты предалъ отечество и обезславилъ свое имя; твое преступленіе выше обычныхъ наказаній, кнута и Сибири. Бейте его и пусть онъ сдохнетъ подъ вашими ударами!»

Къ этому Домергъ считаетъ нужнымъ прибa-

Хотя подлинникъ ея въ то время могъ быть неизвѣстенъ Ростопчину, но самый слогъ ея и построеніе фразъ—все ясно говорило за то, что это переводъ, а не продуктъ самостоятельнаго творчества. Если же Ростопчинъ заявлялъ иное, то изъ желанія усугубить вину Верещагина и тѣмъ опровдать свою звѣрскую расправу съ нимъ.

Прим. перев.

вить слѣдующее: «Выступая въ одно и то же время и въ качествѣ судьи и въ качествѣ палача, Ростопчинъ схватилъ этого несчастнаго, который связаннымъ стоялъ у ступеней того самаго крыльца, съ котораго графъ держалъ свою рѣчь и, ударивъ его саблей по головѣ, толкнулъ его въ ряды толпы.» По словамъ же г. Варнхагена, дѣло происходило такъ: «Измѣнники, закричалъ графъ, наши худшіе враги, чѣмъ сами французы, и они заслуживаютъ въ тысячу разъ большей ненависти: для нихъ нужно найти какое-либо новое наказаніе. Вотъ передъ вами одинъ такой измѣнникъ. Онъ распространялъ прокламаціи Наполеона. Онъ поэтому самый злѣйшій вамъ врагъ.»

Высказавъ эти упреки и оскорбленія по адресу связаннаго Верещагина, Ростопчинъ повернулся къ толпѣ спиной и отдалъ приказаніе ближайшему полицейскому бить арестанта. И тотъ нанесъ ему первый ударъ плашмя саблей. — «Это что такое?» крикнулъ тогда губернаторъ въ страшномъ гнѣвѣ, снова обернувшись лицомъ къ Верещагину: «отдать его народу, пусть онъ самъ расправится съ нимъ!»

Несчастный въ мгновеніе ока былъ растерзанъ обезумѣвшей толпой буквально на тысячи кусковъ, такъ что послѣ того, какъ толпа очистила площадь, на ней валялась лишь окровавленная рука съ нѣсколькими пальцами—вотъ все, что осталось отъ Верещагина.»

Мы, однако, думаемъ, что во всемъ этомъ много преувеличеній. Предшествующій авторъ, Аббатъ Сюррюгъ излагаетъ событія гораздо спокойнѣе; говоритъ только о томъ, что «несчастный Верещагинъ былъ тотчасъ же пронзенъ штыками и исполосованъ сабельными ударами. Его ноги остались свя-

занными, а его окровавленный трупъ толпа влачила по городскимъ улицамъ, продолжая издѣваться и надъ мертвымъ.»

Предшествовала ли, однако, трагическая сцена, жертвой которой палъ несчастный Верещагинъ, посѣщенію московскимъ главнокомандующимъ московскаго острога—огромнаго зданія, вмѣщавшаго въ своихъ стѣнахъ всѣхъ уголовныхъ преступниковъ и расположеннаго на одной изъ московскихъ окраинъ, нѣсколько влѣво отъ Тверской заставы? Графъ Сегюръ не упоминаетъ объ этомъ посѣщеніи, но онъ не отрицаетъ факта освобожденія изъ тюрьмы заключенныхъ. Послѣднее событіе, по его словамъ, имѣло мѣсто раньше, чѣмъ только что описанное трагическое событіе. «Грязная и отталкивающая толпа, говоритъ онъ, высыпала изъ воротъ тюрьмы. Несчастные заключенные быстро разсыпались по улицамъ съ какой-то дикой радостью. Только двухъ человѣкъ — одного француза, обвинявшагося въ измѣнѣ, и одного русскаго, политически неблагонадежнаго—выдѣлили изъ всей массы заключенныхъ и потащили къ Ростопчину, который, по словамъ цитируемаго нами автора, старался собрать въ это время вокругъ себя всѣхъ, кто еще оставался въ Москвѣ и былъ способенъ носить оружіе.

Между тѣмъ Домергъ отдѣльно описываетъ слѣдующія двѣ сцены. По его словамъ, московскій главнокомандующій рано утромъ 14-го сентября посѣтилъ московскій острогъ. Когда по его приказу двери тюрьмы были открыты, огромная толпа разнаго рода преступниковъ, численностью свыше 800 человѣкъ, съ шумомъ хлынула къ нимъ. Но прежде чѣмъ окончательно выпустить ихъ на свободу, графъ Ростопчинъ далъ имъ необходимыя

инструкціи, вступивъ съ ними въ бесѣду, которая по своему тону ничѣмъ не отличались отъ языка его прокламацій: «Я дарую вамъ свободу, сказалъ онъ освобождаемымъ заключеннымъ, будьте же достойными сынами нашей матушки Россіи; постарайтесь искупить свою вину и заслужить себѣ оправданіе предъ лицомъ Всевышняго, сослуживъ службу для нашей родины.»

Въ этихъ словахъ чувствуется, однако, мелодрама; несмотря на всю эксцентричность, которой сама природа богато одарила нашего героя, онъ врядъ-ли могъ дойти до этого. А между тѣмъ, Домергъ не останавливается даже и на этомъ и прибавляетъ, что миссія, возложенная Ростопчинымъ на освобожденныхъ имъ уголовныхъ заключенныхъ, не ограничивалась однимъ сожженіемъ столицы: они получили также приказаніе растерзать немедленно всѣхъ французовъ, остававшихся въ Москвѣ, и губернаторъ заставилъ ихъ поклясться въ этомъ передъ святыми образами (!!).»

Всѣ эти нагроможденные другъ на друга ужасы должны остаться цѣликомъ на совѣсти автора вышеприведенныхъ строкъ; мы же не можемъ отнестись къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ.

Послѣдуемъ, однако, за разсказчикомъ и посмотримъ, что сталось съ выпущенными на свободу убійцами, а также и съ жертвами, обреченными имъ на закланіе? Самъ Домергъ не присутствовалъ при дальнѣйшихъ событіяхъ и повѣствуетъ о нихъ со словъ одной женщины, высланной изъ Макарьева и поселившейся недалеко отъ Московской тюрьмы. Вотъ что сообщила ему эта собесѣдница, бывшая сама свидѣтельницей того, какимъ

потокомъ разлилась по всему городу эта лавина поджигателей. «Орда публичныхъ женщинъ и каторжниковъ вмѣсто того, чтобы сразу приступить къ выполненію возложеннаго на нихъ кроваваго порученія, разсыпалась сначала по покинутымъ торговымъ рядамъ и принялись ихъ грабить, разбивая въ первую очередь винные погреба. Изъ глубины нашихъ убѣжищъ мы отчетливо слышали ихъ пьяныя пѣсни и кровожадныя угрозы. Всѣмъ намъ они грозили смертью, а тѣ, кто, какъ я, нашли себѣ убѣжище вблизи острога, естественно должны были стать ихъ первыми жертвами. Чувство невыразимаго ужаса охватило насъ... Къ счастью, само небо сжалилось надъ нашей печальной участью: перепившіеся до потери сознанія грабители вскорѣ заснули мертвецкимъ сномъ, который продолжался еще даже и тогда, когда въ Москву вступили, наконецъ, французскіе войска.»

«Тогда, прибавляетъ отъ себя Домергъ, суждено было совершиться величайшей въ мірѣ гекатомбѣ, принесенной на алтарь отечества... Эти люди сознательно принялись за осуществленіе одной изъ самыхъ ужасныхъ катастрофъ. Мы тщетно бы пытались изобразить въ истинныхъ краскахъ всю глубину хитрости, обнаруженной при этомъ бывшими каторжанами, всю ту энергію, кипучую дѣятельность и смѣлость, которую они вложили въ сожженіе Москвы. Всѣ адскія приспособленія, какія только могъ внушить имъ геній разрушенія—все было пущено этими людьми въ ходъ.»

Генералъ Богдановичъ, одинъ изъ безпристрастныхъ бытописателей отечественной войны, который откровенно, хотя и съ прискорбіемъ, подтверждаетъ актъ расправы графа Ростопчина съ Верещагинымъ и порицаетъ его за него, этотъ писатель въ то же

время совершенно отрицаетъ фактъ освобожденія уголовныхъ заключенныхъ изъ тюремъ, подробно изложенный нами на предыдущихъ страницахъ.

Онъ утверждаетъ, что еще за нѣсколько дней до оставленія Москвы, всѣ находившіеся въ московскихъ тюрьмахъ заключенные были отправлены во Владиміръ, «за исключеніемъ двухъ,» прибавляетъ генералъ. Это и были русскій и французъ нашего разсказа. Если поэтому Ростопчинъ и являлся въ тюрьму, то лишь для того, чтобы возбудить народную ярость видомъ этихъ двухъ жертвъ, которыхъ московскій губернаторъ заранѣе уже обрекъ на смерть и спеціально приберегъ для кроваваго зрѣлища.

Тотъ же русскій авторъ прибавляетъ при этомъ, что «когда графъ Ростопчинъ выслалъ изъ города всю полицію и отдалъ приказаніе московскому гарнизону готовиться къ отъѣзду, онъ самъ остался въ столицѣ съ небольшимъ отрядомъ войска, чтобы поддерживать въ ней общій порядокъ.» Вслѣдъ за тѣмъ и разыгралась та кровавая сцена, которую мы уже описали выше.

Въ этотъ памятный день 14-го сентября (нов. ст.) можно было дважды встрѣтить московскаго губернатора на городскомъ валу. Въ первый разъ онъ былъ тамъ вмѣстѣ съ Кутузовымъ, а во второй, часовъ около 11 утра—вмѣстѣ съ Барклаемъ де-Толли, котораго онъ сопровождалъ во время отступленія черезъ столицу.

Но прежде чѣмъ послѣдовать вмѣстѣ съ нимъ за черту города, который онъ разсчитывалъ скоро превратить въ груды пепла, постараемся прослѣдить за ходомъ его мыслей въ этотъ моментъ, какъ онъ самъ ихъ излагалъ впослѣдствіи въ своей брошюрѣ о

московскомъ пожарѣ, столь расходящейся съ общепринятыми воззрѣніями по этому поводу. «Я имѣлъ въ виду два предмета весьма важные, отъ которыхъ, полагалъ, зависитъ истребленіе французской арміи, а именно: чтобы сохранить спокойствіе въ Москвѣ и вывести изъ оной жителей. Я успѣлъ свыше моихъ надеждъ. Тишина продолжалась даже до самой минуты вступленія непріятеля, и изъ 240 тысячъ жителей осталось только отъ 12 до 15 тысячъ человѣкъ, большей частью или мѣщане, или иностранцы, или же люди изъ простого званія, но ни одного сколько-нибудь вліятельнаго лица, ни изъ дворянства, ни изъ духовенства или купечества. Сенатъ, судебныя мѣста, всѣ чиновники оставили городъ за нѣсколько дней до занятія его непріятелемъ. Я хотѣлъ лишить Наполеона всякой возможности завязать сношенія изъ Москвы со всей внутренней Имперіей и использовать для этого то вліяніе, которое французы пріобрѣли повсюду, благодаря своей литературѣ, своимъ модамъ, своей кухнѣ и своему языку. При помощи этихъ средствъ непріятель могъ бы сблизиться съ русскимъ населеніемъ, внушить ему довѣріе къ себѣ и пользоваться, наконецъ, его услугами. Но среди людей, остававшихся въ Москвѣ, обольщеніе подобнаго рода не могло совершенно имѣть мѣста, такъ какъ они, благодаря особенностямъ своего воспитанія, были прочно застрахованы отъ него.»

Нѣтъ сомнѣнія, что Ростопчинъ, въ теченіе всего своего пребыванія въ Парижѣ, гдѣ онъ былъ хорошо принятъ, тѣмъ не менѣе ни на одну минуту не переставалъ мечтать о возвращеніи въ отечество. Онъ стремился вновь увидѣть московскія стѣны, каждый камень которыхъ долженъ былъ посылать проклятія по его адресу. Не можетъ быть, поэтому,

никакого сомнѣнія, скажемъ мы, что въ подобныхъ обстоятельствахъ онъ былъ вынужденъ представить въ не совсѣмъ вѣрномъ свѣтѣ истинное положеніе вещей и старался ввести въ заблужденіе читателя.

Тѣмъ хуже для него самого, если онъ самъ отвергаетъ источникъ своей славы и собственными, такъ сказать, руками опрокидываетъ пьедесталъ того величаваго монумента, который человѣчество воздвигло виновнику этой ужасной катастрофы, явившейся для европейскихъ народовъ первымъ импульсомъ сбросить съ себя иго французскаго завоевателя, которое они должны были нести до того времени помимо своей воли. Мы болѣе не станемъ входить здѣсь ни въ какіе споры по этому поводу, но отложимъ ихъ до того момента, когда будемъ имѣть возможность дополнить его собственныя разслѣдованія и попытаемся окончательно установить истинную точку зрѣнія на московскій пожаръ.

Теперь же намъ предстоитъ послѣдовательно изложить ходъ дальнѣйшихъ событій, чтобы закончить картину или, по крайней мѣрѣ, эскизъ одной изъ величайшихъ катастрофъ, которыя исторія вписала на свои страницы на память будущимъ поколѣніямъ.

По словамъ генерала Богдановича, Москва утромъ 14-го сентября имѣла довольно печальный видъ. Всѣ тѣ, кто еще не успѣлъ къ тому времени покинуть городъ,—а число такихъ было не особенно велико—торопились оставить столицу теперь, унося съ собой все, что у нихъ было наиболѣе цѣннаго, или же, если рѣшались остаться въ Москвѣ, старались спрятаться въ погребахъ и другихъ наиболѣе безопасныхъ частяхъ своихъ жилищъ. Если

кто въ этотъ день рѣшался нанять лошадь, ему приходилось платить за нее столько же, за сколько въ прежнее время можно легко было купить эту самую лошадь въ собственность. Общественный порядокъ былъ уже нарушенъ, и населеніе, пользуясь отсутствіемъ полиціи и не встрѣчая ни съ чьей стороны противодѣйствія, начало грабить дома и базары. Сами торговцы просили солдатъ разбирать ихъ лавки, чтобы ничего не досталось французамъ. Главныя улицы города были до того запружены обозами и всевозможными телѣгами, что пѣшеходамъ не было никакой возможности пользоваться ими. Попадались по пути цѣлыя семьи, которыя тщетно сновали изъ улицы въ улицу въ поискахъ свободнаго прохода къ какой-нибудь изъ городскихъ заставъ и обращались съ разспросами къ первому встрѣчному, какого направленія имъ надо держаться, чтобы не столкнуться съ непріятелемъ.

Были, наконецъ, и такіе, которые даже и въ эти печальные моменты еще сомнѣвались въ возможности занятія Москвы французами и надѣялись на какую-то чудесную помощь со стороны шведскаго вспомогательнаго отряда *). Огромное же большинство жителей искало спасенія внѣ городскихъ стѣнъ, стараясь временно пріютиться хотя бы въ сосѣднихъ деревняхъ.

Трудно сказать въ точности, сколько жителей все-таки осталось въ самой Москвѣ. Судя по письму графа Ростопчина къ князю Кутузову, написанному еще 9-го сентября и помѣченному № 41, ихъ

---

*) Дѣйствительно, еще 27 августа 1812 г. въ г. Або состоялось свиданіе Александра I со шведскимъ королевскимъ принцемъ Бернадоттомъ, а 30-го Августа между Швеціей и Россіей былъ заключенъ союзъ.

было не болѣе 10.000, а когда французы покинули Москву, въ ней оказалось не болѣе 3.000 человѣкъ. По словамъ же Домерга, число иностранцевъ, которые и не думали покидать столицы, вмѣстѣ съ тѣми изъ русскихъ, которые почему-либо не могли или не желали оставить своихъ жилищъ, доходило все-таки до 25.000 при общей численности московскаго населенія того времени въ 240.000 душъ. Но будучи разсѣяны повсюду, прибавляетъ этотъ авторъ, прячась въ погребахъ и домахъ, они совершенно терялись среди огромнаго и пустыннаго города, имѣвшаго въ окружности свыше 9 миль.

Что касается общей картины уличной жизни въ этотъ историческій день, то Домергъ прибавляетъ слѣдующее къ той картинѣ, которую мы только что нарисовали со словъ русскаго историка. «Общее замѣшательство было ужасное. Тѣ, кто еще не успѣлъ спастись, съ рыданіями спѣшили по улицамъ, загроможденнымъ экипажами и ломовыми подводами. Дороги, ведущія во Владимиръ, Ярославль и С.-Петербургъ были сплошь усѣяны ранеными и бѣглецами обоего пола и всѣхъ возрастовъ, изнемогавшихъ подъ тяжестью вещей, которыя они надѣялись спасти. Дикій ужасъ охватилъ всѣхъ, даже самыхъ смѣлыхъ, и они бѣжали, спасаясь отъ разрушенія и смерти, спасаясь отъ наступавшихъ французовъ, быть можетъ, еще болѣе ужасныхъ и еще болѣе ненавистныхъ имъ въ этотъ моментъ. И въ это же самое время группы простолюдиновъ, которымъ было роздано кое-какое старое оружіе, ходили изъ лавки въ лавку, повсюду напиваясь и грабя и издѣваясь надъ бѣглецами, которыхъ они ругали подлецами. Быть можетъ, они все-таки еще вѣрили, что губернаторъ, дѣйствительно, станетъ во главѣ ихъ, чтобы выйти на встрѣчу врагу.

Вернемся теперь къ двумъ арміямъ, приближавшимся къ Москвѣ. Одна изъ нихъ шла лишь затѣмъ, чтобы снова тотчасъ же покинуть столицу, тогда какъ другая надѣялась найти въ ней прочное убѣжище и думала расположиться на отдыхъ.

Еще вечеромъ 13-го сентября Кутузовъ отдалъ въ Филяхъ приказаніе отправлять обозъ и запасную артиллерію. 14-го же сентября съ трехъ часовъ утра вся армія уже передвигалась по направленію къ Драгомиловской заставѣ; впереди скакала кавалерія, за нею слѣдовало московское ополченіе, доходившее до 10.000 человѣкъ и, наконецъ, за нимъ шли боевыя войска, артиллерія и казаки.

Въ самой Москвѣ сомкнутыя колонны русскихъ почти на каждомъ шагу должны были наталкиваться на препятствія. Прибывъ къ берегу Москвы-рѣки, протекающей по этой части предмѣстья, войска нашли для перехода черезъ эту рѣку всего только одинъ деревянный мостикъ, который почти сразу же осѣлъ подъ тяжестью обозовъ и артиллеріи. А такъ какъ его нельзя было такъ скоро исправить, то часть артиллеріи и московскаго ополченія принуждены были для того, чтобы скорѣе достигнуть противоположнаго берега, искать брода. Благодаря этому, тотчасъ же образовалась въ этомъ мѣстѣ страшная давка... «Можно себѣ представить, говоритъ по этому поводу Тьеръ, какое бы огромное несчастье могло здѣсь произойти, если бы русскія войска должны были совершить это отступленіе послѣ проиграннаго сраженія подъ огнемъ непріятеля.» Барклай де-Толли, въ оставленныхъ имъ воспоминаніяхъ, признаетъ, что отступленіе это было совершено далеко не въ строгомъ порядкѣ. Подтвержденіе того же самаго можно найти и въ слѣдующихъ строкахъ «Воспоминаній» генерала

принца Евгенія Вюртембергскаго: «Необходимость этого безостановочнаго отступленія огромному большинству русскаго войска казалась сомнительной и противорѣчившей его представленіямъ о чести. Въ ихъ представленіи Москва должна была быть цѣлью и могилой русскаго солдата. Они не могли себѣ представить, что могло быть еще что-нибудь за Москвой: тамъ для нихъ начинался другой свѣтъ.» Эти храбрецы сперва предполагали, что они дѣлаютъ только крюкъ, чтобы стать лицомъ къ лицу съ врагомъ и вступить съ нимъ въ кровавый бой. Видъ кремлевскихъ колоколовъ долженъ былъ, наконецъ, поселить и въ ихъ душѣ подозрѣнія объ истинномъ положеніи дѣлъ, и тогда, прибавляетъ германскій принцъ, «въ безмолвіи и затаивъ дыханіе проходили они сомкнутыми рядами вдоль пустыхъ улицъ покинутаго города.» Г. Вольцогенъ, нарисовавъ приблизительно тѣми же красками печальную картину отступленія, прибавляетъ къ ней слѣдующее: «Когда совершенно уже разсвѣло, Кутузовъ вмѣстѣ со своей свитою переправился черезъ мостъ и тотчасъ же исчезъ изъ виду, направившись боковыми улицами, ведущими къ дорогѣ на Коломну, чтобы избѣжать встрѣчъ и разспросовъ.» Болѣе подробно разсказываетъ впрочемъ объ этомъ генералъ Богдановичъ. По его словамъ, главнокомандующій, въѣхавъ за Драгомиловскую заставу часовъ около 8 утра, нашелъ всѣ прилегающія къ ней улицы загроможденными передвигавшимися войсками и обозами. Чтобы быстро пробраться впередъ, онъ обратился съ этимъ вопросомъ къ лицамъ своей свиты: «Кто изъ васъ, господа, знаетъ Москву?» Его ординарецъ, князь Голицынъ, выступилъ впередъ. «Въ такомъ случаѣ, обратился къ нему Кутузовъ, проведите меня такъ,

чтобы мы не встрѣтили ни живой души.» Кн. Голицынъ повернулъ тогда къ Яузскому мосту. Тамъ, однако, Кутузовъ столкнулся съ гр. Ростопчинымъ, который посреди войскъ и толпы московскихъ обывателей стоялъ съ хлыстомъ въ рукѣ и старался освободить проѣздъ отступавшей артиллеріи. Встрѣча главнокомандующаго съ московскимъ губернаторомъ вовсе не была дружеской. Кутузовъ не проронилъ ни слова по адресу Ростопчина и ограничился лишь отдачей приказанія, чтобы поскорѣе очистили мостъ. По мѣрѣ того, какъ полки проходили городъ по направленію къ Коломенской заставѣ, они располагались за ней по обѣ стороны дороги. Главнокомандующій самъ остановился въ этомъ мѣстѣ, чтобы обождать извѣстій о положеніи арьергарда. Ждать ему здѣсь пришлось довольно долго, пока, наконецъ, показался адъютантъ Милорадовича и сообщилъ, что въ случаѣ отказа Мюрата принять предложенныя ему условія, придется сражаться въ улицахъ Москвы, и тогда арьергардъ будетъ нуждаться въ подкрѣпленіи. Это извѣстіе сильно обезпокоило стараго полководца, но, къ счастью, четверть часа спустя показался другой ординарецъ, полковникъ Потемкинъ, который привезъ извѣстіе, что условія приняты непріятелемъ, и ничто болѣе не помѣшаетъ арьергарду соединиться съ остальной арміей. Кутузовъ, выслушавъ это донесеніе, тотчасъ же отдалъ приказаніе продолжать отступленіе до деревни Панки, расположенной въ 17 верстахъ къ юго-востоку отъ Москвы, и самъ также отправился по тому же самому направленію. Для поясненія только что сказаннаго необходимо добавить слѣдующее. Милорадовичъ, прибывъ еще около полудня 13-го сентября съ арьергардомъ на Поклонную гору, увидѣлъ, что онъ окруженъ

французскими войсками, и ему грозитъ быть отрѣзаннымъ отъ главной русской арміи, хотя послѣдняя сама въ это время дѣлала тщетныя усилія проложить себѣ дорогу впередъ и концентрировалась вокругъ Драгомиловскаго моста, запруженнаго безконечными обозами и артиллеріей. Чтобы выйти изъ этого затруднительнаго положенія, генералу Милорадовичу совѣтовали попытать еще разъ счастья въ сраженіи, на которое онъ, дѣйствительно, былъ уполномоченъ слѣдующей письменной инструкціей князя Кутузова: «Если это будетъ необходимо, почтите древнія стѣны Москвы сраженіемъ.» Милорадовичъ, однако, не считалъ такой выходъ изъ затруднительнаго положенія сколько-нибудь удобнымъ и предпочелъ вступить съ врагомъ въ переговоры о заключеніи перемирія. Съ этой цѣлью онъ послалъ къ Мюрату, командовавшему французскимъ авангардомъ, капитана Акинфова, гусара царской гвардіи, того самого, который составилъ донесеніе объ этомъ событіи, а впослѣдствіи былъ сенаторомъ.

Акинфовъ долженъ былъ передать неаполитанскому королю, что, если французы хотятъ застать Москву нетронутой, они должны медленно приблизиться къ ней, дабы позволить русской арміи съ ея обозомъ и артиллеріей очистить городъ. Въ случаѣ же несогласія на это предложеніе, старый вояка угрожалъ, что русскіе будутъ драться на московскихъ улицахъ до послѣдняго солдата, и тогда, вмѣсто огромной столицы, непріятель найдетъ лишь груду развалинъ. Мюратъ сперва не рѣшался заключить перемиріе на подобныхъ условіяхъ, но послѣ нѣсколькихъ минутъ колебанія онъ все же долженъ былъ согласиться на нихъ. Въ этотъ-то промежутокъ времени, когда еще не было извѣстно,

чѣмъ кончатся переговоры, Милорадовичъ и послалъ своего адъютанта къ кн. Кутузову просить у того, если возможно, подкрѣпленій, и чтобы познакомить самого главнокомандующаго съ положеніемъ вещей.

Судя по содержанію 26-го бюллетеня великой арміи, все, на чемъ настаивалъ начальникъ русскаго арьергарда, сводилось лишь къ тому, чтобы «позволить ему продефилировать черезъ городъ безъ единаго выстрѣла.» Но во время вторичнаго свиданія его уполномоченный г. Акинфовъ получилъ отъ Мюрата завѣренія, что военныя дѣйствія будутъ пріостановлены до утра слѣдующаго дня. Ростопчинъ оставилъ Кутузова въ плохомъ расположеніи духа и поспѣшилъ самъ присоединиться къ Барклаю де-Толли, который въ то время былъ для него, повидимому, только нѣмцемъ или чужеземцемъ, къ которому всѣ истинные сыны Россіи, члены православной церкви, могли питать только недовѣріе.

Барклай де-Толли, ровный и положительный характеръ котораго не измѣнился и во время печальнаго отступленія изъ Москвы, былъ по-прежнему спокоенъ, равнодушенъ, и рядомъ съ нимъ графу Ростопчину нечего было опасаться нарваться на обиду или оскорбленіе.

Авторъ воспоминаній о графѣ Толлѣ, г. Бернгарди, разсказываетъ намъ, что, прибывъ къ Петровскому мосту, одному изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ старой Москвы, расположенному вблизи Кремля, у изгиба рѣки, Барклай де-Толли остановился здѣсь со своимъ штабомъ и сталъ пропускать мимо себя полки своей арміи, какъ вдругъ нѣсколько офицеровъ извѣстили его, что въ гостиномъ дворѣ солдаты занялись мародерствомъ. Гене-

ралъ тотчасъ же командировалъ своего адъютанта собрать на мѣстѣ точныя свѣдѣнія. Послѣдній вскорѣ возвратился и донесъ, что, къ великому прискорбію, сами владѣльцы лавокъ останавливаютъ проходящихъ мимо солдатъ и предлагаютъ имъ забрать съ собой все, что тѣ только пожелаютъ, такъ какъ де, по ихъ словамъ, они предпочитаютъ видѣть свои лавки расхищенными своими соотечественниками, чѣмъ разграбленными непріятельскими солдатами. Этого же рода соблазнъ ожидалъ русскихъ солдатъ и въ другихъ мѣстахъ пути ихъ слѣдованія. Но мародерство справедливо считается гибелью арміи. И. благодаря ему, армія Кутузова, дѣйствительно, потеряла въ самое короткое время, всего въ теченіе нѣсколькихъ часовъ болѣе 6.000 человѣкъ, большая часть которыхъ попала затѣмъ въ плѣнъ къ французамъ.

Московскій губернаторъ, какъ мы сказали, находился возлѣ Барклая де-Толли. Вмѣстѣ съ нимъ, какъ сообщаетъ Вольцогенъ, состоявшій самъ въ свитѣ прежняго главнокомандующаго, графъ оставилъ за собой часамъ къ одиннадцати утра послѣднюю московскую заставу. Предоставимъ, однако, самому германскому барону разсказать намъ, какъ протекали послѣдующія событія. «Графъ Ростопчинъ, говоритъ онъ, присоединился къ намъ. На небольшомъ разстояніи отъ дороги, ведущей въ Коломну, мы замѣтили вдругъ огромное количество ломовыхъ повозокъ, сопровождаемыхъ солдатами. Когда мы ближе подъѣхали къ этому поѣзду, я могъ разсмотрѣть, что это были московскія пожарныя трубы. Весьма пораженный этимъ, я обратился къ графу съ вопросомъ, зачѣмъ онъ увозитъ даже это изъ столицы. «Я имѣю на это достаточныя основанія,» отвѣтилъ онъ мнѣ. Затѣмъ онъ поспѣ-

шилъ прибавить: «Что касается меня самого, то я не взялъ съ собой изъ Москвы ничего, исключая вотъ этой лошади, на которой я ѣду. и того платья, что на мнѣ.»

Въ результатѣ онъ покинулъ постъ, ввѣренный ему императоромъ Александромъ I, лишь въ самую послѣднюю минуту, уступая крайней необходимости. «Я выѣхалъ верхомъ на лошади, говоритъ намъ самъ графъ Ростопчинъ, за рязанскую заставу и я не покинулъ московскихъ бульваровъ до тѣхъ поръ, пока не пришло извѣстіе, что авангардъ французской арміи вступилъ въ городъ.» Г. Вольцогенъ прибавляетъ къ только что приведеннымъ словамъ московскаго губернатора слѣдующій анекдотъ: «Позднѣе, говоритъ онъ, одинъ мой другъ, медицинскій совѣтникъ Формей, спросилъ однажды въ моемъ присутствіи Ростопчина въ Берлинѣ о томъ, какимъ образомъ произошелъ московскій пожаръ. Вотъ какой отвѣтъ далъ ему бывшій губернаторъ столицы: «Этого вопроса мнѣ никогда не задавалъ самъ императоръ, и я никому не обязанъ на него отвѣтить.» Мы упоминаемъ объ этомъ лишь мимоходомъ.

Обратимъ теперь наше вниманіе на французскую армію и прослѣдимъ исторію ея похода съ самаго Бородинскаго боя, вернувшись, такъ сказать, немного назадъ. Г. Сегюръ, какъ извѣстно, утверждаетъ, что въ день Бородинскаго сраженія Наполеонъ съ утра сильно страдалъ и жаловался окружающимъ на ослабленіе умственныхъ способностей. «Въ ночь, которая предшествовала этому рѣшительному сраженію, говоритъ онъ, утомляющая лихорадка трясла французскаго императора и оказывала вліяніе на его умъ; она же не покидала его и во время самаго боя и продолжалась еще около

пяти дней послѣ Бородинской битвы; вмѣстѣ съ другимъ, еще болѣе тяжкимъ страданіемъ, эта болѣзнь сковала геній Наполеона и удержала его на мѣстѣ. Только благодаря этому, почти совершенно разбитый Кутузовъ получилъ возможность собрать остатки своей арміи и, такимъ образомъ, спастись отъ преслѣдованія французовъ.» Въ этихъ словахъ французскаго историка, конечно, не мало преувеличеній, но медлительность французовъ въ этотъ историческій день остается все-таки фактомъ.

Несмотря на пораженіе, которое потерпѣлъ Мюратъ 8-го сентября въ Можайскѣ, французы на слѣдующій же день заняли этотъ городъ, уже покинутый жителями. Передъ этимъ русскія войска выказали было рѣшимость вступить въ бой, но, когда они замѣтили маневры, цѣлью которыхъ было напасть на нихъ сразу со всѣхъ сторонъ, они такъ поспѣшно отступили, что въ теченіе нѣкотораго времени французскіе разъѣзды не могли разыскать даже слѣдовъ русской арміи. Маркизъ де-Шамбре цѣликомъ подтверждаетъ этотъ разсказъ. Наполеонъ, правда, по-прежнему продолжалъ вѣрить, что русскіе отступили по направленію къ Москвѣ, но, не получая никакихъ подтвержденій этого, онъ сталъ безпокоиться и опасаться, не свернулъ ли Кутузовъ вправо, по направленію къ Калугѣ. Онъ тотчасъ же отдалъ приказъ задержать движеніе того отряда арміи, который двигался по направленію къ Москвѣ. «Такимъ образомъ, говоритъ только что упомянутый авторъ, пять дней спустя послѣ сраженія на Москвѣ-рѣкѣ, оттѣснивъ русскихъ на цѣлыхъ 17 миль отъ поля битвы, великій полководецъ все еще не зналъ направленія своего дальнѣйшаго наступленія.

Это кажется, конечно, страннымъ, но въ этомъ

можно было бы сомнѣваться только въ томъ случаѣ, если бы въ самихъ приказахъ, отданныхъ Наполеономъ своимъ генераламъ, не было подтвержденія истинности этого факта.»

Только что приведенный разсказъ правдивъ въ своей основѣ. Кутузовъ, дѣйствительно, скрылъ свое отступленіе отъ французскихъ разъѣздовъ, но не въ теченіе 5 дней, послѣ чего Наполеонъ отдалъ приказъ Мюрату и Мортье на всякій случай задержать дальнѣйшее наступленіе на Москву.

Еще 10-го сентября русская армія появилась въ Крамскомъ и была тотчасъ же аттакована французскимъ авангардомъ, правда, безъ всякой цѣли, просто потому, что неополитанскій король довольно беззаботно относился къ жизни и состоянію духа своихъ солдатъ. Весь этотъ день прошелъ въ мелкихъ сраженіяхъ и стычкахъ; какъ съ той, такъ и съ другой стороны было потеряно довольно много людей. По словамъ г. Сегюра. французы потеряли тогда около 2000 солдатъ изъ резерва. Тотчасъ же увѣдомили объ этомъ Наполеона, сообщивъ ему, что русская армія продолжаетъ отступать по направленію къ Москвѣ и находится всего въ двухъ дняхъ пути отъ столицы. Для французскаго полководца это извѣстіе явилось истиннымъ облегченіемъ; оно вывело его изъ того состоянія оцѣпенѣнія, въ которомъ онъ находился почти всѣ послѣдніе дни.

Его какъ бы воскресило и наэлектризовало слово «Москва». Занять столицу—это значило, по его мнѣнію, «заключить миръ» и достигнуть, такимъ образомъ, желанной цѣли, закончивъ компанію, до сихъ поръ не имѣвшую рѣшительнаго исхода, но завлекшую его такъ далеко отъ Франціи, что воз-

вращеніе туда, какъ онъ могъ самъ легко догадываться, становилось дѣломъ далеко не легкимъ.

Получивъ вышеприведенное извѣстіе, онъ сразу отогналъ отъ себя эти печальныя мысли и, сѣвъ въ карету, поскакалъ по направленію къ своему авангарду. Французскій авангардъ въ это время находился всего въ 30 верстахъ отъ Москвы. Прибывъ туда, Наполеонъ немедленно отдалъ приказаніе сосредоточить здѣсь же всѣ свои войска. Это происходило какъ разъ въ тотъ моментъ, когда въ Филяхъ военный совѣтъ русскихъ генераловъ рѣшалъ судьбы Первопрестольной.

Численность французской арміи въ это время, какъ мы уже говорили, не превышала 100.000 солдатъ. Проведя ночь вблизи Вязьмы, въ какой-то деревнѣ, составлявшей собственность кн. Голицына, Наполеонъ поднялся 14-го сентября страшно рано и еще на разсвѣтѣ, сгорая отъ непреодолимаго желанія увидѣть, наконецъ, б о л ь ш у ю д е р е в н ю (т. е. Москву), поспѣшилъ сѣсть въ карету съ генераломъ Бертье и направился къ передовымъ позиціямъ. Въ 9 часовъ утра, находясь всего въ 12-ти верстахъ отъ желанной цѣли всего своего похода, онъ повстрѣчался съ Мюратомъ, расположившимся въ другой деревнѣ, и въ теченіе цѣлаго часа оживленно съ нимъ бесѣдовалъ. Затѣмъ онъ радостно воскликнулъ: «Впередъ!..»

Вскорѣ послѣ этого между неаполитанскимъ королемъ и генераломъ Милорадовичемъ, командовавшимъ русскимъ арьергардомъ, начались переговоры, о которыхъ мы говорили выше.

Цѣль этихъ переговоровъ была слѣдующая. Милорадовичъ хотѣлъ выгадать время и дать возможность кн. Кутузову спокойно совершить свое отступленіе черезъ Москву. Мюратъ же, со своей

стороны, былъ заинтересованъ въ томъ. чтобы спасти эту столицу отъ разрушенія, ибо нельзя было сомнѣваться, что послѣ новаго сраженія, принятаго русской арміей подъ ея стѣнами, она будетъ представлять изъ себя лишь груду развалинъ. Никто изъ французовъ, конечно, не могъ и думать о возможности той катастрофы, которая собиралась разразиться надъ ихъ головами.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ колебанія, русскія условія были приняты, и Милорадовичъ, благодаря этому, получилъ возможность покинуть городъ, подгоняя также отставшихъ солдатъ Кутузова и торопя безчисленныя подводы съ ранеными и обозомъ.

Къ 3 часамъ пополудни онъ прослѣдовалъ, наконецъ, со своимъ отрядомъ мимо Кремлевскихъ стѣнъ. Такимъ образомъ. все отступленіе черезъ Москву огромной русской арміи, которой пришлось пройти отъ одной заставы до другой болѣе двухъ миль, обошлось безъ особыхъ инцидентовъ.

Милорадовичъ былъ Мюратомъ русской арміи и такъ же, какъ и тотъ, былъ извѣстенъ всѣмъ солдатамъ. Какъ и Мюратъ, онъ ни разу не былъ раненъ въ теченіе всей своей военной карьеры, пока, наконецъ, его не уложила на мѣстѣ, на глазахъ автора этой книги. пуля, пущенная рукой кого-то изъ участниковъ декабрьскаго возстанія въ С. Петербургѣ, въ 1825 году. На полѣ же битвы пули, казалось, всегда его щадили. Генералъ Ермоловъ, прекрасно знавшій его храбрость, говорилъ про него, что «повсюду, гдѣ находится Милорадовичъ, надо имѣть про запасъ вторую жизнь».

Было уже около 6 часовъ вечера. когда послѣдніе ряды русскаго арьергарда перешли за Спасскую заставу. Милорадовичъ приказалъ расположиться своему отряду въ деревнѣ Вязовкѣ, нахо-

дившейся между Коломенской и Рязанской дорогами, въ 7 верстахъ отъ упомянутой заставы.

Въ то же время второй отрядъ былъ размѣщенъ по Владимірской дорогѣ, быть можетъ, для того, чтобы ввести въ заблужденіе французовъ относительно направленія, по которому отступала вся русская армія, но, быть можетъ, также и съ цѣлью оказать защиту тѣмъ изъ московскихъ жителей, которые направились изъ столицы по этой дорогѣ. Къ тому же генералъ Винцигероде, прибывшій по этому же пути, получилъ приказаніе занять со своими полками дорогу, ведущую въ С.-Петербургъ, а также поставить значительный отрядъ на дорогѣ въ Ярославль, дабы обезпечить сообщеніе съ этимъ городомъ, гдѣ въ то время находилась великая княгиня Екатерина Павловна, сестра Александра I, приблизительно за годъ передъ тѣмъ вышедшая замужъ за тверского генералъ-губернатора, принца Георга Ольденбургскаго.

Приблизительно около 1 часу дня Мюратъ, наконецъ, достигъ Драгомиловской заставы Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, насколько можно довѣрять слѣдующимъ словамъ Домерга, краснорѣчіе котораго неизсякаемо: «слѣдуя, такъ сказать, по пятамъ за отступавшими казаками, неополитанскій король принужденъ былъ сурово крикнуть имъ, но такъ, чтобы они разслышали: «Поторопитесь! или же я буду принужденъ забрать васъ въ плѣнъ».

Эскадронъ этой полудикой кавалеріи удивился подобному приказанію, исходившему изъ устъ врага. Мюратъ, впрочемъ, всегда оставался предметомъ ихъ восхищенія. Его рыцарскій, почти театральный видъ, высокая фигура, которая еще болѣе выигрывала отъ великолѣпной блестящей формы, наконецъ, его репутація храбреца, отчаянныя пред-

пріятія котораго они не разъ должны были испытать на самихъ себѣ—все это должно было внушать по отношенію къ нему уваженіе со стороны полудикихъ сыновъ казацкой вольницы.

Существуетъ анекдотъ про одного казака, котораго неополитанскій король, бывшій очевидцемъ его удали, наградилъ крестомъ Почетнаго Легіона, но Тьеръ излагаетъ это происшествіе нѣсколько иначе, но за то болѣе правдиво. «При видѣ отступавшаго передъ французами арьергарда русской арміи, говоритъ французскій историкъ, Мюратъ захотѣлъ узнать, нѣтъ ли среди русскихъ офицера, говорящаго по-французски. Ему тогда представился молодой русскій и на вопросъ короля, кто командуетъ этимъ отрядомъ, тотъ указалъ на сѣдого офицера, одѣтаго въ походную бурку изъ мохнатой шерсти. Мюратъ съ обычной вѣжливостью протянулъ старому офицеру руку, и тотъ ему поспѣшилъ отвѣтить рукопожатіемъ. Такимъ образомъ, національная ненависть уступила въ данномъ случаѣ мѣсто уваженію передъ доблестью.»

Въ это время самъ Наполеонъ находился всего лишь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы. Онъ сѣлъ на лошадь и въ 2 часа дня былъ уже на вершинѣ одного изъ холмовъ, окружавшихъ Первопрестольную; старая столица русскихъ царей лежала такимъ образомъ, распростертой у его ногъ. Тогда, обращаясь къ своей свитѣ, французскій императоръ воскликнулъ: «Вотъ онъ, наконецъ, этотъ знаменитый городъ!»

Москва расположена на нѣсколькихъ красивыхъ холмахъ. Кремль со всею цѣпью позолоченныхъ куполовъ занимаетъ одинъ изъ нихъ, на юго-западномъ же краю Москвы, налѣво отъ Драгомиловской заставы и на той же сторонѣ извивающейся

Москвы-рѣки, какъ и послѣдняя, возвышаются другіе холмы, извѣстные подъ именемъ Воробьевыхъ горъ. Оттуда открывается великолѣпный видъ на весь городъ. Одна изъ этихъ горъ, или, вѣрнѣе, одинъ изъ этихъ крутыхъ холмовъ, спускающихся прямо въ долину, называется Поклонной горой.

Французскій императоръ прибылъ на эту гору, а вокругъ нея послѣдовательно расположились всѣ войска его арміи. Здѣсь однако мы считаемъ нужнымъ удѣлить мѣсто словамъ того автора, который, по увѣреніямъ Ламартина, безподобно описалъ эту столицу Россіи.

«Наши развѣдчики, говоритъ генералъ Сегюръ, вскорѣ покрыли эту возвышенность. Было уже 2 часа пополудни. Тысячами красокъ освѣщало солнце этотъ огромный городъ, разстилавшійся внизу. Пораженные и изумленные открывшимся передъ ними зрѣлищемъ, французы кричали: «Москва! Москва!» Каждый старался ускорить шагъ; всѣ безпорядочно торопились, и вся армія, какъ одинъ человѣкъ, била въ ладоши и повторяла съ восторгомъ: «Москва! Москва!», подобно тому, какъ моряки послѣ долгаго и тяжелаго плаванія кричатъ: «земля! земля!»

«При видѣ этого, сверкавшаго золотомъ города, этого блестящаго узла Азіи и Европы, гдѣ соединялись роскошь, обычаи и искусства двухъ наиболѣе прекрасныхъ частей свѣта, мы остановились, охваченные какимъ-то восторженнымъ умиленіемъ. Наконецъ-то насталъ день нашей славы. Какимъ великимъ и неувядаемымъ воспоминаніемъ онъ останется въ теченіе всей остальной нашей жизни. Мы отчетливо чувствовали, что съ этого момента наши дѣйствія должны приковать къ себѣ взоры всего міра, повергнутаго въ удивленіе, и

что каждое изъ малѣйшихъ нашихъ движеній становится теперь историческимъ».

Послѣдуемъ и дальше за однимъ изъ участниковъ этой великой исторической драмы; но не согласится ли читатель съ нами, что цитируемый авторъ давно ужъ перешелъ предѣлы законнаго патріотизма, этого чувства, дорогого всѣмъ, и что онъ, охваченный какимъ-то экстазомъ горделиваго возвеличиванія, ставитъ ни во что это же чувство у остальныхъ націй, когда говоритъ: «Мы вѣрили, что, подъ впечатлѣніемъ этого внушительнаго и величественнаго зрѣлища, всѣ народы міра окружатъ нашъ походъ возгласами удивленія; гордые сознаніемъ, что своимъ участіемъ мы возвысили нашъ просвѣщенный вѣкъ превыше всѣхъ другихъ вѣковъ, мы видѣли уже тогда его увѣнчаннымъ нашей славой!.. Мы говорили себѣ, что тамъ, въ Москвѣ— предѣлъ и окончаніе нашихъ трудовъ, что тамъ, наконецъ, мы остановимся, потому, что не можемъ же вѣдь мы превзойти самихъ себя послѣ славной и достойной соревнованія экспедиціи въ Египетъ, которая могла бы посоперничать со всѣми великими и славными войнами античнаго міра.

«Въ этотъ моментъ опасности, страданія—все было нами забыто. Стоило вѣдь и дорого заплатить за горделивое счастье имѣть возможность говорить въ теченіе всей остальной своей жизни: «Я былъ въ Московской арміи!»

Со своей же стороны мы предпочитаемъ гордиться другого рода славой, а именно, имѣть право заявить: «Я былъ въ числѣ тѣхъ, кто высказывался противъ этой фатальной войны» Увы! Она обошлась слишкомъ дорого нашей странѣ. Гордость, подобная той, которую французскій историкъ внушаетъ солдатамъ—своимъ соотечественникамъ, и

которая, какъ мы повторяемъ, превосходитъ самый пылкій патріотизмъ—подобная гордость способна лишь быть предзнаменованіемъ близкаго паденія, ибо Господь караетъ слишкомъ гордыхъ.

Увы! наше паденіе, дѣйствительно, было ужасно. Пусть же оно навсегда останется для насъ урокомъ, въ особенности послѣ того тріумфа, который мы отпраздновали на дымящихся развалинахъ Севастополя, который былъ нашимъ реваншемъ за это страшное, но заслуженное нами самими несчастье!

Впрочемъ, хотя блестящій писатель, слова котораго мы приводили выше, и не воздержался отъ свойственнаго, конечно, не ему одному, но и многимъ другимъ, пользующимся извѣстностью историкамъ, проявленій крайняго національнализма, бороться съ которымъ обязанъ безпристрастный изслѣдователь, согласимся все-таки, что онъ удачно подобралъ краски для своей картины, и что эти страницы, полныя захватывающаго интереса, вполнѣ отвѣчаютъ величію событій, какъ ихъ сохранила намъ память исторіи.

Послѣ всего сказаннаго вполнѣ понятна та радость, которая наполняла въ этотъ моментъ сердца всѣхъ. Вступить въ Москву безъ новыхъ сраженій—это казалось всѣмъ даже неожиданнымъ, чѣмъ то прямо сказочнымъ. Вмѣсто новыхъ опасностей и новыхъ трудовъ, французскіе солдаты ожидали найти тамъ, какъ они думали, тотъ покой и отдыхъ, о которомъ они такъ давно мечтали. Они были уже у цѣли, почти осязали ее и мысленно представляли себѣ всю Россію распростертой у ихъ ногъ.

«Въ ихъ рядахъ, говоритъ г. Тьеръ, было нѣкоторое количество солдатъ и офицеровъ, которые поднимались на вершины пирамидъ, купались въ водахъ Іордана, были въ Римѣ, Миланѣ, Мадридѣ,

Вѣнѣ, Берлинѣ, и они все-таки дрожали отъ волненія при мысли, что они сейчасъ вступятъ также въ ворота Москвы, одной изъ самыхъ могущественныхъ столицъ Востока».

Въ этомъ зрѣлищѣ, дѣйствительно, было что-то магическое. Разстилавшійся передъ ними городъ въ одно и то же время и ласкалъ взоръ и внушалъ къ себѣ уваженіе; онъ сверкалъ на солнцѣ огнемъ своихъ позлащенныхъ куполовъ, которые возвышались, подобно какому-то сказочному лѣсу, и были самыхъ причудливыхъ и неизвѣстныхъ совершенно на Западѣ формъ; внизу подъ ними находилось безконечное множество домовъ, всѣ крыши которыхъ были выкрашены въ красный и зеленый цвѣта; одни изъ нихъ были великолѣпными дворцами, другіе—обыкновенными деревянными домами или даже бѣдными хижинами. Что еще болѣе усиливало впечатлѣніе, получившееся отъ этой картины, такъ это рамка, въ которой та казалась вставленной; этой прелестной рамой была цѣпь красивыхъ холмовъ, у подножія которыхъ извивалась Москва-рѣка, въ то время какъ многія вершины ихъ были увѣнчаны обширными монастырями, имѣвшими видъ небольшихъ крѣпостей, и бросавшихся въ глаза роскошью своихъ шарообразныхъ куполовъ всѣхъ размѣровъ.

Между тѣмъ, главнокомандующій этой стотысячной арміи, ушедшей за нимъ такъ далеко и составлявшей все, что уцѣлѣло отъ 420 тысячъ его войска, перешедшаго черезъ Нѣманъ, вовсе не имѣлъ времени предаваться поэзіи и чувству умиленія передъ развернувшейся картиной. Онъ тотчасъ же долженъ былъ вспомнить о суровыхъ требованіяхъ жизни и, сойдя съ коня, велѣлъ разостлать передъ собой планъ города. Съ помощью

секретарей-переводчиковъ, знакомыхъ съ русскимъ языкомъ (Лелорнь, Идевиль), онъ быстро ознакомился съ расположеніемъ московскихъ кварталовъ и наиболѣе важныхъ пунктовъ города и отдалъ сообразно съ этимъ свои приказанія о расквартированіи войскъ.

Вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ сигнальный пушечный выстрѣлъ о началѣ вступленія въ городъ, и вся армія, какъ одинъ человѣкъ, забывъ о всѣхъ понесенныхъ трудахъ, о всѣхъ лишеніяхъ, которыя ей пришлось претерпѣть, заколебалась и слилась въ единомъ крикѣ, повторявшемся безъ конца: «Да здравствуетъ Наполеонъ!»

До этой поры его звѣзда еще не померкла и онъ продолжалъ еще по-прежнему вѣрить въ нее; неудачи и несчастья еще не успѣли научить его тому, что часто кажущійся успѣхъ является лишь приманкой, что часто счастье и удачи, готовыя ужъ покинуть своего прежняго любимца, на моментъ возобновляютъ свою предупредительность и нѣжность къ нему.

Авангардъ Мюрата вошелъ въ Москву первымъ, слѣдуя почти по пятамъ за отступавшими казаками; во главѣ его находились: польскій полкъ Уминскаго, прусскіе уланы Вертера, конные охотники изъ Вюртемберга, четыре полка французской легкой кавалеріи и полевая артиллерія.

Вслѣдъ за авангардомъ къ Драгомиловской (иначе Смоленской) заставѣ прибылъ самъ французскій императоръ.

Но прежде чѣмъ въѣхать въ предмѣстье Новинское, Наполеонъ заявилъ, что будетъ ждать тамъ депутаціи, уполномоченной передать ему ключи города и умолять побѣдителя о милосердіи. Однако, никто не появлялся. Ему раньше разсказывали о

родовитомъ московскомъ дворянствѣ, которое соперничало по своему значенію съ дворянствомъ петербургскимъ и въ то же время будировало противъ правительства, но ни одинъ дворянинъ не пожаловалъ представиться французскому императору! Не было даже ни представителей буржуазіи, ни крестьянъ!

Наполеона продолжали еще увѣрять, что этотъ послѣдній классъ русскаго населенія, стонавшій подъ игомъ крѣпостного права и стремившійся къ свободѣ, принесетъ свои поздравленія иностранному монарху, который явился уничтожить ненавистное для него иго рабства. Но не появлялось ни одного крестьянина, ни уполномоченныхъ отъ общинъ, и никто не просилъ разрѣшенія предстазиться великому завоевателю. Передъ нимъ была настоящая пустыня. Тогда. крайне пораженный и даже выведенный изъ себя этимъ обстоятельствомъ, Наполеонъ приказалъ польскому генералу отправиться немедленно за справками. Но тщетно бродилъ посланный генералъ въ сопровожденіи француза, знавшаго Москву, изъ улицы въ улицу; ни въ одномъ мѣстѣ, гдѣ находились раньше административныя учрежденія, они никого не нашли, съ кѣмъ бы могли поговорить, и посланецъ долженъ былъ вернуться съ этой печальной вѣстью къ своему повелителю. Но Наполеонъ уже зналъ горькую для него правду объ оставленіи Москвы жителями. Ему донесъ объ этомъ прежде всего офицеръ, посланный командиромъ авангарда, а вслѣдъ затѣмъ то же самое подтвердила ему и депутація французовъ, состоявшая въ значительной части изъ богатыхъ московскихъ торговцевъ. Во главѣ этой депутаціи стояли Риссъ и Сосетъ, владѣльцы самой крупной въ то время книгопечатни во всей Россіи. «Намѣ-

реніе ихъ, говоритъ Домергъ, было вполнѣ почтенно: движимые чувствомъ гуманности и желаніемъ возстановить общественную безопасность, они просили у побѣдителя защиты своему имуществу и сообщили ему, между прочимъ, о высылкѣ Ростопчинымъ изъ Москвы 40 иностранцевъ.»

До этого момента Наполеонъ лишь смутно подозрѣвалъ, что онъ попалъ въ западню; теперь же онъ не могъ прійти въ себя отъ изумленія. «Какъ! Москва покинута?» воскликнулъ онъ: «какое невѣроятное событіе! Это необходимо понять.» И продолжая настаивать, чтобы ему привели какую бы то ни было депутацію, онъ прибавилъ, обращаясь къ графу Дарю: «Ступайте и приведите ко мнѣ бояръ!»

Бояръ! Во Франціи воображали еще тогда, что на Руси сохранились бояре. Но ихъ, конечно, было бы довольно трудно найти, даже и въ томъ случаѣ, если бы все московское населеніе оставалось въ своихъ жилищахъ.

Но какъ бы тамъ ни было, графъ Дарю не привелъ съ собой ни бояръ, ни депутаціи, и французскій императоръ долго не могъ прійти въ себя отъ гнѣва и нанесенной ему обиды. Онъ долго хранилъ молчаніе, затѣмъ вскочилъ на лошадь, въѣхалъ въ предмѣстье и рѣшилъ расположиться въ домѣ какого-то трактирщика, такомъ же пустомъ, какъ и всѣ сосѣднія строенія. Во всемъ предмѣстьи, взятомъ въ цѣломъ, оказалось всего на всего 4 человѣка, оставленныхъ въ качествѣ дворниковъ наблюдать за покинутыми жилищами. Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ позвалъ къ себѣ маршала Мортье и назначилъ его генералъ-губернаторомъ столицы. Мюрату же онъ поручилъ не терять изъ виду отступившую русскую армію.

Когда вслѣдъ затѣмъ Мортье во главѣ съ дивизіей Дюфруа приблизился къ стѣнамъ Кремля, гдѣ онъ долженъ былъ расположиться съ молодой гвардіей, онъ былъ неожиданно встрѣченъ довольно сильной стрѣльбой. Это отставшіе солдаты Кутузова, соединившись съ вооруженными крестьянами, въ числѣ приблизительно 500 человѣкъ, пытались еще разъ выступить противъ врага. Одного заряда картечи оказалось достаточно чтобы разсѣять этихъ защитниковъ, и маршалъ вошелъ въ старую крѣпость Москвы, не видавшую уже свыше 200 лѣтъ въ своихъ нѣдрахъ непріятельскаго войска.

Всѣ остальныя французскія войска продолжали оставаться за городской чертой, такъ какъ хотѣли во что бы то ни стало избѣжать грабежей, на которые были способны изголодавшіеся солдаты.

Старая гвардія вмѣстѣ съ корпусами Даву и Нея расположилась по обѣимъ сторонамъ Смоленской дороги. Къ сѣверу отъ Нея размѣстился отрядъ принца Евгенія, вице-короля Италіи, который вскорѣ получилъ приказаніе приблизиться къ городу и занять съ своимъ отрядомъ Петровскій замокъ—огромное кирпичное строеніе, воздвигнутое по дорогѣ въ Тверь или С.-Петербургъ, украшенное стрѣльчатыми окнами и увѣнчанное огромнымъ куполомъ (т. е. въ мавританскомъ стилѣ); къ югу находился князь Понятовскій, занявшій своими полками все пространство до самой Калужской заставы.

Переходить за черту городскихъ заставъ было строго запрещено. «Чтобы совершенно не было грабежей!—сказалъ императоръ Мортье:—Вы мнѣ отвѣтите за нихъ своей головой. Охраняйте Москву со всѣхъ сторонъ и противъ кого бы то ни было!»

ГЛАВА V.

Пожаръ Москвы и оставленіе ея французами.

Что за ночь долженъ былъ провести Наполеонъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ! Безчисленныя новыя заботы, выступившія передъ нимъ, должны были обречь его на безсонницу. Онъ начиналъ постигать теперь намѣренія русскихъ, по отношенію къ которымъ онъ убаюкивалъ себя до того времени разнаго рода иллюзіями. Но событія, послѣдовавшія почти тотчасъ же послѣ занятія Москвы, должны были показать ему, на какія энергичныя рѣшенія способны эти люди: въ первую же ночь послѣ занятія французами города въ разныхъ частяхъ его начались пожары, а именно: на большомъ базарѣ, что на Красной площади, расположенной бокъ о бокъ съ Кремлемъ, въ магазинахъ и лавкахъ Китай-города горѣли склады вина, спирта и аптекарскихъ товаровъ. Къ этому присоединился, наконецъ, пожаръ на биржѣ и въ банкѣ.

Это не болѣе, какъ несчастная случайность, старался увѣрить себя Наполеонъ; въ городѣ, покинутомъ жителями, подобныя случайности вполнѣ объяснимы; быть можетъ, даже, думалъ онъ, въ этомъ повинна невоздержанность нашихъ солдатъ.

Но когда 15-го сентября, въ 2 часа утра ему снова начали доносить о новыхъ несчастныхъ случаяхъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, когда къ нему прибыли Мюратъ и Мортье и заявили, что, желая организовать борьбу съ пожарами, они не могли нигдѣ во всемъ городѣ разыскать пожарныхъ трубъ и насосовъ, Наполеонъ, казалось, понялъ, въ чемъ дѣло, въ особенности, когда вмѣстѣ съ тѣмъ

ему сообщили, что нѣсколько поджигателей пой-маны на мѣстѣ преступленія.

Тѣмъ не менѣе, послѣ долгихъ усилій и съ по-мощью пожарныхъ трубъ, которыя французская армія привезла съ собой въ обозѣ, удалось въ концѣ концовъ обуздать вырвавшуюся на волю стихію, и огонь мало-по-малу ослабѣлъ. Въ 6 часовъ утра того же самого 15-го сентября—это былъ втор-никъ—Наполеонъ перенесъ свою главную квартиру въ Кремль и расположился тамъ въ древнихъ цар-скихъ покояхъ, впослѣдствіи обновленныхъ. Изъ оконъ комнаты, которую онъ выбралъ для себя, обращенныхъ въ сторону рѣки Москвы, видна была почти половина города. При видѣ старой кремлев-ской стѣны, украшенной зубцами, Наполеонъ, по словамъ Домерга, воскликнулъ со злобой: «Вотъ онъ —этотъ гордый валъ!» Однако, справедливо за-мѣчаетъ тотъ же авторъ, «у подножія этого вала судьба начертала границу дальнѣйшихъ завоеваній Наполеона.»

Не возвращаясь снова къ тому, что мы уже говорили о расположеніи Москвы, здѣсь мы счи-таемъ необходимымъ прибавить два слова къ преж-нему описанію.

Кремль представляетъ изъ себя довольно обшир-ную крѣпость, построенную въ формѣ треугольника, вершина котораго обращена на сѣверъ, а основаніе спускается къ водамъ Москвы-рѣки.

Заключенная въ старыя византійскія стѣны, укра-шенныя зубцами и множествомъ башенъ, эта крѣ-пость окружена со стороны берега рѣки набереж-ной, съ западной стороны—широкими бульварами и, наконецъ, съ третьей стороны—съ востока—вели-колѣпной площадью, огромнымъ базаромъ, прости-рающимся къ югу до церкви Василія Блаженнаго,

къ сѣверу—до воротъ, къ которымъ примыкаетъ часовня, постоянно осаждаемая вѣрующими; въ этой часовнѣ почти круглый годъ бываетъ выставленъ чудотворный образъ Иверской Божьей Матери. Площадь эта, извѣстная подъ названіемъ Красной Площади, отдѣляетъ Кремль отъ торговаго квартала, называемаго Китай-городомъ. Вмѣстѣ съ Китай-городомъ Кремль образуетъ кругъ, составляющій ядро Москвы. Со стороны Москвы-рѣки эта часть города значительно приподнята, благодаря чему отсюда (но не съ противоположной стороны) открывается довольно обширный видъ. Къ сѣверу отъ рѣки расположенъ такъ называемый Бѣлый городъ, охватывающій большимъ полукругомъ центральную часть столицы. Затѣмъ всѣ три части города, только что упомянутыя, окруженныя съ двухъ сторонъ водой, опоясаны, кромѣ того, со всѣхъ сторонъ полнымъ кольцомъ Земляного города. И, наконецъ, все это обширное пространство замыкается цѣлой сѣтью предмѣстій. Москва-рѣка протекаетъ въ южной части этого плана.

Вся эта панорама—одна изъ лучшихъ, какія только можно видѣть вообще, находилась теперь у ногъ Наполеона. Послѣдній, не боясь усталости, поспѣшилъ взобраться на колокольню Ивана Великаго, возвышавшуюся въ двухъ шагахъ отъ кремлевскаго дворца. Помѣщенная и безъ того на довольно высокомъ основаніи, она царила надъ всей окружающей равниной, сіяя своими позлащенными куполами и крестомъ. Этому кресту, между прочимъ, молится все окрестное деревенское населеніе, спѣшащее по пробужденіи отъ сна трижды перекреститься по его направленію и отвѣсить глубокій поклонъ до земли.

По словамъ Тьера, Наполеонъ поторопился подняться на самую вершину этой колокольни. Мы должны, однако, отнестись съ осторожностью, какъ къ этому свидѣтельству французскаго историка, такъ и къ нѣкоторымъ другимъ мѣстамъ его труда, не находящимъ подтвержденія у другихъ авторовъ. Къ числу такихъ мѣстъ мы относимъ, напр., его интересныя описанія нравовъ русской знати, которыя также намъ кажутся не вполнѣ заслуживающими довѣрія.

«Дома русскихъ, говоритъ этотъ историкъ, изобиловали всякаго рода съѣстными припасами, точно они были заготовлены къ приходу французовъ. При нѣкоторомъ упорядоченіи дѣла этихъ припасовъ могло вполнѣ хватить на удовлетвореніе насущныхъ и неотложныхъ нуждъ всей французской арміи. Высшіе офицеры были встрѣчены при входѣ во дворцы многочисленной ливрейной дворней, спѣшившей услужить новымъ господамъ съ рѣдкимъ гостепріимствомъ. Хозяева этихъ дворцовъ, которые, повидимому, не предчувствовали гибели Москвы, позаботились, несмотря на раздѣляемую ими со всѣмъ населеніемъ національную ненависть къ французамъ, о томъ, чтобы въ лицѣ французскихъ офицеровъ найти покровителей и защитниковъ своихъ роскошныхъ чертоговъ. А тѣ располагались среди этой роскоши съ чувствомъ нескрываемаго удовольствія, также совершенно не предполагая, какъ коротокъ будетъ мигъ ихъ отдохновенія. Съ видимымъ любопытствомъ прогуливались они по этимъ палатамъ, наполненнымъ произведеніями изысканной роскоши, по огромнымъ заламъ, домашнимъ театрамъ, изъ которыхъ нѣкоторые могли бы съ успѣхомъ поспорить размѣрами съ общественными учрежденіями того же рода, по

обширнымъ библіотекамъ, на полкахъ которыхъ въ изобиліи пріютились какъ самыя изящныя, такъ и самыя непристойныя произведенія французской литературы XVIII вѣка. Стѣны этихъ дворцовъ были увѣшены картинами, способными удовлетворять самый изысканный вкусъ. Всѣ эти признаки изнѣженности нравовъ являлись какимъ-то страннымъ контрастомъ среди горячей набожности простого народа и дикой энергіи, проявляемой русскимъ солдатомъ. Контрастъ этого рода, правда, часто встрѣчается среди націй, быстро перешедшихъ отъ варварства къ цивилизаціи, такъ какъ людямъ вообще свойственно перенимать съ наибольшей легкостью искусство наслаждаться у тѣхъ изъ націй, которыя опередили ихъ вообше въ культурѣ. Могло также показаться страннымъ подражаніе всему французскому въ странѣ, съ которой велась этими же французами такая ожесточенная война, но самолюбію завоевателей не могло особенно льстить то обстоятельство, что русскіе подражали имъ, главнымъ образомъ, въ чертахъ, наименѣе достойныхъ похвалъ.»

Намъ, кажется, однако, сомнительнымъ, чтобы французы, какъ генералы, такъ и рядовые офицеры были расположены и имѣли время въ первые же дни послѣ прибытія въ Москву, забывъ про усталость и постоянныя безпокойства бивуачной жизни, обращать свое вниманіе на всю изысканность ихъ жилищъ, которыя часто являлись настоящими выставками самой крайней роскоши, облагороженной своей связью съ изящными искусствами. Но какъ бы тамъ ни было, на моментъ они, дѣйствительно, старались отмахнуться отъ опасности и, послѣ того, какъ миновала первая тревога, вызванная пожарами, они совершенно забыли объ этомъ. Они думали лишь

о томъ, какъ бы вознаградить себя посреди этого изобилія и комфорта за всѣ прежніе дни воздержанія и понесенные труды. « Пусть другіе распоряжаются!» говорили они, занимая какой-либо удобный особнякъ или великолѣпный дворецъ и желая насладиться въ немъ отдыхомъ.

Въ это время, дѣйствительно, еще можно было питать иллюзіи и убаюкивать себя минутной безопасностью, такъ какъ пока поджигатели дѣйствовали еще изолированно. Между тѣмъ, еще во вторникъ днемъ пожаръ снова разразился со страшной силой въ нѣсколькихъ кварталахъ, довольно удаленныхъ одинъ отъ другого; огонь появился сразу во многихъ мѣстахъ, какъ, напр., на Покровкѣ, расположенной въ сѣверо-восточной части пригорода, на Арбатѣ, который, какъ извѣстно, лежитъ на западѣ, и по всей линіи, ведущей къ Тверской заставѣ, а также на большихъ улицахъ: Никитской, Тверской и Поварской. Долгое время не знали, чему приписать эти зловѣщія вспышки пламени въ самыхъ противоположныхъ пунктахъ. Но въ концѣ концовъ поджигатели, удачно скрывавшіеся въ первое время, были захвачены на мѣстѣ преступленія: видѣли крестьянъ, бросавшихъ въ окна деревянныхъ домовъ зажженную пряжу или горшки съ пылавшими углями. Въ другихъ мѣстахъ низшіе полицейскіе чины поддерживали огонь, подбрасывая въ него куски смолы. Французскіе солдаты бросались на поджигателей съ саблей въ рукахъ, и одни изъ нихъ были убиты на мѣстѣ, остальные же, будучи пойманы, были отведены на постъ, гдѣ тотчасъ же были организованы военныя комиссіи, выносившія послѣ краткаго разслѣдованія, суровые приговоры.

Но этого мало: зажигательные матеріалы разбрасывались даже по воздуху; такъ, напр., какія-то

лица разбрасывали куски пряжи съ высокихъ колоколенъ, а по заявленію стражи ночью былъ виденъ огненный шаръ, спустившійся надъ дворцомъ князя Трубецкого, расположенномъ на Арбатѣ *).

Все это заставляетъ признать ужасную истину: русскіе сами, своими руками подкладывали огонь къ своимъ домамъ; они надѣялись цѣною этой жертвы, единственной въ исторіи, раздавить врага, который повсюду до того времени праздновалъ свой тріумфъ. Но какое отвратительное орудіе избрали они для выполненія такого великаго плана! Это были оборванцы, всякій сбродъ съ нечеловѣческими лицами, жадный до грабежа, пьяные до того, что едва волочили собственныя ноги; имъ сопутствовали женщины, такъ же, какъ и мужчины, исполненныя ярости и такія же пьяныя отъ одурманивающихъ напитковъ. Если вѣрить Домергу, въ рядахъ поджигателей можно было также встрѣтить будочниковъ и даже кое-кого изъ дворянъ, нарядившихся, чтобы остаться незамѣченными среди простолюдиновъ, въ ихъ кафтаны и носившихъ на головѣ съ той же цѣлью грубые длинноволосые парики.

Общій пожаръ Москвы начался въ ночь съ 15-го на 16-ое сентября; огонь вспыхнулъ сразу во многихъ мѣстахъ, преимущественно за центральной городской чертой, въ такъ называемомъ Земляномъ городѣ. Тысячи деревянныхъ домовъ и другихъ построекъ доставили ему тамъ обильную пищу, на ко-

---

*) Всѣ эти сообщенія приходится отнести къ области фантазіи французовъ, встревоженной такъ неожиданно наступившимъ стихійнымъ бѣдствіемъ. Поджогъ Москвы самими русскими остается, конечно, фактомъ, но только врядъ ли для осуществленія пожара имъ приходилось прибѣгать къ такимъ опереточнымъ пріемамъ, о которыхъ повѣствуетъ авторъ.

Прим. перев.

торую онъ и набрасывался съ невѣроятной жадностью. И само небо на этотъ разъ какъ будто стало соучастникомъ гнуснаго плана, осуществляемаго подонками московскаго населенія. Еще въ среду съ 9-ти часовъ утра поднялся сѣверо-восточный вѣтеръ, который скоро началъ бушевать съ такою силой, что всѣ отдѣльные и изолированные очаги пожара слились вскорѣ въ одно огненное море. Это была настоящая буря. По словамъ одного очевидца, « стремительный вихрь то прижималъ пламя почти въ уровень съ землею, то отбрасывалъ его тонкими языками въ стороны, подобно тому, какъ это бываетъ при работѣ съ паяльной трубкой, когда рабочій, напрягаясь изъ всѣхъ силъ, сплавляетъ драгоцѣнные металлы. Въ воздухѣ стоялъ все время страшный трескъ и гулъ, похожій по временамъ на раскаты грома: то трещали и скрипѣли обрушивающіяся зданія, послѣ того какъ огонь ужъ подточилъ ихъ устои, и они готовы были рухнуть.

Подталкиваемое сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, не встрѣчавшимъ на своемъ пути никакихъ преградъ, это огненное море быстро приближалось къ Тверской улицѣ, служившей главнымъ соединительнымъ звеномъ между Кремлемъ и Смоленской и С.-Петербургской заставами. Окруженное густымъ облакомъ чернаго дыма, сквозь которое по временамъ прорывались зловѣщіе языки пламени и озаряли своимъ краснымъ свѣтомъ цѣлые кварталы, это море огня, казалось, готово уже было охватить въ свои объятья и самую крѣпость.

По временамъ дымъ затемнялъ солнечный свѣтъ, и самый дискъ дневного свѣтила казался тусклымъ и кровавымъ. Наполненные водой резервуары и ледники, какъ бы глубоко подъ землей они ни нахо-

дились,—были уничтожены силой огня. На огромномъ пространствѣ земля казалась такой раскаленной, что опасно было прикладывать къ ней руку. Я чувствовалъ, какъ жгло мнѣ ноги сквозь подошвы сапогъ. Желѣзо и мѣдь сплавлялись вмѣстѣ и текли по улицамъ.»

До этого момента вожди французской арміи еще могли поддерживать дисциплину, но при видѣ этихъ безчисленныхъ богатствъ, погибавшихъ въ огнѣ, они не въ силахъ были болѣе удерживать отъ мародерства своихъ солдатъ, смотрѣвшихъ въ данныхъ обстоятельствахъ на грабежъ, какъ на вполнѣ законный поступокъ. И вотъ вскорѣ, къ ужасамъ пожара, примѣшались еще и ужасы грабежа. Что за ужасное зрѣлище! Среди бушующей стихіи, точно сорвавшейся съ цѣпи и охватившей все кругомъ, грабители старались вырывать свою добычу, отстаивая ее съ опасностью для жизни!

Изъ оконъ Кремля или съ расположенной надъ нимъ террасы Наполеонъ могъ постоянно наблюдать подобныя сцены. Его собственное жилище, казалось, вовсе не было застраховано отъ опасности. «Пораженный тѣмъ, что, нанеся ударъ въ самое сердце русской имперіи, онъ вмѣсто покорности и страха встрѣтилъ тамъ другое чувство—пораженный этимъ, говоритъ историкъ Великой арміи, Наполеонъ чувствовалъ себя обманутымъ въ своихъ разсчетахъ».

На моментъ его охватило сильное возбужденіе, вылившееся къ какой-то потребности въ усиленныхъ и порывистыхъ движеніяхъ. Онъ принялся быстро шагать взадъ и впередъ, возвращался, снова садился и снова вскакивалъ. Онъ совершенно не могъ владѣть собой, не отдавалъ себѣ отчета въ своихъ движеніяхъ и тщательно старался скрыть

волненіе, проявлявшееся въ этихъ неожиданныхъ движеніяхъ и жестахъ. Впослѣдствіи часто употреблялось выраженіе, вырвавшееся у него въ тотъ моментъ: «Что за люди! Это настоящіе скифы!»

Вся ширина рѣки Москвы и обѣихъ ея набережныхъ отдѣляла его жилище отъ пожара, и тѣмъ не менѣе окна дворца были страшно накалены. Тщетно многочисленные дворники, разставленные по желѣзнымъ дворцовымъ крышамъ, изнемогали отъ усилій, стараясь сметать искры и цѣлыя головни, перелетавшія по воздуху и падавшія внизъ, подобно огненному дождю; они все-таки не могли помѣшать тучамъ этихъ искръ окружить вскорѣ все дворцовые зданіе облакомъ ѣдкаго дыма. Впрочемъ, не одна только эта опасность угрожала Кремлю. Вѣтеръ неоднократно мѣнялъ свое направленіе, дуя то съ юго-востока, то съ сѣвера-запада; опасность пожара стала скоро грозить Арсеналу, находящемуся въ вершинѣ треугольника, который образуетъ Кремль и расположенному позади дворцовъ, церквей и монастырей.

Еще 16 го сентября въ среду днемъ огонь охватилъ дворцы и башни, прилегающіе къ Арсеналу; даже на самый дворъ этого зданія залетали искры и падали на кучи пакли, употреблявшейся русскими артеллеристами и на амуниціонныя повозки французской артиллеріи.

Наполеонъ, извѣщенный объ этомъ, пожелалъ лично отправиться на мѣсто происшествія. Тамъ, по словамъ г. Домерга, ему указали на одного изъ поджигателей, пойманнаго на мѣстѣ преступленія подъ окнами его дворца. Наполеонъ сталъ самъ его допрашивать. «Мы повинуемся священному приказу», отвѣчалъ русскій фанатикъ. Генералъ Сегюръ, излагающій этотъ фактъ немного иначе, прибавля-

етъ: «Императоръ отвернулся съ досадой и презрѣніемъ на лицѣ; несчастнаго повели на сосѣдній дворъ, гдѣ онъ тотчасъ же былъ пронзенъ штыками разъяренныхъ гренадеръ».

Когда старики артиллеристы увидѣли того, кого они считали своимъ кумиромъ и военнымъ геніемъ, кто былъ постояннымъ властелиномъ ихъ собственной судьбы и одинъ только могъ спасти ихъ самихъ, когда они увидѣли его спокойно расхаживающимъ, не взирая на угрожавшую опасность пожара, который ежеминутно могъ возникнуть отъ какой-нибудь случайной искры, упавшей среди 400 зарядныхъ ящиковъ, имъ стало измѣнять обычное спокойствіе, не покидавшее ихъ даже въ огнѣ самыхъ жестокихъ канонадъ; они теряли голову и только усиливали опасность своей суетливой дѣятельностью, вмѣсто того чтобы ее предохранить. Сами офицеры стали высказывать свои опасенія; храбрый ветеранъ, маіоръ артиллерійской гвардіи Рибуазье, еще недавно потерявшій сына на полѣ битвы на берегу рѣки Москвы, дрожалъ при мысли о несчастьи, которое можетъ поразить всю великую армію. Онъ умолялъ Наполеона уйти подальше отъ потока слѣпой и разъяренной стихіи, говоря, что его присутствіе среди пороха и пакли лишь смущаетъ солдатъ и дѣлаетъ ихъ неспособными исполнять свои обязанности.

Наполеонъ въ волненіи уступилъ этой просьбѣ и вернулся къ себѣ во дворецъ. Но оттуда онъ продолжалъ смотрѣть на пожаръ, будучи не въ силахъ оторвать свой взоръ отъ огненныхъ волнъ, которыя все приближались, преодолѣвая всѣ препятствія, пожирая всѣ средства къ существованію и спасенію арміи и обращая все въ груду развалинъ и пепла. Передъ нимъ разсыпалась въ прахъ та точка опоры,

на которую онъ такъ разсчитывалъ, надѣясь при ея помощи выйти изъ затруднительнаго положенія, созданнаго несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, которыя, казалось, готовы его покарать за его ненасытное честолюбіе.

Тогда къ нему поспѣшили Неаполитанскій король и принцъ Евгеній, настаивая на томъ же, чего добивались Рибуазье, Бессіеръ, Лефебръ и даже самъ Бертье, а именно, чтобы онъ немедленно покинулъ дворецъ и вернулся къ заставѣ. Ихъ настойчивыя просьбы были очень энергичны, и они подкрѣпляли ихъ мольбой на колѣняхъ. Они доказывали Наполеону, что онъ не долженъ терять ни минуты времени, если только дорожитъ собственной жизнью, а тѣмъ болѣе, если ему дорого спасеніе арміи. Стихія не ждетъ, говорили они: еще моментъ — и отступленіе будетъ совершенно отрѣзано, нельзя будетъ пробраться ни въ Кремль, ни къ части арміи, расположившейся у западныхъ заставъ.

Наполеонъ въ концѣ концовъ долженъ былъ уступить этимъ настоятельнымъ доводамъ и просьбамъ. Чтобы выйти изъ пламеннаго круга, уже готоваго окончательно замкнуться, пришлось воспользоваться услугами одного изъ поджигателей, котораго, подъ угрозой смерти, заставили указывать дорогу. Описаніе этого рискованнаго путешествія мы заимствуемъ у Сегюра, хотя поэтическій вымыселъ этого автора не всегда уживается съ доводами холоднаго разсудка.

«Нашли, говоритъ г. Сегюръ, въ одной изъ стѣнъ подземный ходъ, выходившій къ рѣкѣ Москвѣ. Императоръ быстро сошелъ по ступенямъ Сѣверной лѣстницы, извѣстной по воспоминаніямъ о рѣзнѣ стрѣльцовъ, и приказалъ провести себя за городъ, на С.-Петербургскую дорогу, гдѣ, въ раз-

стояніи одной мили отъ города, былъ расположенъ Императорскій Петровскій дворецъ».

У подножія лѣстницы его ожидали осѣдланныя уже лошади. Въ сопровожденіи всей своей свиты Наполеонъ направился къ Тверской улицѣ, которая начиналась за Красной площадью, отдѣлявшей Кремль отъ Китай-города. Здѣсь же у воротъ пріютилась часовня, о которой мы упоминали выше, съ чудотворнымъ образомъ, постоянно привлекавшимъ толпы народа. Пламя со всѣхъ сторонъ угрожало императорскому кортежу, которому буквально приходилось пройти по горящимъ углямъ. Требовалась крайняя быстрота и осторожность, чтобы не стать жертвой разъяренной стихіи, чтобы не задохнуться отъ дыма или не быть раздавленнымъ желѣзными листами и балками, отрывавшимися отъ крышъ и безпрерывно падавшими въ видѣ огненнаго дождя на мостовую; ежеминутно тысячи искръ и углей готовы были воспламенить платье, и всякая малѣйшая остановка грозила смертельной опасностью. Къ довершенію несчастья проводники, принужденные обходить многія опасныя мѣста кругомъ, дабы избѣжать мѣстъ, представлявшихъ сплошное море огня, стали колебаться и готовы были заблудиться среди непривычной обстановки, не узнавая дороги.

При такихъ обстоятельствахъ самому Наполеону и всей его свитѣ угрожала неминуемая гибель, если бы они случайно не повстрѣчались съ мародерами изъ перваго корпуса, цѣлая шайка которыхъ остановилась у пожарища, привлеченная жаждой добычи. По зову своего начальника солдаты-мародеры явились на помощь Наполеону и провели его по дымящимся развалинамъ квартала, еще съ утра обращеннаго въ пепелище. Дорогу все время прихо-

дилось выбирать изгибами, обходить цѣлые кварталы, такъ что только къ 6 часамъ вечера Наполеону удалось пробраться къ Петровскому дворцу. Лишь на бивуакѣ четвертаго пѣхотнаго корпуса, всѣ дивизіи котораго были выведены за городъ и расположены за Смоленской заставой (какъ впрочемъ и всѣ сосѣдніе отряды), Наполеонъ могъ, наконецъ, вздохнуть свободно. Вслѣдъ за императоромъ на этотъ же бивуакъ прибыли сотни несчастныхъ французовъ, жителей Москвы, потерявшихъ теперь тамъ свое послѣднее пристанище. Русскіе погорѣльцы также пытались искать убѣжища въ сосѣднемъ лѣсу, располагаясь почти рядомъ съ палатками непріятеля, котораго они въ душѣ, конечно, проклинали, какъ виновника всѣхъ золъ и несчастій, но къ которому имъ все же приходилось теперь въ своемъ страшномъ отчаяніи обращаться за помощью, чтобы не погибнуть окончательно.

Всеобщій пожаръ Москвы продолжался съ прежней силой еще въ четвергъ и въ пятницу (17-го и 18-го сентября). Кремль, однако, удалось отстоять, благодаря беззавѣтнымъ усиліямъ гвардіи, которую Наполеонъ оставилъ тамъ спеціально для борьбы съ пожаромъ, въ то время, какъ всѣ остальныя войска были выведены за городскую черту. Внѣ же крѣпости отъ пожара сильно пострадали почти всѣ части города. Деревянныхъ построекъ почти не осталось вовсе.

«Въ концѣ концовъ, разсказываетъ одинъ изъ очевидцевъ-французовъ, во многихъ кварталахъ осталось такъ мало слѣдовъ отъ прежнихъ домовъ, что съ трудомъ можно было распознавать улицы. Повсюду попадались полуобоженные человѣческіе трупы; среди развалинъ валялись въ изобиліи обуглившіеся скелеты лошадей, коровъ и собакъ.»

Лишь нѣсколько большихъ каменныхъ громадъ, какъ, напр., дворцы Пашкова. Салтыковыхъ, Шереметьева, Гагарина, Демидова, Голицына, Куракина да рядъ такихъ же каменныхъ строеній въ недавно отстроенныхъ улицахъ—вотъ и все, что могло противостоять этому адскому огню и должно было впослѣдствіи служить молчаливымъ памятникомъ старой Москвы передъ лицомъ грядущихъ поколѣній. Но при этомъ, какъ впрочемъ это часто случается, приходится удивляться игрѣ слѣпого случая.

Дворецъ графа Ростопчина, что на Лубянкѣ, расположенный почти рядомъ съ католической церковью св. Людовика, былъ пощаженъ пожаромъ, и его библіотека, по увѣренію графа І. де-Местра, не лишилась ни одной книги. «Это вполнѣ понятно,» говоритъ не безъ задней мысли по поводу этого факта только что упомянутый авторъ: «кварталъ, который, казалось бы, долженъ былъ пострадать сильнѣе другихъ, остался почти невредимымъ. Пламя, дѣйствительно, пощадило часть города, населенную иностранцами, и между прочими строеніями, уцѣлѣвшими въ этомъ районѣ, возвышалась деревянная французская церковь.»

«Ея настоятель,» прибавляетъ тотъ же авторъ, «извѣстный своимъ образомъ жизни, высотой религіозныхъ принциповъ и рѣдкою терпимостью, отказался подумать о своей собственной безопасности и не покинулъ города, онъ предпочелъ остаться среди своихъ прихожанъ, раздѣляя съ неимущими свои запасы и разнося повсюду всѣмъ несчастнымъ утѣшенія религіи. Этотъ почтенный пасторъ палъ впослѣдствіи жертвой своихъ неусыпныхъ заботъ, которыми онъ окружалъ въ больницахъ больныхъ всѣхъ націй.»

Впрочемъ, замѣтимъ мимоходомъ, всѣ государ-

ства, равно какъ и всѣ культы, имѣли своихъ достойныхъ церковнослужителей, дѣлавшихъ честь той религіи послѣдователями которой они являлись. Если Италія справедливо гордится своимъ св. Карломъ Баромме, если Франція не безъ основанія кичится св. Винцентомъ и др., то и Россія имѣла такихъ представителей церкви, какъ патріархъ Гермогенъ, мученикъ патріотизма, какъ Амвросій, архіепископъ московскій, павшій жертвой милосердія, или, наконецъ, какъ митрополитъ Филаретъ.

Коснувшись выше дѣятельности настоятеля церкви св. Людовика, мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь со словъ того же графа І. де-Местра разсказъ объ одномъ русскомъ священникѣ, который также отказался уйти изъ Москвы вмѣстѣ съ остальнымъ населеніемъ въ минуту всеобщаго смятенія. Прежде, однако, чѣмъ рѣшиться возобновить службу въ церкви, онъ обратился къ своему коллегѣ, католику и французу, аббату Сюрругу; послѣдній убѣдилъ его получить разрѣшеніе у новыхъ представителей власти. Онъ исполнилъ это и могъ потомъ свободно возносить свои молитвы за государя. Въ день рожденія Александра I, посреди дыма и пламени, онъ все-таки нашелъ мужество отслужить положенный молебенъ.

Что касается больницъ и военныхъ госпиталей, къ которымъ мы должны теперь вернуться, то необходимо сказать, что они многимъ обязаны дѣятельности духовенства. Московскіе госпитали были страшно загромождены, и однимъ изъ самыхъ мучительныхъ и трагическихъ воспоминаній этой ужасной московской катастрофы является мучительная агонія русскихъ раненыхъ, доставленныхъ въ Москву съ Бородинскаго поля сраженія и сваленныхъ въ кучу въ разныхъ военныхъ учрежденіяхъ, въ

особенности въ новомъ военномъ госпиталѣ, расположенномъ вблизи Слободскаго Императорскаго дворца и Лѣтняго сада.

«Изъ всѣхъ зрѣлищъ, связанныхъ съ Московскимъ пожаромъ самымъ страшнымъ и потрясающимъ былъ пожаръ русскихъ госпиталей, справедливо говоритъ маркизъ де-Шамбре. Тамъ оставались только серьезно больные и тяжело раненные; всѣ же, кто только былъ въ состояніи держаться на ногахъ, бѣжали при приближеніи французской арміи къ столицѣ.» Когда пожаръ охватилъ зданіе, гдѣ продолжали лежать въ повалку эти несчастные, покинутые всѣми, отчаяніе овладѣло ими. Тѣ, что могли подняться со своего ложа, пробовали спускаться съ лѣстницъ или же прямо выбрасывались изъ оконъ, чтобы только избѣжать вѣрной смерти въ дыму и огнѣ. Но спастись имъ все-таки не удалось, такъ какъ смерть подстерегала ихъ въ другомъ мѣстѣ. Огромное же число больныхъ, которымъ силы окончательно измѣнили, остались прикованными къ своимъ скорбнымъ койкамъ и, задыхаясь въ дыму, испускали отчаянные вопли, терявшіеся въ пустынномъ пространствѣ. Тысячи ихъ погибли такимъ образомъ, послѣ жестокихъ, неописуемыхъ мученій.

Общее число погибшихъ въ этомъ госпиталѣ, по словамъ маркиза де Шамбре, доходило до 10.000; г. Домергъ также называетъ эту цифру, въ то время какъ г. Тьеръ насчитываетъ до 15.000 этихъ несчастныхъ жертвъ; но за то съ другой стороны, одинъ изъ очевидцевъ московскаго пожара, на свидѣтельство котораго мы уже неоднократно ссылались и раньше, наоборотъ, понижаетъ цифру погибшихъ во время пожара госпиталя до 7.000 человѣкъ, прибавляя при этомъ: «Видъ этого печальнаго зрѣ-

лища произвелъ на меня такое сильное впечатлѣніе, что оно не изгладиться изъ моей памяти до самой могилы». Непредусмотрительность и небрежность русской администраціи дѣйствительно была чудовищна.

Вотъ, что говорилъ впослѣдствіи между прочимъ самъ Ростопчинъ по поводу этихъ раненыхъ. «Отъ 16 до 17 тысячъ ихъ были отправлены на 4.000 телѣгахъ наканунѣ занятія Москвы непріятелемъ въ Коломну, откуда ихъ должны были въ закрытыхъ баржахъ переправить въ Рязанскую губ., гдѣ для нихъ были устроены госпитали. 2.000 раненыхъ были оставлены въ Москвѣ».

Такимъ образомъ, даже по словамъ самого Ростопчина, въ военномъ госпиталѣ нашли свою смерть 2.000 несчастныхъ, которымъ суждено было умереть въ невыразимыхъ мукахъ, испуская проклятія по адресу тѣхъ, чьей невинной жертвой они являлись.

Дни 15-го, 16-го, 17-го и 18-го сентября останутся навсегда отмѣченными въ исторіи зловѣщимъ отблескомъ этой адской гектокомбы.

Четыре дня продолжалось разрушеніе огромной столицы; словно сорвавшаяся съ цѣпей стихія одна царила на всемъ огромномъ пространствѣ, осуждая на бездѣйствіе всю могущественную армію, которая должна была оставаться лишь печальной зрительницей этого опустошенія.

Увы! эта стихія на глазахъ французской арміи пожирала плоды всѣхъ ея нечеловѣческихъ усилій, всѣ ея надежды на будущее, пожирала въ тотъ моментъ, когда всѣмъ казалось что они достигли, наконецъ, желанной цѣли.

Въ субботу, 19-го сентября, когда бушевавшій до той поры вѣтеръ, наконецъ, улегся, и его смѣнилъ довольно сильный ливень, огонь, и безъ того

уже значительно ослабѣвавшій въ своей напряженности, такъ какъ у него почти не оставалось новой пищи, благодаря дождю, совершенно потухъ во многихъ кварталахъ.

Какъ утверждаетъ Тьеръ, именно въ этотъ день, а не 20 сентября, какъ полагали генералъ Сегюръ, одинъ нѣмецкій офицеръ-очевидецъ, а также генералъ Вольцогенъ, не присутствовавшій лично при пожарѣ, но находившійся въ то время въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Москвы, точно также не 21 числа, какъ думаетъ Домергъ, и не 18, какъ увѣряетъ ген. Богдановичъ, но именно 19-го сентября французскій императоръ возвратился въ Кремль, оставшійся нетронутымъ среди всеобщаго опустошенія, гдѣ долженъ былъ онъ пробыть еще до 19 октября, цѣлый мѣсяцъ, 32 долгихъ дня!

Уже и первое его появленіе въ Кремлевской крѣпости не было такимъ торжественнымъ, какъ это было въ Вѣнѣ, Берлинѣ и другихъ столицахъ міра; при вторичномъ же возвращеніи туда, Наполеонъ не въ силахъ былъ отдѣлаться отъ приступа глубокой грусти, когда его мысль невольно останавливалась на будущемъ, томъ близкомъ будущемъ, которое ему готовила уже московская катастрофа. Онъ уже тогда предвидѣлъ, что, несмотря на всю очевидность московскаго пожара, человѣческое легковѣріе сдѣлаетъ его самого отвѣтственнымъ за это событіе.

Что теперь предпринять? на чемъ остановиться? думалъ въ это время великій полководецъ. Но онъ къ счастью быстро овладѣлъ собой; вѣдь геніальный человѣкъ рѣдко когда оказывается безпомощнымъ!

Приближаясь къ Кремлю, Наполеонъ замѣтилъ по дорогѣ обширное зданіе, очень массивно по-

строенное; оно было увѣнчано огромнымъ куполомъ, къ которому съ боку примыкали два другихъ, поменьше. Императоръ спросилъ, что это за учрежденіе. Ему отвѣтили, что это Воспитательный домъ, расположенный въ восточной части Китай-города, внизъ по теченію Москвы-рѣки. Это пользовавшееся извѣстностью убѣжище было основано еще императрицей Екатериной II, а впослѣдствіи оно стало предметомъ неутомимой дѣятельности и самыхъ нѣжныхъ заботъ со стороны вдовствовавшей императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая съ рѣдкой отзывчивостью всегда спѣшила удовлетворять всѣ нужды своихъ крошекъ-пріемышей, которыхъ безжалостная судьба обрекла бы на вѣрную смерть и несчастія, если бы императрица не простерла надъ ними своей материнской руки.

Этотъ воспитательный домъ вмѣстѣ со своими загородными отдѣленіями давалъ пріютъ и кровъ свыше 20.000 младенцевъ. Всѣ болѣе взрослые изъ нихъ были удалены изъ него и разосланы по окрестностямъ при оставленіи Москвы, но дѣти младшаго возраста въ числѣ нѣсколькихъ сотъ оставались въ немъ, и имъ, дѣйствительно, не приходилось совершенно опасаться наступавшаго врага, такъ какъ французскіе солдаты повсюду проявляли свою человѣчность. Но эти же дѣти были оставлены,—какая ужасная мысль!—были даже обречены, вмѣстѣ съ остальнымъ городомъ въ жертву всепоглощающему пламени. Вотъ до какихъ предѣловъ доходило нерадѣніе и безчеловѣчность человѣка, мечтавшаго сдѣлать пожаръ орудіемъ своего патріотизма и своей ненависти къ врагу.

Къ счастью для самихъ себя, эти невинныя жертвы нашли себѣ отца въ лицѣ директора, тайнаго совѣтника Тутомлина; этотъ старикъ, убѣленный уже сѣдиной, былъ призванъ императрицей стать

сотрудникомъ ея добраго дѣла въ то время, когда сама государыня была безсильна оказать какую-либо помощь своимъ питомцамъ. Благодаря разумнымъ мѣрамъ, своевременно принятымъ Тутомлинымъ, ему удалось не только уберечь ввѣренный ему Воспитательный домъ отъ пожара, но и превратить его въ пріютъ, гдѣ нашли временное убѣжище около тысячи несчастныхъ раненыхъ, покинутыхъ Ростопчинымъ въ Москвѣ.

Къ описываемому времени всѣ съѣстные запасы этого учрежденія были уже истощены, и наступала страшная нужда.

Наполеонъ, поспѣшившій еще раньше командировать туда отрядъ спасательной гвардіи, теперь пожелалъ лично осмотрѣть этотъ пріютъ и направился туда, спустя нѣсколько часовъ послѣ своего возвращенія въ Кремль.

Тутомлинъ встрѣтилъ его съ почетомъ, какой подобалъ тому въ качествѣ императора; зрѣлище, представшее предъ глазами гордаго побѣдителя, тронуло его до глубины души... Онъ высказалъ Тутомлину свое неудовольствіе по адресу всѣхъ русскихъ вообще, въ особенности же по адресу Ростопчина, котораго онъ называлъ новымъ Геростратомъ и даже негодяемъ (въ своихъ бюллетеняхъ, изданныхъ еще въ Москвѣ).

«Пусть бы онъ жегъ столицу, можно было бы еще сказать, что это дѣло рукъ сумасшедшаго, но, заранѣе обдумавъ этотъ планъ, все-таки покинуть несчастныхъ раненыхъ и невинныхъ сиротъ—это актъ возмутительной жестокости! Что сталось бы со всѣми ими, если бы мы были такими же варварами, какъ онъ?»

Наполеонъ обѣщалъ взять всѣхъ питомцевъ пріюта подъ свое покровительство и, дѣйствительно, сдержалъ слово. Онъ пожелалъ также сдѣлать что-

нибудь пріятное почтенному старцу, директору этого учрежденія. Но Тутомлинъ отклонилъ заботливость Наполеона о немъ самомъ и попросилъ императора лишь о разрѣшеніи извѣстить августѣйшую покровительницу малютокъ о томъ, что они спасены, и что опустошеніе, произведенное пожаромъ во всѣхъ сосѣднихъ кварталахъ, пощадило зданіе пріюта.

Французскій императоръ не только изъявилъ готовность исполнить эту просьбу, но просилъ также передать русскому государю его собственныя увѣренія въ почтеніи и его искреннее желаніе поскорѣе закончить эту губительную войну. Со стороны побѣдителя это была первая попытка завязать переговоры; вторая же послѣдовала нѣсколько дней спустя, какъ мы увидимъ ниже. Вотъ каковы были послѣднія слова, сказанныя Наполеономъ во время этого трогательнаго визита, какъ ихъ приводитъ генералъ Богдановичъ: «Напишите вашему государю, что я желаю мира. Я сдѣлаю распоряженіе, чтобы ваше письмо пропустили черезъ аванпосты.»

Французскіе госпитали были вскорѣ размѣщены въ уцѣлѣвшихъ зданіяхъ; русскіе раненые были также приняты туда и съ ними обращались вполнѣ гуманно; была также послана помощь и хирурги къ русскимъ раненымъ изъ военнаго госпиталя.

Вскорѣ затѣмъ герцогъ Тревизскій былъ назначенъ на постъ московскаго губернатора, а генералъ графъ Дюроснель на должность коменданта арміи. Интенданту генералу Денье было поручено приготовить для арміи необходимыя ей средства къ существованію, оберегая отъ пожара и грабежа всѣ съѣстные припасы, которые еще сохранились въ домахъ. Былъ также учрежденъ муниципалитетъ, составленный изъ представителей разныхъ націо-

нальностей; на него была возложена, главнымъ образомъ, обязанность оказывать поддержку уцѣлѣвшимъ жителямъ столицы и облегчать участь несчастныхъ жертвъ пожара, оставшихся безъ крова и безъ всякихъ средствъ. Въ составъ этого муниципалитета вошли какъ русскіе, такъ и французы, нѣмцы, итальянцы и др.

Наконецъ, была организована городская полиція со всѣми ея развѣтвленіями и ввѣрена опытному и бдительному Лессепсу, человѣку вполнѣ честному и порядочному, который передъ этой войной занималъ постъ французскаго генеральнаго консула въ С.-Петербургѣ, а потомъ былъ отозванъ Наполеономъ и впродолженіи нѣкотораго времени находился при его главной квартирѣ. Лессепсу былъ данъ титулъ интенданта Московской провинціи. Онъ зналъ довольно хорошо русскій языкъ и переводилъ на него всѣ прокламаціи Наполеона и генерала Дюронеля, обращенныя къ московскимъ жителямъ, возвращавшимся на дымящіяся развалины своихъ жилищъ.

Въ воскресенье, 20-го сентября, говоритъ одинъ изъ свидѣтелей-очевидцевъ, пожаръ еще продолжался въ отдѣльныхъ районахъ, но уже не приходилось болѣе опасаться распространенія огня, и общій видъ его не былъ такъ ужасенъ.

Повѣрятъ ли? сплошь и рядомъ тогда случалось, что «крѣпостные слуги принимались поджигать дома своихъ собственныхъ господъ, чтобы вслѣдъ затѣмъ ограбить ихъ съ большей безнаказанностью. Отдѣльные пожары не прекращались вплоть до того дня, когда, наконецъ, французы покинули Москву, и пламя ихъ еще освѣщало это ночное отступленіе.»

Вслѣдъ за сезономъ пожаровъ, начался сезонъ

грабежей, которые справедливо называютъ постыдной примѣсью къ славѣ. Какъ мы уже видѣли раньше, цѣлыя банды русскихъ преступниковъ и крестьянъ подавали заразительный примѣръ расхищенія чужого достоянія, и французскіе солдаты охотно имъ подражали въ этомъ, находя въ грабежѣ исходъ своему бѣшенству, въ которое приводило ихъ сознаніе, что они обмануты въ своихъ ожиданіяхъ.

Въ исторіи генерала Сегюра можно найти картины страшныхъ эксцессовъ этого рода. Можно было бы еще найти нѣкоторое оправданіе имъ въ общихъ условіяхъ того времени и въ желаніи удержать за собой добычу, если бы этому не препятствовали соображенія военной дисциплины, такъ какъ всякій грабежъ неизбѣжно деморализуетъ армію.

«Среди неисчислимыхъ богатствъ, которыя никому не принадлежали, говоритъ упомянутый генералъ-академикъ, и должны были стать достояніемъ огня или же погибнуть среди развалинъ, создавалось такого рода положеніе, что терялась всякая граница между дозволеннымъ и запрещеннымъ, и нельзя было строго придерживаться никакой системы.» Не вдаваясь здѣсь въ детали, мы ограничимся воспроизведеніемъ нѣсколькихъ оффиціальныхъ данныхъ по этому поводу.

Дневной приказъ императора отъ 20-го сентября предписывалъ начальникамъ всѣхъ батальоновъ разослать повсюду патрули изъ пятнадцати солдатъ подъ командой офицера, чтобы «помѣшать возникновенію безпорядковъ и задерживать мародеровъ.»

Въ другомъ же приказѣ, изданномъ на слѣдующій день, мы читаемъ: «Императоръ съ негодованіемъ обращаетъ вниманіе на то, что, вопреки его

формальному приказу положить конецъ грабежу, мародеры толпами входятъ въ Кремль, нагруженные своей добычей. Ввиду этого господамъ генераламъ и начальникамъ отрядовъ предписывается настоятельно слѣдить за выполненіемъ приказаній его величества.»

Въ третьемъ приказѣ, отъ 29-го сентября, французскій императоръ указывалъ, между прочимъ, на другіе случаи проявленія войсками дурного поведенія. «Вчера вечеромъ, впродолженіи ночи и сегодня днемъ, заявляетъ онъ въ негодующемъ тонѣ, солдаты моей гвардіи снова предались грабежу, какъ никогда еще до этого времени.»

Эти документы должны помочь намъ объяснить то огорченіе, которое высказываетъ по этому поводу одинъ изъ свидѣтелей-очевидецъ разложенія арміи. «Жители Москвы, говоритъ онъ, убѣдились, наконецъ, въ прекращеніи пожара, но ихъ несчастья отъ этого нисколько не уменьшились. Блуждая вмѣстѣ съ солдатами посреди развалинъ и обломковъ, они выжидали у дымившихся отдушинъ, пока остынутъ погреба, чтобы можно было приняться за поиски съѣстныхъ припасовъ, которые еще пощадилъ огонь. Ихъ блѣдныя и изможденныя лица, ихъ слабость и медленная походка—все свидѣтельствовало о той крайней нуждѣ, въ которой они находились. Они отыскивали среди пепла полуобугливіяся зерна, полусгорѣвшую муку. Вспомнивъ, что съ барокъ топили въ Москвѣ-рѣкѣ мѣшки съ хлѣбомъ, нѣкоторые изъ нихъ рѣшались лѣзть въ воду и, дѣйствительно, вытаскивали оттуда зерна ржи и пшеницы, но послѣднія уже успѣли подвергнуться въ водѣ процессу броженія и имѣли такой отталкивающій запахъ, что рѣдко кто рѣшался употребить ихъ въ пищу.»

Такимъ образомъ, народъ и солдаты оспаривали другъ у друга и растаскивали огромные запасы провизіи, спрятанные подъ обломками сгорѣвшихъ зданій, а равно и въ тѣхъ домахъ, которые были пощажены пожаромъ. Этой провизіи было еще вполнѣ достаточно, чтобы въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ прокормить всю армію, если бы въ ея распоряженіи были кромѣ того запасы свѣжей говядины, овощей и фуража для лошадей.

Но одинъ безпорядокъ всегда влечетъ за собой другой, и часто трудно было поэтому избѣжать стычекъ между отрядами грабителей, въ особенности, если они встрѣчались во время поисковъ добычи. Вмѣстѣ же съ провизіей грабители часто находили и цѣнныя вещи, дорогіе мѣха, серебро, значительныя денежныя цѣнности въ монетѣ или въ банковскихъ ассигнаціяхъ; довольно трудно было заставить ихъ отказаться отъ подобныхъ поисковъ, которые могли, какъ они сами думали, обогатить ихъ на всю послѣдующую жизнь.

Пробуя внести хотя бы нѣкоторый порядокъ въ этотъ безпорядокъ, который его сильно огорчалъ и въ то же время портилъ его армію, Наполеонъ пытался при помощи суровыхъ мѣръ положить по крайней мѣрѣ конецъ индивидуальному грабежу и вздумалъ замѣнить его совмѣстными поисками добычи при помощи цѣлыхъ отрядовъ и полковъ, съ тѣмъ, чтобы все найденное поступало не въ пользу каждаго изъ участниковъ, но служило на пользу всѣмъ и отдавалось бы на сохраненіе въ склады, устроенные въ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ домахъ. Такимъ способомъ были собраны огромныя количества хлѣба, соленаго мяса, вина и спирта, сахара, кофе, чая и т. п.

Да будетъ намъ позволено здѣсь остановиться

на моментъ на одной детали нравовъ, скорѣе смѣшной, чѣмъ серьезной, о которой упоминаетъ одинъ изъ свидѣтелей-очевидцевъ.

«Грабители, говоритъ онъ, съ ненасытной жадностью набрасывались на золото, серебро, драгоцѣнные камни и другія цѣнныя вещи лишь послѣ того какъ удовлетворяли свою потребность въ пищѣ и платьѣ. Затѣмъ, изъ пищи они предпочитали всякаго рода лакомства. Пока голодъ не былъ утоленъ, они ограничивались поисками французскихъ винъ: испанскія и португальскія были для нихъ слишкомъ крѣпкими, а донскія и молдавскія вина—или слишкомъ слабы или слишкомъ кислы». Французы, кромѣ того, совершенно не могли выносить соленой говядины, они оставляли нетронутой икру и сушеную рыбу, въ изобилін доставляемую въ Москву съ Волги и Каспійскаго моря.

Этотъ способъ грабежа въ видѣ упорядоченныхъ набѣговъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ узаконеннымъ безпорядкомъ, но онъ однако не упразднилъ совершенно индивидуальнаго грабежа и не исключалъ возможности цѣнныхъ находокъ, которыя въ такомъ случаѣ оставались въ исключительномъ обладаніи отдѣльныхъ счастливцевъ.

Къ несчастью, этотъ способъ не прекратилъ также и разнаго рода эксцессовъ, какъ со стороны войска, такъ и со стороны жителей, возвращавшихся къ своимъ очагамъ. Французскіе жители не отрицаютъ фактовъ подобнаго рода, а писатели-иностранцы стараются даже ихъ подчеркивать, какъ будто у нихъ самихъ никогда не случалось ничего подобнаго, и какъ будто союзники французовъ — нѣмцы не принимали въ этихъ грабежахъ участія и притомъ самаго дѣятельнаго.

По этому поводу одинъ изъ свидѣтелей-очевид-

цевъ Московскаго пожара, уже упоминавшійся нами германскій офицеръ, состоявшій въ то время на русской службѣ, обнаруживаетъ рѣдкое безпристрастіе и откровенность. Сперва онъ старается обрисовать все значеніе этого зла для арміи и говоритъ по этому поводу: «Все, чего можно было добиться въ то время, чтобы помѣшать увеличенію безпорядка, сводилось къ повиновенію солдатъ своимъ офицерамъ въ часы отбыванія службы, въ остальное же время они не желали знать никакихъ приказаній начальства. Въ общемъ, французская армія впродолженіи всей компаніи постепенно ослабѣвала отъ мародерства, болѣзней, дезертирства и естественной убыли во время сраженій. Многіе полки ея насчитывали всего лишь отъ 200 до 300 человѣкъ. Въ особенности пострадалъ отъ всѣхъ этихъ причинъ Вюртембергскій корпусъ, составъ котораго въ концѣ концовъ былъ сведенъ всего къ 6.000 солдатъ, способныхъ носить оружіе. Ненависть нѣмецкихъ солдатъ къ французамъ была необычайна: они не соглашались исполнять ни одного приказанія, если послѣднее исходило отъ французскаго генерала».

Затѣмъ, переходя къ тому, что впослѣдствіи получило наименованіе у п о р я д о ч е н н а г о г р а б е ж а, тотъ же авторъ съ рѣдкимъ прямодушіемъ описываетъ участіе въ немъ представителей каждой народности, и французскіе солдаты, по его словамъ, должны въ этомъ отношеніи быть поставлены отнюдь не на первомъ мѣстѣ.

Я считаю своимъ долгомъ, говоритъ онъ, во всеуслышаніе заявить, что среди всѣхъ народовъ, входившихъ въ составъ вторгшейся въ предѣлы Россіи арміи, французы выказали себя наименѣе другихъ приверженными къ грабежу. Это признаніе заставляетъ меня сдѣлать одно только чувство

справедливости, ибо еще со временъ семилѣтней войны я впиталъ въ себя съ молокомъ матери чувство ненависти къ французамъ и никогда съ тѣхъ поръ не могъ ихъ терпѣть. Они одни не похищали ничего за исключеніемъ того, что необходимо было для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей; они не льстились, въ общемъ, ни на золото, ни на серебро, не присваивали себѣ ни драгоцѣнностей, ни часовъ, если только къ этому не принуждала горькая нужда. Но того же самаго я не могу сказать ни о баварцахъ, ни о полякахъ, которые не оставляли послѣ себя ничего, присваивая даже сравнительно малоцѣнныя вещи и предавая разрушенію все остальное. Вюртембержцы могли бы даже поспорить съ предыдущими націями проявленіемъ своихъ отрицательныхъ добродѣтелей. Это они напали на мысль откапывать трупы умершихъ; творя зло изъ одной лишь любви къ злу, эти люди предпочитали разрушить все, что они не могли унести съ собой, или, что, по ихъ мнѣнію, не могло въ данную минуту найти сбыта». Эти обвиненія нѣмецкихъ солдатъ, исходящія отъ нѣмца же, могли бы насъ удивить, если бы наши собственныя воспоминанія дѣтства не подтверждали его справедливости. Нашъ Эльзасъ *) еще до сихъ поръ не забылъ поведенія въ 1814 и 1815 г.г. своихъ ближайшихъ сосѣдей. Мы въ то время вовсе не были для нихъ непримиримыми врагами, и все-таки ихъ требованія были безконечны, ихъ насиліе не знало мѣры, а ихъ мародерство казалось безпрерывнымъ.

«Печальные эксцессы мародерства, говоритъ

---

*) Подобное выраженіе французскаго автора объясняется тѣмъ, что онъ писалъ еще до потери Франціей этой провинціи въ 1871 году.

Прим. перев.

тотъ же авторъ, продолжались въ теченіе трехъ недѣль. Нѣкоторые дома были ограблены по три и даже по четыре раза. Банды жалкихъ грабителей, покрытыхъ лохмотьями (въ данномъ случаѣ это не были солдаты), утаскивали съ собой все до послѣдняго лоскута. Каждый изъ жителей, кто не имѣлъ счастья или возможности получить для охраны своего имущества военный отрядъ, рисковалъ лишиться всего до послѣдней рубашки и пары носковъ, такъ какъ повсюду чувствовался недостатокъ въ предметахъ крайней необходимости». Повторивъ еще разъ приведенные уже нами похвальные отзывы по адресу солдатъ-французовъ, которыхъ къ тому же онъ терпѣть не могъ, нашъ нѣмецкій писатель попутно заявляетъ слѣдующее: «Французы никогда не совершали безцѣльныхъ опустошеній. Ихъ учтивость часто бросалась въ глаза даже посреди оргій мародерства и выдѣлялась на общемъ фонѣ разнузданности какимъ-то страннымъ контрастомъ.» Авторъ приводитъ далѣе цѣлый рядъ примѣровъ, иллюстрирующихъ это утвержденіе, изъ которыхъ мы остановимся лишь на наиболѣе яркомъ, чтобы не утомлять вниманія читателя: «Воздавая истинѣ должную дань, говоритъ авторъ, я обязанъ заявить, что никто не могъ упрекнуть ни генераловъ, ни маршаловъ, ни самого Наполеона въ томъ, что кто-нибудь изъ нихъ присвоилъ хотя-бы малѣйшую крупицу для себя лично».

Мы могли бы на этомъ закончить наши цитаты, но намъ необходимо отмѣтить еще одно особенно важное обстоятельство, подтверждающее то, что мы говорили уже выше по поводу той роли, какую сыграли въ Московской катастрофѣ чернь, крѣпостные и такъ называемые «дворовые». Вотъ это мѣсто:

«Люди изъ простонародья за небольшое вознагражденіе охотно открывали потайные склады своихъ господъ и указывали мѣста, въ которыхъ священники зарыли священные сосуды. За серебряный рубль можно было такимъ способомъ пріобрѣсти предметы значительной цѣнности. Сказать ли? Даже русскіе изъ высшаго круга, не краснѣя, присоединялись къ грабителямъ. Пусть же они по крайней мѣрѣ чувствуютъ признательность къ человѣку, который могъ бы легко пригвоздить ихъ къ позорному столбу, раскрывъ ихъ имена!»

Вотъ каково было состояніе общества въ тѣ времена, не такъ ужъ удаленныя отъ насъ!

Послѣ только что приведенныхъ свидѣтельскихъ показаній насъ не должно удивлять то обстоятельство, что сами русскіе не особенно энергично защищались отъ бросаемыхъ по ихъ адресу упрековъ.

Показанія же самого графа Ростопчина, который своимъ молчаніемъ, равно какъ и своими словами, запирательствами и полунамеками преслѣдовалъ опредѣленную цѣль, эти показанія графа были исключительно разсчитаны на то, чтобы взвалить на плечи французовъ, и безъ того слишкомъ чутко относившихся къ чести своего мундира, всю отвѣтственность за катастрофу, истиннымъ виновникомъ которой былъ онъ самъ. Эта катастрофа могла-бы навсегда обезсмертить его имя, если бы онъ, взявъ на себя всю отвѣтственность за нее, съ одной стороны исполнилъ до конца свои обязанности по отношенію къ тысячамъ человѣческихъ жизней, а съ другой—твердо стоялъ на занятой позиціи, не боясь послѣдствій своего поступка изъ чисто эгоистическихъ соображеній.

Нѣтъ и это мы постараемся доказать—французы не принимали никакого прямого участія въ Мо-

сковскомъ пожарѣ; они прежде всего не были такъ глупы и наивны, чтобы наносить вредъ самимъ себѣ, лишая себя не только убѣжища, которое было цѣнно для нихъ въ виду приближенія зимы, но и залога мира, котораго требовало неутомимое честолюбіе ихъ вождя, бывшаго до той поры идоломъ всей націи, залога мира, котораго они добились такой огромной цѣной безконечныхъ лишеній и трудностей военнаго похода.

Послѣ же Ростопчина въ московской катастрофѣ слѣдуетъ винить прежде всего русскаго крестьянина. Она явилась, какъ мы уже говорили объ этомъ въ другомъ мѣстѣ, результатомъ полудикаго, полупатріотическаго порыва со стороны населенія, растерянnаго, доведеннаго до отчаянія наступившими событіями и ставшаго свидѣтелемъ сожженія непріятелемъ городовъ и деревень, осквернснія святыни и ограбленія предметовъ ихъ культа, *) покинутаго высшими классами общества посреди ихъ хижинъ, которыхъ они не могли унести съ собой, какъ послѣдній остатокъ своего достоянія. Къ тому же голодъ всегда является плохимъ совѣтчикомъ, а онъ присоединялся въ данномъ случаѣ къ естественной жадности черни, а въ душѣ крѣпостныхъ—будилъ ненависть къ своимъ господамъ и желаніе отомстить имъ за обиды, которыми тѣ не переставали осыпать своихъ рабовъ, не выпуская никогда изъ рукъ бича, занесеннаго надъ ихъ согнутой спиной. Нужно ли приводить еще другія

---

*) Вторая изъ указываемыхъ авторомъ причинъ московской катастрофы и являлась въ дѣйствительности главной, тогда какъ личное участіе Ростопчина въ московскомъ пожарѣ сводилось, какъ мы уже указывали, къ вывозу изъ столицы противопожарныхъ средствъ.

Прим. перев.

доказательства? Пусть въ такомъ случаѣ вспомнятъ о грабежахъ дворцовъ послѣ ухода французовъ, пусть вспомнятъ ту ярость, съ которой русскіе крестьяне уничтожали все ненужное имъ самимъ, какъ напр., мебель, собранія рѣдкостей, статуи и т. п. Нѣмымъ свидѣтелемъ этого могутъ служить Горенки, этотъ прекрасный замокъ, принадлежавшій графу Алексѣю Разумовскому и расположенный въ окрестностяхъ столицы, гдѣ извѣстному натуралисту Фишеру лишь съ большимъ трудомъ удалось спасти отъ разрушенія замѣчательный ботаническій садъ. Такой же свидѣтельницей можетъ быть не менѣе роскошная лѣтняя резиденція графа Льва Разумовскаго, рѣдкая оранжерея которой стала достояніемъ пламени и была совершенно уничтожена, или же великолѣпное помѣстье князя Ѳедора Голицына, расположенное на противоположномъ берегу Москвы-рѣки, или, наконецъ, загородный дворецъ князя Юсупова, въ которомъ были собраны многочисленные шедевры искусства, въ томъ числѣ великолѣпная мраморная группа «Амуръ и Психея» работы Канова и т. п. и т. п.

«Крестьяне, по словамъ одного нѣмецкаго офицера, жившаго въ то время въ Москвѣ, обыкновенно отвѣчали страшными угрозами на увѣщанія, которыя имъ пытались дѣлать. Да и что въ самомъ дѣлѣ могли подѣлать дворовые и слуги противъ толпы вооруженныхъ грабителей?... Волненія и возбужденіе, царившія въ это время среди русскихъ крестьянъ, не имѣли ничего общаго съ настроеніями французскихъ революціонеровъ, возведшихъ на эшафотъ несчастнаго Людовика XVI и часть его семьи. Это была скорѣе какая-то необъяснимая наклонность, толкавшая ихъ дѣлать зло изъ одного удовольствія къ разрушенію и дикой ненависти ко

всему, что носило на себѣ отпечатокъ принадлежности дворянству.»

Чтобы дополнить эту страшную и малопривлекательную картину, мы могли бы прибавить къ ней кое-какія детали, какъ напр., описаніе организаціи магистрата, учрежденнаго Наполеономъ въ Москвѣ, мотивовъ его продолжительнаго пребыванія въ этой столицѣ, которые далеко не сводились къ одной нерѣшительности и желанію завязать переговоры о мирѣ (о чемъ намъ еще придется говорить ниже); мы могли бы познакомить читателя съ времяпрепровожденіемъ, какое онъ придумалъ для своихъ солдатъ, выказывавшихъ нетерпѣніе по поводу задержекъ и проявлявшихъ признаки грусти и тоски по родинѣ, съ приготовленіями войскъ къ дальнѣйшему походу, съ административной дѣятельностью Наполеона, который все время продолжалъ получать депеши и отправлялъ курьеровъ во всѣ концы своей обширной имперіи, наконецъ, съ его бесѣдами съ М-me Шамле-Обертъ, съ тѣми несчастьями, жертвой которыхъ стала какъ она сама, такъ и многія другія, съ нравами страны, съ положеніемъ крѣпостныхъ и т. д. и т. д. Но все это увлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ графа Ростопчина, который продолжаетъ оставаться главнымъ сюжетомъ нашей книги, и къ которому поэтому мы торопимся вернуться, а также удалило бы насъ и отъ фельмаршала Кутузова, съ операціями котораго мы должны также еще познакомить читателя.

Въ тотъ моментъ, къ которому мы теперь намѣрены вернуться,—моментъ, правда, весьма короткій—оба разсматриваемые нами дѣятеля отечественной войны очутились вмѣстѣ, такъ какъ графъ Ростопчинъ принужденъ былъ искать пристанище для себя при главномъ штабѣ генералиссимуса.

Но раньше чѣмъ окончательно вернуться къ прерванной нити историческихъ событій, остановимся еще на одинъ моментъ, чтобы подвести итогъ и отдать себѣ ясный отчетъ въ наиболѣе важныхъ послѣдствіяхъ той катастрофы, страшную картину которой мы только что старались набросать передъ глазами читателя.

Когда Наполеонъ перешелъ Нѣманъ, Москва была еще цвѣтущимъ городомъ, и населеніе ея, въ особенности зимой, достигало 300.000 человѣкъ. Она насчитывала въ своихъ стѣнахъ 9.257 домовъ и разныхъ зданій, изъ которыхъ приблизительно 3.000 были построены изъ камня, а остальныя—сплошь деревянныя постройки. Въ ней насчитывалось болѣе 300 церквей, хотя сами русскіе и говорятъ обыкновенно, что у нихъ въ Первопрестольней Сорокъ-сороковъ храмовъ. Огромное большинство церквей было разрушено; свыше 6.500 домовъ сдѣлались добычей пожара, а почти всѣ остальные въ большей или меньшей степени пострадали отъ грабежа. По словамъ Домерга, деревянныхъ построекъ было даже около 8.000 и только 500 изъ нихъ были пощажены огнемъ, а изъ 1.600 колоколенъ (но не церквей) 800 сгорѣло *). Но мы должны сказать, что приведенныя нами выше цифры заимствованы нами изъ оффиціальныхъ источниковъ.

Исчезли улицы и даже цѣлые кварталы, такъ что тѣ дома, которые какимъ-то чудомъ избавились

---

*) Очевидно, въ представленіи французскаго автора колокольни и церкви являлись зданіями независимыми другъ отъ друга. При такомъ счетѣ число церквей, конечно, должно было удвоиться, а если къ нимъ прибавить еще довольно многочисленныя въ Москвѣ часовни, могла, дѣйствительно, получиться цифра, близкая къ приведенной выше.

Прим. перев.

отъ общей печальной участи, возвышались, подобно уединеннымъ островамъ среди груды развалинъ и пепелища. Только въ отдѣльныхъ пунктахъ случайно остались неповрежденными цѣлыя улицы, преимущественно на окраинахъ столицы, вдали отъ Кремля.

Въ бюллетеняхъ французской арміи общая сумма убытка, причиненнаго пожаромъ, была исчислена въ нѣсколько милліардовъ рублей, да она и не могла быть меньше, несмотря на противоположныя увѣренія главнаго виновника этого страшнаго разрушенія. По вычисленію спеціальной комиссіи, говоритъ графъ Ростопчинъ въ своей брошюрѣ «Правда о Московскомъ пожарѣ,» убытки, понесенные населеніемъ, какъ отъ пожара, такъ и отъ войны, не только въ столицѣ, но и во всей Московской губерніи, не превышали 321 милліона рублей.

Погибшая въ огнѣ недвижимость, безъ сомнѣнія, врядъ ли превышала эту сумму, но кто могъ исчислить всѣ убытки отъ истребленія съѣстныхъ припасовъ, домашней обстановки, предметовъ роскоши и искусствъ, научныхъ коллекцій и тысячи другихъ! Одна только библіотека графа Бутурлина, насчитывавшая свыше 30.000 томовъ, изъ которыхъ 379 названій принадлежали къ чрезвычайно рѣдкимъ (напечатаннымъ до 1500 года), оцѣнивалась въ милліонъ рублей, и отъ нея не осталось ни одного печатнаго листа; та же самая участь постигла и библіотеку князя Голицына и таковую же тайнаго совѣтника Мятлева, а обѣ онѣ представляли также значительную цѣнность. Университетская библіотека и естественно-историческій музей также погибли безвозвратно во время всеобщей катастрофы. Кромѣ того, милліоны цѣнностей, особенно въ монетѣ, были расхищены изъ общественныхъ зданій и были, ко-

нечно, промотаны въ нѣсколько же дней съ рѣдкой безпечностью, которая возростала еще оттого, что никто тогда не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ цѣнности вещей. Наконецъ, какъ оцѣнить загубленныя человѣческія жизни, искалѣченныя части тѣла, наклонность ко злу и преступленію, привившіяся населенію за время безначалія, разбитыя существованія, горечь паденія съ высоты богатства и благосостоянія въ объятія самой безысходной нужды— въ какой суммѣ должны выразиться всѣ потери этого рода?

Если же считаться исключительно съ тѣмъ воздѣйствіемъ, которое оказало московское пожарище на войну, то его вліяніе на обѣ враждующія арміи было діаметрально противоположнымъ.

Для французской арміи эта катастрофа явилась непоправимымъ несчастьемъ, потому что она, какъ мы уже говорили, лишила ее надежды на заключеніе мира и зимнихъ квартиръ; она разрушила также дисциплину въ рядахъ войска, такъ какъ въ разгарѣ грабежа—приказы по арміи достаточно ясно показали намъ это—никто не думалъ считаться съ авторитетомъ ея верховнаго вождя, и всѣ безстыдно нарушали его приказанія; наконецъ, благопріятно вліяя на русскую армію, эта катастрофа еще болѣе ухудшило положеніе французской арміи.

Что же касается русскихъ, то, безъ сомнѣнія, принцъ Вюртембергскій правъ, утверждая, что они извлекли для себя изъ этого огромнаго несчастья не менѣе значительную выгоду. Рѣшившись пожертвовать Москвой, они тѣмъ самымъ отказались отъ намѣренія сражаться у ея стѣнъ и защищать до послѣдней капли крови свои національныя святыни. И все же очевидно для всякаго, что эта ката-

строфа, лишь послужила имъ на пользу. Настроеніе войска, какъ и настроеніе всей націи, должно было въ концѣ концовъ повыситься послѣ этого великаго несчастья. Потребность отомщенія воспламеняла всѣ сердца, и ненависть къ врагу удваивала силы сражавшихся, которые требовали теперь продолженія войны не на животъ, а на смерть, и отвергали съ негодованіемъ всякую мысль о мирныхъ переговорахъ, хотя кроткій отъ природы характеръ Александра I, граничившій даже почти со слабохарактерностью, уже склонялся было къ прекращенію войны, несмотря на всю тяжесть обиды, нанесенной врагомъ, какъ ему самому, такъ и всему, что въ глазахъ русскихъ считалось неприкосновеннымъ и священнымъ.

Надо полагать, что послѣдствія этого фатальнаго похода произвели глубокое и слишкомъ тягостное впечатлѣніе на самого Наполеона: этотъ человѣкъ, обладавшій до того желѣзной волей, казался теперь выбитымъ изъ колеи и пораженнымъ въ самое чувствительное для него мѣсто. Не желая брать на себя отвѣтственность за всѣ ужасныя несчастья, онъ старался добиться того, чтобы никто въ Европѣ не заблуждался, что вся вина за нихъ ложится на плечи самихъ русскихъ, и что французы не принимали въ этомъ никакого участія. Съ этой цѣлью онъ приказалъ произвести спеціальное разслѣдованіе о причинахъ московскаго пожара. Военная комиссія, состоявшая изъ генераловъ и офицеровъ главнаго штаба, собралась 24 сентября подъ предсѣдательствомъ генерала Лауэра. Передъ этимъ судомъ прошли 26 лицъ разнаго званія и состоянія, но всѣ русскіе; имена ихъ можно прочесть въ «Указателѣ» отъ 29 октября 1812 г. въ № 303; одни изъ нихъ были схвачены на мѣстѣ преступленія, другіе

же только подозрѣвались въ томъ, что подкладывали огонь къ деревяннымъ постройкамъ.

Нѣкоторые изъ нихъ признали себя виновными въ томъ, въ чемъ ихъ обвиняли; другіе были уличены заслуживающими уваженія показаніями многочисленныхъ свидѣтелей; во время этого словеснаго судопроизводства было также установлено—и притомъ установлено категорично,—что русская администрація, найдя невозможнымъ спасти Москву, рѣшила прибѣгнуть къ необычайному средству сопротивленія, не принятому ни одной изъ цивилизованныхъ націй, а именно, къ поджогамъ и разрушенію *). Комиссія убѣдилась, прибавляетъ этотъ документъ, что въ этихъ цѣляхъ были приняты проэкты Шмидта, который былъ приглашенъ построить аэростатъ, предназначавшійся служить орудіемъ для истребленія французской арміи; но этотъ планъ былъ лишь особаго рода ширмой; въ дѣйствительности цѣлью работъ Шмидта была фабрикація разнаго рода горючихъ матеріаловъ.

Въ силу приговора, вынесеннаго комиссіей, 10 человѣкъ изъ 26 обвиняемыхъ были приговорены къ

*) Комиссія, о которой говоритъ авторъ, признала, конечно, то, чего желалъ Наполеонъ, чтобы оправдаться въ глазахъ Европы и взвалить вину на русскихъ. Но въ ея распоряженіи не было никакихъ объективныхъ доказательствъ, которыя бы устанавливали участіе въ Московскомъ пожарѣ русской администраціи. Извѣстно также, что Комиссія эта была довольно беззаботна по части аргументированія своихъ обвиненій, она, напр., приводя отрывки изъ прокламацій Ростопчина, не стѣснялась вставлять въ нихъ такія выраженія и даже цѣлыя фразы, которыхъ совершенно не встрѣчается въ этихъ произведеніяхъ московскаго губернатора, но которыя должны были помочь членамъ этой комиссіи формулировать обвиненія противъ самого графа.

Прим. перев.

смертной казни и разстрѣлены 26-го сентября; остальные же, избѣгшіе этой участи по недостатку уликъ, были оставлены въ тюрьмѣ, чтобы лишить ихъ возможности возобновить снова свою вредную дѣятельность.

Однако, московскій пожаръ, начавшійся тотчасъ же послѣ занятія этой столицы французской арміей, не былъ еще, какъ это всѣмъ хорошо извѣстно, окончательной развязкой страшной трагедіи, анализъ которой мы должны еще представить читателю. Хотя мы не имѣемъ въ виду въ данной книгѣ доводить описаніе наполеоновскаго похода до самаго фатальнаго его конца, но все же мы не можемъ обойти молчаніемъ судьбу его несчастныхъ сподвижниковъ, какъ обреченныхъ на смерть, такъ и тѣхъ, кому случайно, по милости неба, удалось избѣжать этой печальной доли.

Мы должны будемъ скоро присутствовать при печальномъ и слишкомъ позднемъ отступленіи этой арміи отъ стѣнъ Москвы, и мы послѣдуемъ за ней до Малоярославца, гдѣ должны были начаться для нея еще новыя пытки.

Но, потерявъ на долгое время изъ виду главное дѣйствующее лицо нашей повѣсти, судьбу котораго мы взялись прослѣдить до самого конца его служебной карьеры, мы возвратимся теперь къ ней и посмотримъ, какъ она переплеталась съ необычайными и грандіозными событіями описываемой эпохи. Слѣдуетъ, однако, прежде чѣмъ окончательно вернуться къ нити нашего разсказа, показать читателямъ еще разъ того человѣка, смѣлости котораго они удивлялись и ужасной дѣятельностью котораго они, безъ сомнѣнія, были поражены. Естественно, по-

этому, желаніе узнать, какъ долженъ выглядѣть подобный человѣкъ. Ниже мы нарисуемъ его портретъ, пользуясь воспоминаніями людей, которые его прекрасно знали.

Несмотря на эксцентричность, которою наполнена вся жизнь графа Ростопчина, въ его внѣшности не было ничего такого, что оправдывало бы опасенія или рождало бы увѣренность, будто подъ покровомъ человѣческаго платья у него скрыты львольскіе когти или раздвоенныя копыта. Это былъ человѣкъ довольно полной комплекціи, большого роста и хорошо сложенный. Только немного приплюснутый носъ выдавалъ его татарское происхожденіе, отъ котораго, впрочемъ, не отказывался и онъ самъ; его большіе и сильно оттѣненные рѣсницами глаза были очень подвижны въ своихъ орбитахъ. Его высоко поднятая голова обнаруживала въ немъ привычку властвовать. Его живая физіономія ежеминутно мѣняла свое выраженіе, въ которомъ можно было прочесть то отпечатокъ изысканной учтивости и желаніе нравиться, то злобу и иронію, то проницательность и хитрость, то страстную энергію, доходящую до ненависти и даже грубости. Этой измѣнчивости чертъ лица соотвѣтствовали и подвижность его тѣла: движеніе было для него потребностью; онъ избѣгалъ отдыха, какъ избѣгаютъ недруга, и смотрѣлъ на него, какъ на своего заклятаго врага. Постоянно окруженный избраннымъ обществомъ, онъ легко становился его центромъ, такъ какъ умѣлъ быть любезнымъ и не щадилъ расходовъ тамъ, гдѣ дѣло шло о томъ, чтобы доставить развлеченіе себѣ самому или позабавить другихъ. Здѣсь мы лишь мимоходомъ можемъ коснуться его нравственнаго облика; онъ повсюду любилъ блистать, выставлять напоказъ

свой умъ и удовлетворять своей наклонности къ язвительности. Его таланты въ обществѣ были общепризнанными; никто лучше его не понималъ шутки и не умѣлъ съ такой живостью предаваться веселью и острословію. Но кому доводилось видѣть его въ обществѣ, у того не могло остаться сомнѣнія о размѣрахъ вспыльчивости, на какую былъ способенъ этотъ человѣкъ, о порывахъ гнѣва и даже ярости, которымъ онъ былъ подверженъ, и которые дѣлали его порой совершенно безумнымъ.

Намъ предстоитъ теперь вернуться ко дню 14-го сентября, когда мы покинули русскихъ и ихъ старика-главнокомандующаго у Коломенской заставы.

Московскій губернаторъ, покинувшій столицу въ твердой увѣренности, что онъ обрекаетъ ее на опустошеніе и смерть, поспѣшилъ присоединиться къ Кутузову, который въ это же самое время велъ переговоры съ непріятелемъ и принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы спасти городъ, избѣгая всякихъ столкновеній, какъ на улицахъ, такъ и у заставъ.

Ростопчинъ примкнулъ къ генеральному штабу русской арміи, куда ужъ не являлся болѣе князь Багратіонъ, этотъ храбрѣйшій изъ русскихъ генераловъ, но теперь пригвожденный къ походной койкѣ, послѣ полученной имъ во время Бородинскаго боя раны. Въ этомъ штабѣ группировалась вокругъ генералиссимуса-фельдмаршала вся славная фаланга военныхъ героевъ, какъ, напр., Барклай де-Толли, Ермоловъ, Беннигсенъ, Коновницынъ, Милорадовичъ, Раевскій, Дохтуровъ, Остерманнъ, являвшихся начальниками отдѣльныхъ отрядовъ; въ немъ же принимали также участіе князья Васильчиковъ, Лобановъ-Ростовскій и принцъ Евгеній Вюртембергскій,

затѣмъ генералы Дороховъ, баронъ Корфъ, Павелъ и Петръ Палены и многіе другіе. Въ тотъ моментъ, когда русская армія, уменьшившаяся въ своей численности до 50.000 человѣкъ, удалялась отъ стѣнъ старой столицы имперіи, въ ея рядахъ царилъ страшный безпорядокъ, и она нуждалась въ полной реорганизаціи. Нравственный духъ войска былъ сильно поколебленъ, и, если бы онъ не былъ вскорѣ возстановленъ (мы сейчасъ укажемъ, какимъ образомъ удалось этого достигнуть), она не была бы способна на великія дѣла.

Въ военномъ лагерѣ подъ Тарутинымъ русская армія получила возможность возстановить свой боевой порядокъ, установить строгую дисциплину, которая всегда являлась залогомъ военныхъ успѣховъ, подобно тому, какъ для гражданскаго общества такимъ надежнымъ якоремъ является законность. На мгновеніе эта армія, правда, должна была испытать чувство отчаянія и даже апатіи. Уже во время отступленія черезъ Москву нѣсколько тысячъ солдатъ дезертировали изъ ея рядовъ, предпочтя отдаться грабежу; и это влеченіе къ мародерству готово было овладѣть всѣмъ войскомъ, которое раньше пылало патріотизмомъ, а теперь ограничивалось лишь машинальнымъ выполненіемъ приказаній своихъ начальниковъ и впало въ какое-то состояніе инертности и безразличія.

Отступая по дорогѣ въ Коломну, русскія войска прибыли къ вечеру 14-го сентября въ деревню Панки, расположенную въ 15 верстахъ отъ столицы; арьергардъ арміи, какъ мы уже говорили выше, остановился въ Вязовкѣ, всего въ 6 верстахъ отъ городской заставы, и находился въ это время подъ командой Милорадовича, котораго вскорѣ дол-

женъ былъ смѣнить Раевскій, командовавшій другими дивизіями.

Здѣсь читателю необходимо основательно познакомиться съ расположеніемъ тѣхъ дорогъ, которыя лучеобразно расходились во всѣ стороны отъ Москвы, и по которымъ могла слѣдовать армія по своему выбору.

Коломенская дорога, которая вела къ Рязани, шла въ сторону отъ Калуги, гдѣ собирались подкрѣпленія для русской арміи, и гдѣ, казалось, долженъ былъ быть назначенъ ея сборный пунктъ; эта дорога имѣла юговосточное направленіе, какъ разъ діаметрально противоположное тому, по которому предстояло вскорѣ отступить французской арміи. Продолжать отступленіе по этой дорогѣ врядъ ли можно было серьезно отстаивать.

Дорога на Тулу, проходящая черезъ Серпуховъ, была расположена правѣе Коломенской. Какъ и послѣдняя, она заставляла русскую армію перебраться на противоположный берегъ Оки, но направлялась по болѣе прямой линіи къ югу. Еще болѣе на западъ уклонялись дороги на Калугу. Ихъ было двѣ: старая, болѣе восточная, проходившая черезъ Красную Пахру и Тарутино, и новая, болѣе западная, по которой были расположены Боровскъ и Малоярославецъ. Обѣ калужскія дороги прерывались на своемъ пути нѣсколькими рѣками: Пахрой, притокомъ Москвы-рѣки, и Нарой и Плотвой, впадавшими въ Оку.

Тарутино было расположено на рѣкѣ Нарѣ и на сторой Калужской дорогѣ; оно лежало какъ разъ по срединѣ между Тульской дорогой и Новокалужской. Расположившись въ этомъ мѣстѣ, можно было легко предупредить движеніе непріятеля, куда бы онъ ни направлялся: въ Серпуховъ ли, въ Калугу

или даже въ Малоярославецъ. Это и была именно та позиція, которую русской арміи важно было обезпечить за собой; занятая же первоначально ею позиція на Коломенской дорогѣ была значительно удалена отъ этого мѣста.

Если Кутузовъ и выбралъ сначала этотъ путь, то отнюдь не для того, чтобы придерживаться его и впослѣдствіи, а скорѣе, чтобы выгадать время для размышленій, и чтобы не встрѣтиться сразу лицомъ къ лицу съ французской арміей, такъ какъ его тактика и теперь еще состояла въ томъ, чтобы избѣгать сраженій.

«Его мысль, по выходѣ изъ Москвы, говоритъ Тьеръ, состояла въ томъ, чтобы придерживаться средняго плана, изъ всѣхъ предложенныхъ ему, и чтобы расположиться на флангѣ французской арміи, но не слишкомъ близко отъ нея, дабы, по крайней мѣрѣ, на ближайшее время избѣжать серьезныхъ столкновеній.»

Уже изъ Панки было видно огромное зарево надъ Москвой: это были первые пожары тамъ въ ночь съ 14-го на 15-ое сентября. Русская армія оставалась въ этомъ лагерѣ и на слѣдующій день, чтобы оказать содѣйствіе многочисленнымъ московскимъ бѣглецамъ, искавшимъ спасенія внѣ стѣнъ столицы и преслѣдуемымъ по пятамъ французами. Авангардъ французскій, дѣйствительно, почти соприкасался съ русскимъ арьергардомъ; 16-го сентября между ними даже произошла небольшая стычка. Въ этотъ день русская армія покинула Панки и направилась къ Боровскому мосту и въ Кулаково, расположеннымъ все по той же Рязанской дорогѣ. Первое изъ этихъ мѣстъ названо такъ по имени моста, построеннаго на рѣкѣ Москвѣ.

Только теперь Кутузовъ, считаясь со взгляда-

ми полковника Толля и принявъ, наконецъ, собственное рѣшеніе, пересталъ колебаться покинуть рязанскую дорогу. Онъ рѣшилъ выйти на Калужскій путь, что-бы имѣть позади себя плодороднѣйшія губерніи Россіи и указывать или, лучше сказать, вліять по своему усмотрѣнію на отступленіе непріятеля.

Принявъ это рѣшеніе, русскій генералиссимусъ только теперь написалъ государю свое первое донесеніе о судьбѣ русской арміи послѣ оставленія Москвы и отправилъ его съ курьеромъ къ Александру I изъ Шилина.

Знаменитое фланговое перемѣщеніе русской арміи, сбившее французовъ съ толку и заставившее ихъ на цѣлыхъ три дня потерять изъ виду русскую армію, было осуществлено Кутузовымъ въ ночь съ 16-го на 17-ое сентября; ему всѣ удивлялись, какъ какому-то счастливому внушенію свыше.

Генералъ Сегюръ, правда, не раздѣляетъ этого взгляда, говоря лишь, что «извилистый обходъ, предпринятый Кутузовымъ по нерѣшительности или хитрости, ему удался». Но въ дѣйствительности это перемѣщеніе давно уже входило въ планы Кутузова, и генералиссимусъ теперь только ускорилъ его осуществленіе, хотя первоначально по своей лѣнивой нерѣшительности онъ думалъ осуществить его позднѣе.

Для выполненія этого движенія онъ, по словамъ Тьера, долженъ былъ перемѣстить свою армію на 10 лье съ востока на югъ по окружности того круга, центромъ котораго являлась Москва, тогда какъ раньше онъ предполагалъ сдѣлать еще болѣе значительное перемѣщеніе, по окружности съ радіусомъ верстъ въ тридцать.

17-го сентября днемъ русская армія осуществи-

ла этотъ переходъ форсированнымъ маршемъ, направляясь къ западу, и на слѣдующій день была уже возлѣ Подольска, небольшого городишка, расположеннаго къ югу отъ Москвы, въ 30 верстахъ по Тульской дорогѣ. Вслѣдствіе плохого состоянія дорогъ и неувѣренности, не устроили ли французы какой-нибудь западни на берегахъ Пахры, русская армія совершала это передвиженіе съ крайними предосторожностями. Она передвигалась вдоль по теченію упомянутой рѣки, по правому ея берегу, и не могла быть замѣчена французами, такъ какъ была значительно удалена отъ нихъ. Два казачьи полка, оставленные у Боровскаго моста, чтобы ввести въ заблужденіе непріятеля, прекрасно выполнили эту миссію, безпрестанно выказывая свое присутствіе шумными перемѣщеніями. Мюратъ, благодаря этой военной хитрости, остался при убѣжденіи, что русская армія не имѣетъ иного плана, какъ тотъ, чтобы перебраться на противоположный берегъ Оки, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, главныя силы русскихъ въ это время перемѣщались уже вправо, т. е. къ западу.

При помощи этого фланговаго перемѣщенія, армія Кутузова оказалась, дѣйствительно, переброшенной къ югу; ночь застала ее еще въ походѣ, по пути къ тому мѣсту, которое было выбрано для лагерной стоянки. Но идти ей не пришлось въ темнотѣ, такъ какъ все небо было залито огромнымъ заревомъ, которое теперь ужъ не оставляло никакихъ сомнѣній относительно участи, постигшей столицу съ ея сорока сороками церквей. Даже съ этой довольно удаленной дистанціи пожаръ былъ прекрасно виденъ.

Обращая туда свои взоры, Ростопчинъ долженъ былъ содрогаться при мысли, что онъ, какъ это

нынѣ непререкаемо установлено, является виновникомъ этого страшнаго пожара, и что вся отвѣтственность за гибель Москвы ложится на него.

Но никто, конечно, не могъ знать, что происходитъ въ его душѣ; это былъ секретъ, который, казалось, онъ можетъ унести въ могилу. Въ то время можно было съ увѣренностью лишь сказать, что онъ не хвасталъ этимъ актомъ, хотя и дикаго, но все-таки патріотизма. Совмѣстно съ Кутузовымъ и всѣми остальными, Ростопчинъ ставилъ тогда этотъ пожаръ всецѣло въ вину французамъ: они были въ глазахъ всѣхъ русскихъ вандалами, оставлявшими позади себя лишь слѣды крови и пепла, безбожниками, сжигавшими святыни, и разбойниками, не останавливавшимися передъ грабежомъ и расхищеніемъ.

Людская толпа, ослѣпленная ненавистью и фанатизмомъ, вообще не разсуждаетъ; ее легко тогда убѣдить, въ чемъ хочешь. Точно также и русская армія не знала въ ту пору иного крика, какъ: «Французы сожгли Москву! отмщеніе! отмщеніе!» Ярость наполняла сердца всѣхъ солдатъ; каждая новая вспышка пламени, раздуваемаго вѣтромъ, всякое усиленіе зарева, заставляла всѣхъ рыдать и вырывало изъ тысячи грудей безконечныя проклятія.

Уже послѣ Смоленска эта война для русскихъ стала войной національной, теперь же она для каждаго изъ нихъ становилась почти дѣломъ личнымъ. Ненависть къ иноземцамъ, которые ничего не уважали, гнѣвъ при видѣ совершаемыхъ святотатствъ— господствовали въ ту минуту надъ всѣми, возмущая ихъ чувства до крайнихъ предѣловъ ярости.

Все это, какъ мы уже указывали выше, должно было поднять нравственный духъ войска: теперь

оно все было охвачено одной идеей, однимъ желаніемъ—знать, когда, наконецъ, его поведутъ противъ врага, который однимъ своимъ присутствіемъ осквернялъ самую почву «Святой Россіи», желаніемъ совершенно очистить родину отъ врага и уничтожить его до послѣдняго человѣка.

Послѣ оставленія Москвы шансы русскихъ на успѣхъ въ борьбѣ казались совершенно потерянными, говоритъ принцъ Евгеній Вюртембергскій; видя всеобщее отчаяніе, онъ самъ началъ склоняться къ мысли, что спасеніе государства становится дѣломъ почти безнадежнымъ. Но когда видъ пламени, пожиравшаго «мать русскихъ городовъ» превратилъ безразличное раньше отчаяніе воиновъ въ жажду мести, тогда это страстное чувство перековало этихъ побѣжденныхъ въ совершенно другихъ людей; презирая заботы о сохраненіи собственной жизни, они молили небо только объ одномъ: чтобы скорѣе помѣряться силами съ врагомъ.

Такова была русская армія, когда 18-го сентября она заняла позицію у Подольска и была тамъ заново перестроена и, такимъ образомъ, освободилась отъ безпорядка, не прекращавшагося въ ея рядахъ ужъ болѣе недѣли. Безпорядокъ этотъ, царившій въ ея рядахъ съ самаго дня Бородинской битвы, доводилъ, между прочимъ, до полнаго отчаянія знаменитаго Барклая де Толли и заставилъ этого сдержаннаго всегда полководца сказать при прощаніи съ прусскимъ военнымъ полковникомъ Кладзевичемъ слѣдующія жестокія слова: «Благодарите Бога за возможность уѣхать отсюда; у насъ нельзя ожидать ничего добраго».

Теперь, однако, отъ прежняго безпорядка не осталось и помину; былъ, наконецъ, выработанъ планъ компаніи; общее смятеніе уступило мѣсто

рѣшимости; генералитетъ, казалось, прозрѣлъ и проснулся для кипучей дѣятельности. Самъ Кутузовъ, зная, что ему предстоитъ теперь дѣлать, отдалъ приказанія относительно дальнѣйшаго движенія корпусовъ Тормозова и адмирала Чичагова, которые уже находились въ Волыни.

Главная квартира генералиссимуса покинула Подольскъ только 20-го сентября и вмѣстѣ съ арміей продолжала движеніе къ западу. Удаляясь по этому направленію отъ Тулы, она достигла, наконецъ, старой Калужской дороги, перешла Пахру и прибыла въ маленькую деревушку «Красная Пахра», расположенную на правомъ берегу этой рѣченки, впадающей въ Москву-рѣку.

Во время этой стоянки у Красной Пахры туда прибылъ изъ С.-Петербурга полковникъ Черничевъ, адъютантъ императора, состоявшій при немъ, какъ извѣстно, уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ для выполненія всякаго рода случайныхъ порученій. Онъ привезъ съ собой изъ сѣверной столицы новый планъ военныхъ дѣйствій, выработанный тамъ въ тиши кабинета, но который врядъ ли могъ быть примѣненъ къ дѣйствіямъ арміи, находящейся въ походѣ. Планъ этотъ касался какъ дѣйствій арміи на обоихъ флангахъ: съ одной стороны—отрядовъ Тормосова и Чичагова, съ другой—арміи графа Виттенштейна, такъ и дѣятельности главной арміи. Кутузовъ принялъ этотъ планъ съ уваженіемъ, но оставилъ за собой право дѣйствовать сообразуясь съ требованіями обстоятельствъ. Впрочемъ, какъ замѣчаетъ Тьеръ, этотъ петербургскій планъ былъ въ сущности лишь подтвержденіемъ собственныхъ проэктовъ русскаго генералиссимуса. Графъ Ростопчинъ также присутствовалъ въ лагерѣ у Красной

Пахры, и отсюда онъ послалъ 25-го сентября одно изъ своихъ донесеній государю.

Барклай де Толли, который до сихъ поръ оставался на своемъ посту, теперь началъ чувствовать сильную потребность удалиться изъ арміи изъ-за отношенія къ нему Кутузова. Наконецъ, въ этой же деревушкѣ, о которой мы только что упомянули, къ русской арміи присоединился англійскій бригадный генералъ Робертъ Вильсонъ, недавно прибывшій въ С.-Петербургъ съ весьма важными планами. Оттуда онъ поѣхалъ въ дѣйствующую русскую армію въ качествѣ комиссара своего правительства, и игралъ тамъ, какъ мы скоро это увидимъ, очень крупную и важную роль.

Въ самомъ дѣлѣ, по договору между Россіей и Англіей, подписанному въ Эребро 18-го іюля того же самаго 1812 года, между ними не только былъ установленъ миръ, но въ то же время оба государства заключили тѣсный союзъ, вытекавшій изъ взаимности ихъ общихъ интересовъ.

Надежды Наполеона основывались на планѣ отбросить русскую армію за Оку. Но онъ потерялъ слишкомъ много времени въ Москвѣ, чтобы быть въ состояніи осуществить этотъ планъ. Мюратъ, возвратившійся въ столицу, оставался тамъ также въ нерѣшительности, передавъ временное командованіе авангардомъ генералу Себастіани. А этотъ послѣдній оказался далеко не на высотѣ своего положенія, не обнаружилъ достаточной бдительности и слишкомъ легко далъ себя обмануть.

Рязанская дорога, по которой онъ преслѣдовалъ арьергардъ русской арміи, продолжается до рѣки Москвы. Генералъ Себастіани перешелъ эту рѣку у

Боровского моста и, встрѣтивъ здѣсь казачьи полки, оставленные генераломъ Раевскимъ подъ командой Ермолова, чтобы при помощи ихъ прикрыть отступленіе остальной русской арміи къ западу, онъ продолжалъ ихъ преслѣдовать до самой Бронницы, также расположенной по Рязанской дорогѣ, будучи все время убѣжденъ, что имѣетъ дѣло со всѣмъ русскимъ арьергардомъ. Послѣдній же въ это время двигался въ противоположномъ направленіи и уже занялъ Каширу. А то, что Себастіани считалъ арьергардомъ, на самомъ дѣлѣ было лишь приманкой, брошенной для него, всего нѣсколько эскадроновъ, которые своими ловкими маневрами съумѣли одурачить французскаго генерала. Выведенный, наконецъ, изъ заблужденія въ Бронницѣ, генералъ Себастіани на мгновеніе прямо оробѣлъ, затѣмъ онъ поспѣшилъ увѣдомить французскаго императора, что совершенно не знаетъ, въ какомъ направленіи искать непріятеля. Наполеонъ получилъ эту крайне непріятную для него новость въ Кремлѣ, въ ночь съ 21-го на 22-ое сентября, и сильно разсердился на своего сподвижника, такого недогадливаго на этотъ разъ. Почти въ это же время было получено и другое извѣстіе, еще болѣе обезпокоившее французскаго императора; ему сообщили изъ арьергарда, оставленнаго имъ позади себя на Смоленской дорогѣ, чтобы поддерживать сообщеніе съ Европой, а также со своими складами припасовъ и подкрѣпленіями,—что тамъ неожиданно появились другіе эскадроны казаковъ; въ окрестностяхъ Можайска они окружили со всѣхъ сторонъ обозъ, состоявшій изъ 15 тяжело нагруженныхъ военными припасами телѣгъ и направлявшійся по Московской дорогѣ подъ эскортомъ отряда кавалеріи, и заставили послѣдній сдаться.

Тотчасъ же по полученіи этихъ извѣстій, великій полководецъ съумѣлъ въ нихъ ориентироваться со свойственной ему одному быстротой, и, минуту спустя, онъ увѣренно уже могъ сказать, что теперь слѣдуетъ предпринять. Безъ всякихъ колебаній онъ приказалъ князю Понятовскому отправляться съ поляками по Тульской дорогѣ прямо къ Подольску и завязать оттуда сношенія съ тѣмъ отрядомъ, который продолжалъ еще находиться на рязанской дорогѣ. Наполеонъ полагалъ при этомъ, что сынамъ Сарматіи будетъ легче, чѣмъ кому либо другому, собрать всѣ необходимыя свѣдѣнія у жителей, такихъ же славянъ, какъ и они сами, и отыскать такимъ образомъ слѣдъ непріятеля.

Въ то же время Мюратъ получилъ приказаніе принять на себя командованіе всѣми выдвинутыми впередъ войсками, увеличенными еще кавалерійскимъ отрядомъ подъ начальствомъ генерала Бесьера. Послѣдній также долженъ былъ занять Тульскую дорогу, пока Неаполитанскій король не установитъ прочной связи между обѣими колоннами французскаго авангарда.

Прибывъ въ Бронницу и видя, каково положеніе вещей, Мюратъ поспѣшилъ вернуться къ Боровскому мосту, перешелъ по нему на правую сторону рѣки Пахры и направился вверхъ по ней къ Подольску на соединеніе съ отрядами Бесьера и Понятовскаго. А въ это время оба они уже находились лицомъ къ лицу съ русской арміей, которая, наконецъ, была вновь найдена.

Докладъ Неаполитанскаго короля, который къ 26 сентября вернулся въ Кремль, вывелъ, наконецъ, Наполеона изъ тяжелаго раздумья, въ которомъ онъ находился уже втеченіе нѣсколькихъ дней (по словамъ Шамбре, впродолженіи даже 12 дней), не зная,

что предпринялъ Кутузовъ. «Это невѣдѣніе, прибавляетъ тотъ же авторъ, могло казаться прямо невѣроятнымъ, хотя причину его приходится искать не столько въ диспозиціяхъ русскаго главнокомандующаго, сколько въ безпорядкѣ, причиненномъ московскимъ пожаромъ, а также въ невыносимомъ состояніи дорогъ, на которыхъ совершенно перемѣшались слѣды отступавшаго обоза русской арміи и спасавшихся бѣгствомъ жителей.

Когда, наконецъ, новое мѣстопребываніе русской арміи было окончательно установлено, одно время сраженіе казалось неминуемымъ. Русскіе и на самомъ дѣлѣ не отказались бы теперь помѣряться силами съ Мюратомъ, если бы только они не опасались при этомъ встрѣтиться со всей великой французской арміей, которая въ дѣйствительности еще оставалась разсѣянной вокругъ Москвы. Они опасались, что, будучи разбиты, окажутся отрѣзанными отъ Калуги, которая являлась главнымъ предметомъ ихъ вниманія. Читая впослѣдствіи въ «Воспоминаніяхъ» Толля, опубликованныхъ г. Бернгарди, разсужденія русскихъ генераловъ по этому поводу, многіе сожалѣли, что Наполеонъ, оставаясь въ бездѣйствіи въ Кремлѣ и поджидая все время начала переговоровъ о мирѣ, не предпочелъ тогда двинуться вслѣдъ за своимъ авангардомъ, чтобы, воспользовавшись нерѣшительностью русскихъ, окончательно ихъ раздавить.

Между тѣмъ Кутузовъ, послушавшись совѣта весьма свѣдующаго въ военномъ дѣлѣ полковника, прикомандированнаго къ его генеральному штабу, имя котораго мы недавно упоминали, рѣшилъ отступить къ Тарутину, расположенному на рѣкѣ Нарѣ, гдѣ ему указали вполнѣ подходящую для укрѣпленія позицію; по словамъ Тьера, въ этомъ

мѣстѣ было не трудно возвести почти неприступный лагерь. Всѣмъ извѣстно, что неподалеку отъ Тарутино, въ Винковѣ, дѣйствительно вскорѣ развернулись серьезныя военныя дѣйствія, на Пахрѣ же и въ Горкахъ все сводилось лишь къ незначительнымъ стычкамъ.

Чтобы попасть въ Тарутино,—маленькій городокъ, расположенный въ 60 верстахъ отъ Москвы, надо отправиться по старой калужской дорогѣ, послѣдовательно проѣзжая черезъ Красное, Пахру, Чириковъ и, наконецъ, черезъ Вороново, извѣстное помѣстье графа Ростопчина, въ 51 верстѣ отъ Москвы, о которомъ мы уже упоминали раньше, и которое памятно въ исторіи Отечественной войны, такъ какъ именно здѣсь очутилась 20-го октября великая армія—къ сожалѣнію, она была теперь таковой лишь по имени—покинувъ, наконецъ, вмѣстѣ съ Наполеономъ Москву, послѣ болѣе чѣмъ пятинедѣльнаго отдыха; здѣсь эта армія встрѣтилась лицомъ къ лицу съ непріятелемъ въ то время, когда первые заморозки давали себя по временамъ чувствовать.

Но мы пока не будемъ забѣгать впередъ и станемъ продолжать обзоръ событій, имѣвшихъ мѣсто въ концѣ сентября. Къ счастью для русской арміи и къ несчастью для французовъ, первой все время приходилось имѣть дѣло лишь съ однимъ авангардомъ противника. Милорадовичъ, снова принявшій на себя командованіе русскимъ арьергардомъ, помѣрялся съ врагомъ силами въ нѣсколькихъ стычкахъ и ни разу не понесъ сколько-нибудь значительнаго пораженія. Около 30-го сентября Кутузовъ перешелъ возлѣ Бабенкова Мочу, незначительный притокъ Пахры, и, не останавливаясь въ Вороновѣ, поспѣшилъ приняться за устройство военнаго лагеря подъ Тарутинымъ. Между тѣмъ какъ Мило-

радовичъ, стѣсненный наконецъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, долженъ былъ отступить туда же только 2-го октября.

Въ роскошной помѣщичьей резиденціи, гдѣ московскій главнокомандующій любилъ окружать себя роскошью и шикомъ, и гдѣ была имъ собрана огромная коллекція скульптурныхъ произведеній и древностей, купленная имъ по большей частью въ Италіи (конечно, съ немалыми затратами) и предназначенная служить развлеченіемъ въ часы отдохновеній, въ этой резиденціи графа произошла тогда достопамятная сцена, которую большинство историковъ и біографовъ не совсѣмъ точно относятъ къ моменту выступленія русскихъ войскъ изъ столицы. На самомъ же дѣлѣ событіе это произошло гораздо позднѣе, а именно, 2-го октября, т. е. наканунѣ сраженія при Винково. Ростопчинъ, по словамъ графа Сегюра, опередилъ остальную армію. «Русскіе думали, что этотъ вельможа отправился туда, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на свой очагъ, какъ вдругъ это прекрасное зданіе исчезло изъ глазъ присутствовавшихъ въ клубахъ огня и дыма.»

Робертъ Вильсонъ, какъ мы уже говорили, незадолго передъ тѣмъ прибывшій въ русскій лагерь въ качествѣ англійскаго комиссара, сохранилъ для потомства описаніе сцены, имѣвшей мѣсто какъ разъ наканунѣ этой маленькой катастрофы, которую, конечно, нельзя и сравнивать съ той другой, изумившей весь міръ. Онъ самъ былъ свидѣтелемъ-очевидцемъ этой сцены, и его разсказъ, какъ намъ кажется, заслуживаетъ полнаго довѣрія.

Бенингсенъ, Ермоловъ и другіе члены генералитета изъ русскаго главнаго штаба, такъ же какъ и

англійскій генералъ и его адъютантъ лордъ Тырконнель, расположились бивуакомъ вокругъ костра, разведеннаго передъ великолѣпными конюшнями графскаго помѣстья. «Ростопчинъ мѣшалъ всѣмъ спать своими горькими жалобами на недовѣріе къ нему Кутузова, который, не предупредивъ его своевременно объ оставленіи Москвы, тѣмъ самымъ помѣшалъ ему явить міру великій примѣръ «римской доблести,» или, вѣрнѣе, спѣшилъ поправиться графъ, «доблести русской.»—«Я никогда не прощу ему этого,» прибавилъ графъ (и онъ, дѣйствительно, сдержалъ свое слово). «Но то, чего я не могъ совершить въ Москвѣ, я намѣренъ сдѣлать это здѣсь, сжигая своими собственными руками это роскошное жилище, которое я хотѣлъ бы въ этотъ моментъ видѣть въ двадцать разъ болѣе красивымъ и болѣе богатымъ.»

Ни мольбы, ни настоятельныя просьбы, ни доводы разсудка—ничто не могло поколебать его рѣшенія, и на завтра Ростопчинъ вошелъ внутрь своего дворца въ сопровожденіи своихъ гостей, которыхъ онъ попросилъ ему сопутствовать. Въ вестибюлѣ имъ всѣмъ роздали горящіе факелы. Войдя въ роскошную спальню, расположенную въ нижнемъ этажѣ, Ростопчинъ остановился на мгновеніе и, обращаясь къ британскому комиссару, сказалъ: «Это мое брачное ложе, у меня не хватаетъ духа и рѣшимости поджечь его; будьте добры, избавьте меня отъ этой тягостной обязанности.» Но англичанинъ согласился исполнить эту странную, обращенную къ нему просьбу, только послѣ того, какъ Ростопчинъ собственной рукой поджегъ всѣ остальные аппартаменты этого роскошнаго замка. Затѣмъ продѣлалъ то же самое и со своими

конюшнями, *) и самъ замеръ въ созерцаніи, какъ постепенно огонь сталъ охватывать и пожирать эти великолѣпныя постройки. Когда, наконецъ, окончательно рухнула прелестная группа, возвышавшаяся на фронтонѣ главнаго зданія, какъ разъ надъ его входомъ (слѣпокъ по образцу такой же группы Монте Кавалло), графъ воскликнулъ по французски, испустивъ вздохъ горькаго самоудовлетворенія: «теперь я доволенъ!»

Эта немного театральная сцена имѣла, внѣ всякаго сомнѣнія, глубокое значеніе для человѣка, который всего за нѣсколько дней передъ тѣмъ предалъ огню тысячи жилищъ, какъ богатыхъ, такъ и убогихъ, и лишилъ пріюта и убѣжища сотни тысячъ себѣ подобныхъ, большая часть которыхъ лишилась при этомъ всего своего имущества. И вотъ изъ боязни, какъ бы его не стали обвинять, что онъ пожертвовалъ имуществомъ другихъ и пощадилъ свое собственное, онъ и поспѣшилъ предать всесожженію свой дворецъ, который къ тому же все равно не избѣжалъ бы этой участи, такъ какъ его врядъ ли пощадила бы французская армія въ справедливой ярости, которую она питала къ его владѣльцу.

Англійскій комиссаръ при этомъ прибавляетъ, что, принеся эту жертву, графъ водрузилъ на дымящихся развалинахъ своего дворца доску со слѣдующей надписью: «Впродолженіи восьми лѣтъ я украшалъ этотъ загородный домъ и наслаждался въ немъ счастьемъ среди своей семьи (онъ имѣлъ

---

*) Въ имѣніи Вороново у Ѳ. В. Ростопчина былъ устроенъ значительный конскій заводъ, но ко времени сожженія имъ этого помѣстья всѣ лошади были оттуда переведены въ другое его имѣніе, въ Воронежской губ.

нѣсколько человѣкъ дѣтей, подававшихъ большія надежды). Жители этого помѣстья, въ числѣ 1720 душъ, покидаютъ его при вашемъ приближеніи, а я самъ, передъ своимъ удаленіемъ отсюда, предалъ его огню собственными руками, чтобы оно не было осквернено вашимъ присутствіемъ. Французы, я оставилъ вамъ оба свои дома въ Москвѣ со всей обстановкой, стоившей болѣе полумилліона рублей. Здѣсь же вы найдете только одинъ пепелъ!»

Согласимся, что это смахиваетъ немного на мелодраму, но въ головѣ того страннаго человѣка, описанію котораго мы посвящаемъ эти страницы, комедія, трагедія, мелодрама, грубое выставленіе напоказъ—все это перемѣшивалось, образуя причудливую амальгаму, интересную для изученія психолога.

Какая жалость, что открытія Галля, Шпурцгейма и Бруссо не были извѣстны раньше, еще при жизни нашего героя; быть можетъ, его голова не ускользнула бы отъ внимательнаго изученія послѣдователей краніоскопіи и среди различныхъ вмѣстилищъ органовъ чувствъ, быть можетъ, въ ней констатировали бы необычайное развитіе чувства разрушенія и чувства скрытности.

То, что въ приведенной нами надписи графъ говорилъ о крѣпостныхъ своего помѣстья, не было, однако, вымысломъ. Они, дѣйствительно, пришли къ нему во главѣ со своими стариками или старшинами, чтобы заявить своему б а р и н у, что они сдѣлали всѣ необходимыя приготовленія, дабы покинуть свою деревню и слѣдовать за русской арміей и просили у него разрѣшенія отправиться въ одно изъ сибирскихъ помѣстій графа. «Хоть на край свѣта, гово-

рили они, только бы не извѣдать владычества французовъ!» *)

Въ этотъ же самый день 2-го октября главныя силы арміи Кутузова расположились лагеремъ у Тарутино, гдѣ имъ предстояло оставаться болѣе двухъ недѣль. Между тѣмъ Милорадовичъ еще 4-го октября одержалъ у Винкова славную побѣду надъ отрядомъ французскихъ войскъ. «Тамъ, по словамъ графа Сегюра, еще 29-го сентября произошла оживленная схватка кавалеріи возлѣ Черикова, а вторая—4-го октября вблизи Винкова.

Милорадовичъ во время этой стычки сперва былъ оттѣсненъ, но затѣмъ съ яростью бросился снова на врага и двинулъ противъ генерала Себастіани 12-ти тысячный конный отрядъ. Несчастный французскій генералъ очутился въ такой опасности, что Мюратъ счелъ себя вынужденнымъ въ пылу битвы продиктовать просьбу о прекращеніи военныхъ дѣйствій и отправить ее съ парламентеромъ къ Кутузову. Парламентеромъ этимъ оказался Лористонъ. Но такъ какъ минуту спустя на помощь Себастіани прибылъ Понятовскій, благодаря чему французскій отрядъ получилъ даже нѣкоторое превосходство въ силѣ, неаполитанскій король не успѣлъ воспользоваться письмомъ, которое только что составилъ его секретарь Борелли. Онъ продолжалъ сраженіе до

Оставляя на отвѣтственности автора справедливость вышеприведенныхъ строкъ, здѣсь мы считаемъ нужнымъ указать, что вообще отношенія между Ѳ. В. Ростопчинымъ и его крѣпостными далеко не были идеальны. Крестьяне тяготились установленнымъ размѣромъ барщины и все время просились на оброкъ, но графъ не соглашался на это, грозя сослать непокорныхъ.

Прим. перев.

конца дня и въ концѣ концовъ оттѣснилъ Милорадовича.

Въ Тарутинскомъ лагерѣ русской арміи пришлось понести утрату въ лицѣ браваго генерала князя Багратіона, смерть котораго приходится приписать исключительно несчастнымъ обстоятельствамъ (такъ какъ рана его первоначально не казалась очень серьезной); онъ умеръ 24-го сентября въ деревнѣ Сими Владимирской губ. Здѣсь же въ самый день прибытія арміи ее покинулъ генералъ Барклай де-Толли точно такъ же, какъ и генералъ Ростопчинъ, который, вѣроятно, отправился вмѣстѣ съ нимъ.

По поводу послѣдняго мы должны здѣсь сказать, что онъ все время продолжалъ исполнять функціи московскаго губернатора, получая постоянныя донесенія изъ самаго сердца занятаго города и направляя туда свои приказы, и также воздѣйствуя на общественное мнѣніе своими прокламаціями. Доказательство этого мы находимъ въ полномъ собраніи сочиненій Ростопчина вышедшихъ въ 1853 году, и также въ книгѣ генерала Богдановича, который приводитъ тамъ документъ, къ сожалѣнію, слишкомъ длинный, чтобы мы могли здѣсь воспроизвести его цѣликомъ; но привести этотъ интересный документъ, хотя бы въ выдержкахъ, мы считаемъ необходимымъ. Это—прокламація, о которой мы, къ сожалѣнію, не знаемъ точно, когда она была издана; но по всѣмъ даннымъ она могла быть составлена лишь въ промежутокъ времени между оставленіемъ русской арміей старой столицы и началомъ печальнаго отступленія французскихъ войскъ. Вотъ любопытный образчикъ этой административной прозы:

«Крестьяне, жители московской губерніи! Врагъ рода человѣческаго, наказаніе Божіе за грѣхи наши, дьявольское навожденіе, злой французъ вошелъ въ

Москву, предалъ ее мечу, пламени. Ограбилъ храмы Божіи, осквернилъ алтари непотребствами, священные сосуды пьянствомъ, посмѣшищемъ. Надѣвали ризы вмѣсто попонъ, посорвали оклады, вѣнцы со святыхъ иконъ, поставилъ лошадей въ церкви православной вѣры нашей. Разграбилъ дома, имущества, надругался надъ женами, дочерьми, дѣтьми малолѣтними. Осквернилъ кладбище и до второго пришествія тронулъ изъ земли кости покойниковъ, предковъ нашихъ родителей...

Моритъ нашихъ съ голоду, а теперь какъ самому пришло ѣсть нечего, то пустилъ своихъ ратниковъ, какъ лютыхъ звѣрей, пожирать и вокругъ Москвы и вздумалъ ласково-сзывать васъ на торги, мастеровъ на промыселъ, обѣщая порядокъ, защиту каждому. Ужели, православные, вѣрные слуги царя нашего, кормилицы матушки-Москвы, на его слова положитесь и дадитесь въ обманъ врагу лютому, злодѣю кровожадному! Отыметъ онъ у васъ послѣднюю кроху, и придется вамъ умирать голодною смертію, а коли деньги дастъ, то фальшивыя, съ ними-же будетъ вамъ бѣда. Оставайтесь, братцы, непокорными-христіанскими воинами Божьей Матери... не слушайте пустыхъ словъ. Почитайте начальниковъ и помѣщиковъ, они ваши защитники, помощники, готовы васъ одѣть, обуть, кормить, поить. Истребимъ остальную силу непріятельскую, погребемъ ихъ на святой Руси, станемъ бить, гдѣ ни встрѣтятся; ужъ мало ихъ осталось, а насъ сорокъ милліонъ людей, слетаются со всѣхъ сторонъ, какъ стаи орлиныя. Истребимъ гадину заморскую и предадимъ тѣла ихъ волкамъ, вороньямъ, а Москва опять украсится, покажутся золотые верхи, дома каменные, навалитъ народъ со всѣхъ сторонъ. Пожалѣетъ ли отецъ нашъ, Александръ Павловичъ, мил-

ліонъ рублей на выстройку каменной Москвы... Онъ одинъ—помазанникъ Божій, и мы присягали ему въ вѣрности. Онъ—отецъ, мы дѣти его, а злодѣй французъ—некрещеный врагъ. Онъ готовъ продать и душу свою, уже былъ онъ и туркою, въ Египтѣ обасурманился, ограбилъ Москву, пустилъ нагихъ босыхъ, а теперь лается и говоритъ, что не быть грабежу, а все взято имъ, собакою, и все впрокъ не пойдетъ. Отольются волку лютому слезы горькія. Еще недѣльки двѣ, такъ кричать пардонъ станетъ, а вы будто не слышите; ужъ имъ одинъ конецъ, съѣдятъ все, какъ саранча, и станутъ мертвецами непогребенными; куда ни придутъ, туда и вали ихъ живыхъ и мертвыхъ въ могилу глубокую. Солдаты русскіе помогутъ вамъ...» и т. д. и т. д.

Что касается Барклая де-Толли, съ которымъ Ростопчинъ покинулъ Тарутинскій лагерь, то здѣсь, быть можетъ, не мѣсто объяснять причины его отъѣзда, но мы надѣемся, читатель извинитъ намъ это маленькое отступленіе, которое мы позволяемъ себѣ сдѣлать въ честь человѣка, чье имя пользовалось въ свое время обидной непопулярностью, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, по отзыву всѣхъ безпристрастныхъ судей, Барклай де-Толли соединялъ въ себѣ черты античнаго характера съ рѣдкимъ чувствомъ долга, какое только можетъ развить одна христіанская религія. Его скромность не уступала его безкорыстію; онъ одинъ съ самаго начала постигъ, при помощи какого плана кампаніи можно спасти Россію, такъ мало подготовленную въ то время, чтобы быть въ состояніи выдержать натискъ превышавшей ее численно арміи французской, во главѣ которой къ тому же стоялъ величайшій военный геній эпохи; и, несмотря на это, онъ съ покорностью передалъ командованіе арміей по приказу

Александра I менѣе способному, менѣе предусмотрительному и менѣе его образованному генералу, который лишь случайно пользовался популярностью и благодаря этому былъ опредѣленъ на отвѣтственный постъ. Но этого мало: новый Эпаминондъ согласился даже безъ всякихъ возраженій подчиниться власти своего преемника. А между тѣмъ Барклай де-Толли былъ, конечно, оскорбленъ неблагодарностью со стороны русскихъ; онъ даже подавалъ государю прошеніе о своей отставкѣ, но послѣдняя не была принята Александромъ I. Во время Бородинскаго сраженія, въ которомъ онъ командовалъ правымъ крыломъ русской арміи и неоднократно подвергался самому жестокому огню непріятельскихъ батарей, Барклай де-Толли, какъ видно изъ его письма къ Александру отъ 23-го сентября, приводимаго генераломъ Богдановичемъ, прямо подставлялъ себя подъ пули. Вотъ что писалъ онъ императору въ этомъ письмѣ: «Что касается меня лично, то я безропотно встрѣтилъ бы смерть, но самое горячее изъ моихъ желаній осталось неисполненнымъ 26-го августа (7-го сент. нов. ст.), и Провидѣніе предпочло сохранить мою жизнь, которая мнѣ въ тягость. Мнѣ остается умолять Ваше Величество исполнить просьбу, съ которой я имѣлъ честь обращаться къ Вамъ еще въ послѣднемъ своемъ письмѣ.»

Послѣ Бородинской битвы Кутузовъ не прекращалъ придираться къ своему знаменитому предшественнику по всякому поводу, такъ что положеніе послѣдняго вскорѣ стало совершенно невыносимымъ. Терзаемый самъ принятымъ имъ рѣшеніемъ оставить Москву непріятелю, фельдмаршалъ старался взвалить отвѣтственность за него на плечи Барклая де-Толли, повторяя при каждомъ случаѣ, что отступленіе отъ Москвы явилось лишь неизбѣжнымъ

послѣдствіемъ потери Смоленска. Подозрѣвая въ то же время, что Барклай де-Толли не вполнѣ одобряетъ его мѣры и операціи, Кутузовъ сталъ открыто проявлять къ нему ненависть, но, однако, не соглашался принять отъ него отставки, о которой просилъ Барклай де-Толли, заявляя, что не имѣетъ на это полномочій, и не прекращалъ своего оскорбительнаго отношенія къ нему, чтобы дать, по крайней мѣрѣ, возможность тому забыть прошлое. Ко всякаго рода проявленіямъ недостаточнаго уваженія въ Тарутинскомъ лагерѣ, по словамъ полковника Толля (а по свидѣтельству г. Вольцогена даже еще раньше, а именно, уже въ Красной Пахрѣ), Кутузовъ, наконецъ, присоединилъ и настоящее оскорбленіе. Несмотря на отвѣтственный постъ, занимаемый Барклаемъ, генералиссимусъ отдалъ распоряженіе, чтобы тотъ расположился со своимъ штабомъ внѣ черты лагерныхъ укрѣпленій, даже внѣ черты аванпостовъ русской арміи, какъ увѣряютъ нѣкоторые изъ свидѣтелей и въ томъ числѣ авторъ «Воспоминаній о Толлѣ». Это было ужъ слишкомъ явное оскорбленіе. Доведенный до крайности прежнимъ невозможнымъ обращеніемъ, Барклай де-Толли тотчасъ же заявилъ, что онъ не желаетъ ни минуты болѣе оставаться при арміи. Онъ принужденъ былъ, такимъ образомъ, самовольно принять то рѣшеніе, въ которомъ ему такъ упорно отказывали; покинувъ армію, онъ направился сперва въ Калугу, откуда увѣдомилъ Государя о предпринятомъ шагѣ, а вслѣдъ затѣмъ черезъ Владиміръ возвратился въ свое Ливонское помѣстье. Оттуда, изъ своего невольнаго уединенія, онъ представилъ Александру Павловичу докладную оправдательную записку и въ отвѣтъ на нее получилъ приглашеніе императора прибыть немедленно въ С.-Петербургъ. Но онъ уже

не засталъ въ столицѣ Александра I, который долженъ былъ спѣшно выѣхать въ Вильно.

Вернемся теперь въ Тарутинскій лагерь, гдѣ только что начинались активныя операціи.

Небольшая сравнительно схватка 4-го октября возлѣ Винково была не единственной, которая обезпечила этой деревушкѣ право занять почетное мѣсто на страницахъ исторіи. Французскіе писатели называютъ по имени этой же мѣстности другое, болѣе кровопролитное сраженіе, происшедшее двѣ недѣли спустя, 18-го октября, то самое, которое русскіе историки окрестили битвой при Тарутинѣ или у Чернишной, по имени ручья, протекающаго къ сѣверу отъ Винкова и впадающаго немного дальше въ Нару, которую московская армія въ это время имѣла уже за собой.

Во время переговоровъ, завязавшихся, какъ мы указывали выше, между княземъ Кутузовымъ и генераломъ Лариссономъ, который прибылъ къ русскимъ аванпостамъ 5-го октября, было рѣшено прекратить на время военныя дѣйствія. По словамъ французскихъ писателей, это перемиріе еще продолжалось, когда Кутузовъ, соблазнившись плохо укрѣпленной позиціей Неаполитанскаго Короля у Винкова и его безпечностью, и подталкиваемый къ тому же совѣтами полковника Толля, отъ вниманія котораго также не ускользнула выгодность положенія русской арміи, рѣшилъ неожиданно напасть на непріятеля, измѣняя въ данномъ случаѣ принятой имъ системѣ доканать Наполеоновскую армію суровостью русскаго климата. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, онъ ничѣмъ почти не рисковалъ, такъ какъ былъ увѣренъ, что ему не придется имѣть дѣло съ самимъ Наполеономъ, неизмѣримо превосходившимъ его силой своего генія. Кутузовъ возло-

жилъ на Беннигсена, дѣйствовавшаго въ согласіи съ Толлемъ, не только принятіе необходимыхъ диспозицій, но и высшее командованіе этимъ выступленіемъ русской арміи, сохранивъ за собой лишь командованіе лѣвымъ крыломъ ея.

Въ ночь съ 17-го на 18-ое октября войска праваго крыла русскихъ прошли въ глубокомъ молчаніи лѣсъ, тянувшійся между Чернишной и Нарой и расположенный передъ лѣвымъ крыломъ французскаго авангарда. На самомъ разсвѣтѣ генералъ Себастіани увидѣлъ себя неожданно оттакованнымъ превосходными силами русскихъ, которыя старались отрѣзать его отрядъ отъ Воронова.

Генералъ Багговутъ, командовавшій вторымъ русскимъ корпусомъ, проявилъ въ этомъ дѣлѣ чудеса храбрости, пока не поплатился, наконецъ, за нихъ своей жизнью; а принцъ Евгеній Вюртембергскій, имѣвшій подъ своимъ начальствомъ одну изъ дивизій этого корпуса, выказалъ себя весьма распорядительнымъ и неустрашимымъ военноначальникомъ. По словамъ Сегюра, который болѣе правдиво излагаетъ событія этого дня, чѣмъ, напр., Тьеръ, первая линія Мюрата была разбита и отброшена, его лѣвый флангъ обойденъ, а отступленіе—отрѣзано. Двѣнадцать пушекъ, двадцать зарядныхъ ящиковъ и 300 обозныхъ фургоновъ были захвачены русскими; два французскихъ генерала были убиты; кромѣ того французы потеряли отъ 3 до 4.000 рядовыхъ и весь обозъ; наконецъ самъ неополитанскій король, прискакавшій на мѣсто сраженія и предотвратившій, благодаря усиліямъ собственной храбрости, окончательное пораженіе своего отряда,—былъ раненъ.

Къ счастью для него, русскіе обнаружили въ этомъ дѣлѣ нѣкоторое колебаніе, быть можетъ, даже

робость передъ возможностью встрѣтиться съ самимъ Наполеономъ, одно имя котораго способно было наводить на нихъ страхъ. Какъ и всѣ другіе участники этого сраженія, полковникъ Толль былъ озабоченъ этой мыслью и считался съ нею даже въ самомъ разгарѣ битвы. Вытекавшая отсюда нерѣшительность позволила храброму и энергичному Мюрату послѣ ряда тщетныхъ усилій одержать, наконецъ, верхъ и спасти, такимъ образомъ, остатки французскаго авангарда, который, будучи и безъ того уже значительно ослабленъ, казалось, долженъ былъ быть окончательно уничтоженъ.

По полученіи извѣстія объ исходѣ сраженія при Винковѣ, сраженія, которое, по словамъ Тьера; «было блестящимъ для французскаго авангарда, но въ то же время обнаружило какъ слабость позиціи Мюрата, такъ и недостаточную предусмотрительность его самого и его ближайшихъ помощниковъ», Наполеонъ рѣшился, наконецъ, покинуть Москву, въ которой онъ находился уже болѣе мѣсяца.

Горя нетерпѣніемъ получить реваншъ и не желая позволить Кутузову укрѣпиться въ позиціи, столь близкой отъ его собственной генеральной квартиры и Смоленской дороги, которая являлась единственной нитью, связывавшей его съ западной Европой, Наполеонъ отдалъ приказаніе всей своей арміи двинуться впередъ по Калужской дорогѣ. Онъ, правда, тогда еще окончательно не рѣшилъ идти походомъ до самой Калуги, гдѣ надѣялся расположиться на зимнія квартиры, и поэтому, покидая Москву, оставилъ тамъ въ Кремлѣ генерала Мюрата съ 10-ти тысячнымъ отрядомъ.

Рѣшеніе Наполеона было окончательнымъ лишь въ одномъ отношеніи: предпринимая движеніе на Калугу, онъ тѣмъ самымъ отказывался отъ своего первоначальнаго проэкта идти на сѣверъ, по на-

правленію къ С.Петербургу, чтобы окончательно устрашить Александра I и продиктовать ему тамъ свои условія мира, которыя онъ такъ тщетно предлагалъ русскому императору и въ письмахъ и при помощи парламентеровъ. Предпріятіе это улыбалось Наполеону уже по одному тому, что оно заключало въ себѣ характеръ оскорбленія по адресу врага, отъ котораго ему стоило большого труда отказаться. Но, съ одной стороны, великаго полководца заставили призадуматься легкіе заморозки, начавшіеся съ 13-го октября; съ другой—онъ не считалъ удобнымъ удаляться на сѣверъ; оставляя позади у себя молдавскую армію, во главѣ которой адмиралъ Чичаговъ уже достигъ береговъ Днѣпра и собирался соединиться съ отрядомъ Тормасова. Вслѣдствіе всего этого Наполеонъ счелъ нужнымъ отказаться отъ плана, который онъ такъ долго лелѣялъ.

Между тѣмъ, оставаться въ Москвѣ, какъ настоятельно совѣтовалъ ему графъ Дарю,—это значило еще больше себя изолировать; да къ тому же тамъ не хватало уже фуража для лошадей и скота, предназначеннаго на убой.

Всегда такой рѣшительный до того времени, Наполеонъ теперь колебался. Не отказываясь совершенно отъ мысли объ отступленіи, онъ отвергъ планъ покинуть Москву. Вѣдь одинъ видъ обратнаго движенія могъ оказать досадное для него вліяніе на общественное мнѣніе Европы, а этого онъ хотѣлъ избѣжать какой бы то ни было цѣной. Онъ рѣшилъ поэтому раздѣлить армію между Москвой и Калугой, такъ какъ еще надѣялся утвердиться во второмъ изъ этихъ городовъ, не распрощавшись окончательно съ первымъ.

Во время этихъ колебаній и нерѣшительности, его какъ громомъ поразило извѣстіе о сраженіи при

Винковѣ. «Оно заставило его, говоритъ де-Сегюръ, обрѣсти мужество первыхъ лѣтъ своей славы. Тысячи приказовъ, касавшихся новаго похода и предусматривавшихъ всѣ мелочи, приказовъ различныхъ и въ то же время строго согласованныхъ и необходимыхъ, посыпались, какъ изъ рога изобилія, изъ его геніальной головы. Еще не успѣла окончиться ночь, какъ уже вся французская армія пришла въ движеніе и направилась по пути въ Вороново

Утромъ, 19-го октября, французскій императоръ самъ лично отправился по Калужской дорогѣ, а вечеромъ того же дня, опередивъ армію, онъ соединился съ авангардомъ Мюрата. Окинувъ своимъ орлинымъ взглядомъ позиціи непріятеля, онъ сразу же прекрасно понялъ, что Тарутинскій лагерь является для него серьезнымъ препятствіемъ, отъ котораго ему врядъ ли удастся отдѣлаться однимъ сраженіемъ и притомъ сраженіемъ въ крайне невыгодныхъ условіяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, позиція, занятая Кутузовымъ, была настолько превосходна, что онъ самъ, понимая прекрасно ея преимущество, не переставалъ повторять: «Война только теперь начинается».

Въ его лагерь со всѣхъ сторонъ притекали люди и съѣстные припасы: патріотическій энтузіазмъ, охватившій все русское населеніе, казалось, не имѣлъ границъ; люди готовы были все принести въ жертву и опережали въ своихъ порывахъ желанія главнокомандующаго. Данилевскій правъ, утверждая, что время пребыванія фельдмаршала въ Тарутинѣ, «было славнѣйшей эпохой его жизни». Здѣсь его слава, дѣйствительно, достигла своего апогея.

Быстро постигнувъ все это, Наполеонъ выработалъ, наконецъ, свой планъ. Онъ не могъ вернуться къ Смоленску по Можайской дорогѣ, которая была

совершенно опустошена во время предыдущаго похода и превратилась теперь въ настоящую пустыню, но если бы ему удалось совершить передвиженіе на Калугу, оттуда онъ могъ бы направиться къ тому же Смоленску, по совершенно нетронутымъ еще мѣстамъ и притомъ гораздо болѣе плодороднымъ. Только корпусъ Нея, согласно плану Наполеона, долженъ былъ направиться по старому пути. Самъ же онъ, не будучи въ состояніи пройти въ Калугу мимо укрѣпленнаго непріятеля, рѣшилъ обойти это затрудненіе, перемѣстившись со старой Калужской дороги на новую. Онъ надѣялся достигнуть этого города, избѣгнувъ сраженія, и направился 20-го октября на Боровскъ и Малоярославецъ.

Такимъ образомъ, Наполеонъ со своей стороны совершилъ фланговое передвиженіе, прячась отъ Кутузова, и направился къ центральному городу сосѣдней губерніи, въ надеждѣ найти тамъ изобиліе съѣстныхъ припасовъ и стать, наконецъ, на твердую почву, которую онъ начиналъ уже терять подъ собой.

Планъ Наполеона былъ бы геніаленъ, если бы его не обманула удача. Кутузовъ, побуждаемый англійскимъ комиссаромъ, (который состоялъ возлѣ него въ качествѣ своего рода ментора), а также и русскими генералами, не далъ застигнуть себя врасплохъ.

При упоминаніи Малоярославца въ нашей памяти воскресаетъ страшная битва, которую пришлось выдержать Наполеону 23-го и 24-го октября противъ энергичнаго Дохтурова, подкрѣпленнаго еще корпусомъ Раевскаго. Въ этой битвѣ погибъ славной смертью храбрыхъ Дороховъ. Городъ этотъ до семи разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, прежде чѣмъ лѣнивый Кутузовъ собрался двинуться къ нему съ

остальной русской арміей. Французы одержали, правда и на этотъ разъ, побѣду *), но не на столько рѣшительную, чтобы она обезпечила Наполеону осуществленіе его плана. Чтобы достигнуть Калуги, ему пришлось бы на завтра еще разъ вступить въ бой, еще болѣе смертоносный, тогда какъ французская армія и безъ того уже была отягощена многими тысячами раненыхъ и больныхъ. Военный совѣтъ, созванный Наполеономъ, высказался противъ возобновленія попытки пробиться къ Калугѣ. По мнѣнію членовъ этого совѣта, не оставалось ничего другого, какъ вернуться къ Смоленску по кратчайшей дорогѣ, иными словами, по дорогѣ, уже опустошенной, черезъ Можайскъ и Вязьму.

Не будь онъ такъ связанъ больными и ранеными, Наполеонъ никогда не согласился бы съ мнѣніемъ своего военнаго совѣта. Онъ не отступилъ бы передъ необходимостью принять рѣшительный бой, который отнынѣ одинъ только могъ открыть ему путь на Калугу. Кутузову было, конечно, не по плечу тягаться съ нимъ, и онъ самъ прекрасно чувствовалъ это: вѣдь всегда въ присутствіи генія и подъ его вліяніемъ посредственные умы теряютъ всякую рѣшительность. Но, тѣмъ не менѣе, успѣхъ предстоящаго сраженія оставался для Наполеона все-таки проблематическимъ, да и что могъ онъ предпринять съ десяткомъ тысячъ новыхъ раненыхъ на рукахъ? Итакъ, послѣ долгой внутренней борьбы, онъ принужденъ былъ уступить. Отступленіе, собственно говоря, было окончательно рѣшено 27-го октября, когда начались серьезные холода. Но мы

---

*) Русскіе очевидцы и историки считаютъ битву подъ Малоярославцемъ не побѣдой, а пораженіемъ французовъ, и эта точка зрѣнія, конечно, правильнѣе.

не намѣрены здѣсь пускаться въ описанія печальной исторіи этого отступленія.

Какъ уже было выше сказано, желая удержать за собой Москву, Наполеонъ оставилъ тамъ своего маршала, герцога Тревизы, съ десятитысячнымъ корпусомъ. Но предвидя заранѣе, что походъ, на который онъ рѣшился, наконецъ, 20-го октября, можетъ лишить его возможности поддерживать сообщеніе со столицей, чтобъ прійти на помощь ея гарнизону въ случаѣ опасности, Наполеонъ сдѣлалъ теперь распоряженіе объ оставленіи Москвы. Мортье было предписано выступить изъ столицы, взявъ съ собой, если возможно, больныхъ и раненыхъ и взорвавъ предварительно Кремль при помощи заранѣе заложенныхъ уже минъ. Онъ долженъ былъ направиться по Верейской дорогѣ, которая являлась однимъ изъ развѣтвленій Смоленской, чтобы соединиться тамъ съ остальной французской арміей. Послѣдніе дни пребыванія французовъ въ Москвѣ ознаменовались двумя событіями, которыя слѣдуетъ отмѣтить. Первымъ изъ нихъ было плѣненіе русскаго генерала барона Винцингероде, который попался непріятелю совершенно случайно, будучи увѣренъ, что Москва уже очищена французами. Вторымъ событіемъ этихъ дней было сожженіе дворца графа Ростопчина. Инструкціи, оставленныя Наполеономъ Мортье, гласили буквально слѣдующее: «позаботиться о поджогѣ двухъ домовъ прежняго московскаго губернатора, графа Ростопчина».

Размѣстивъ около 1200 тяжело раненыхъ, которые все равно не могли бы вынести трудности пути и умерли бы по дорогѣ, въ воспитательномъ домѣ и сдѣлавъ необходимыя распоряженія, чтобы Московскій Кремль былъ взорванъ послѣ его выступленія

за городъ, Мортье предоставилъ, наконецъ, Москву ея собственной участи.

23-го октября, въ 6 часовъ вечера, подъ покровомъ наступившей темноты московскій гарнизонъ французовъ тронулся въ путь, направившись къ Смоленской и Калужской заставамъ въ сопровожденіи огромнаго обоза, нагруженнаго на безконечныя вереницы ломовыхъ телѣгъ.

Это отступленіе, говоритъ нѣмецкій офицеръ-очевидецъ, совершалось въ глубочайшемъ молчаніи, лишь немногіе изъ московскихъ жителей могли замѣтить его, тѣмъ болѣе, что всѣ улицы по дорогѣ изъ Кремля были еще забаррикадированы для постороннихъ. «Десяти тысячъ человѣкъ пѣхоты и двухъ тысячъ каваллеріи было вполнѣ достаточно, чтобы окончательно раздавить весь корпусъ Мортье. Но, къ сожалѣнію, русская армія не была тогда освѣдомлена о происходившемъ въ Москвѣ, хотя для этого было бы вполнѣ достаточно располагать какой-нибудь сотней умѣлыхъ шпіоновъ.

«Нѣтъ особой надобности прибавлять, говоритъ тотъ же авторъ, что мины, заложенныя подъ зданія Кремля, были устроены съ такимъ разсчетомъ, чтобы они взорвались лишь, когда гарнизонъ московскій отойдетъ на значительное разстояніе отъ столицы. Въ одинъ моментъ огонь охватилъ всѣ обширныя сооруженія арсенала. Вслѣдъ за первымъ взрывомъ съ короткими промежутками послѣдовали шесть другихъ. Не было ничего страшнѣе этого...» Дѣйствительно, сотрясеніе, произведенное этими взрывами, было огромно: во всѣхъ окрестныхъ домахъ настежъ открывались двери отъ сильнаго толчка, вдребезги разлетѣлись всѣ стекла въ окнахъ, а осколки ихъ съ силой врѣзывались въ противоположныя стѣны. Кирпичи и каменныя плиты были

отброшены силой взрыва болѣе чѣмъ на 500 шаговъ. Многіе дома пошатнулись или дали трещины. Кремлевскія башни и часть стѣнъ были разрушены (?); они должны были бы окончательно превратиться въ груду развалинъ, если бы старыя сооруженія, возведенныя еще противъ татаръ, не оказались достаточно прочными, чтобы устоять противъ разрушительнаго дѣйствія современнаго пороха.»

По словамъ генерала Сегюра, разсказъ котораго, какъ, впрочемъ, и вся книга этого автора, носитъ нѣсколько драматическій отпечатокъ, страшный взрывъ раздался въ тотъ моментъ, «когда оборванные и грязные мужики, движимые жаждой грабежа, сбѣгались со всѣхъ сторонъ къ покинутому Кремлю, прислушивались къ тишинѣ и уже начали взбираться на его стѣны.» И вдругъ «эти стѣны рухнули, увлекая за собой всѣхъ тѣхъ, кто только что собирался ихъ грабить. Подброшенные на воздухъ силой взрыва вмѣстѣ съ 30.000 ружей, которые хранились въ Арсеналѣ, грабители эти оказались растерзанными на куски; отъ людей уцѣлѣли лишь отдѣльныя части тѣла, падавшія на землю вмѣстѣ съ обломками оружія, въ видѣ страшнаго кроваваго дождя.»

Эти драматическія подробности взрыва Кремля способны сильно подѣйствовать на воображеніе читателей, но, къ сожалѣнію, свидѣтели-очевидцы не подтверждаютъ всѣхъ ужасовъ. Мы не можемъ поэтому обвинять въ молчаніи Тьера; который совершенно не упоминаетъ объ этихъ подробностяхъ. Но и Сегюръ можетъ найти оправданіе своей реторикѣ, съ какой онъ описываетъ послѣдній актъ ужасной московской катастрофы: самъ Наполеонъ почти въ такихъ же выраженіяхъ говорилъ о ней въ своихъ бюллетеняхъ и объявленіяхъ. «Земля дрожала подъ ногами генерала Мортье, продолжаетъ историкъ ве-

ликой арміи. Самъ Наполеонъ, находившійся въ это время въ Фоминскомъ, за 10 лье отъ Москвы, услышалъ этотъ взрывъ, и, въ порывѣ гнѣва онъ объявилъ на завтра въ прокламаціи, помѣченной Боровскимъ, что «Кремль, Арсеналъ и всѣ магазины разрушены; старая крѣпость, которая существовала съ первыхъ дней основанія русской монархіи, точно также какъ и дворцы русскихъ царей, повергнуты въ прахъ; отнынѣ Москва представляетъ лишь груду развалинъ, мусорную яму отбросовъ, лишенную всякаго политическаго и военнаго значенія».

Но это были только слова. Въ дѣйствительности же Москва скоро стала такой же, какой была и раньше. Самый городъ, представлявшій послѣ пожара, дѣйствительно, кучу развалинъ, вскорѣ возсталъ изъ пепла еще болѣе красивымъ, чѣмъ раньше, хотя, быть можетъ, менѣе оригинальнымъ. Кремль же не былъ даже совершенно разрушенъ; лишь часть его стѣнъ была повреждена, преимущественно со стороны Красной площади, да нѣсколько угловыхъ башенъ дали трещины, но, какъ утверждаютъ свидѣтели-очевидцы, въ цѣломъ эти солидныя сооруженія устояли, несмотря на всю силу взрыва, и чтобы привести все въ прежній видъ, потребовалось лишь нѣсколько мѣсяцевъ работы по исправленію поврежденій.

Когда Мортье прибылъ въ Верею, тамъ онъ засталъ Наполеона, который, какъ мы уже говорили, послѣ кровопролитнаго сраженія при Малоярославцѣ, принужденъ былъ также свернуть на Смоленскую дорогу. Хотя онъ и вышелъ побѣдителемъ изъ этого сраженія благодаря чудесамъ доблести, обнаруженнымъ французской арміей, но, тѣмъ не менѣе, Кутузовъ преградилъ ему дорогу на Калугу, и онъ долженъ былъ направиться къ Можайску.

На этомъ мы прервемъ нашъ разсказъ, умолкая предъ тѣми ужасными бѣдствіями, которыя постигли вслѣдъ затѣмъ французскую армію, передъ тысячами печальныхъ жертвъ, которыми усѣянъ былъ весь путь ея до самой Березины, передъ тщетными усиліями генія самого великаго полководца,[1] который не переставалъ до этой минуты дѣлать все возможное, чтобы избѣжать преслѣдованія русскихъ войскъ, слѣдовавшихъ по его пятамъ и надвигавшихся съ обоихъ фланговъ: какъ съ сѣвера, такъ и съ юга. Мы покидаемъ французскую армію 28-го октября, наканунѣ страшныхъ холодовъ, свойственныхъ суровому климату Россіи, которые вскорѣ окончательно деморализовали французскихъ солдатъ, сломили ихъ силы и покрыли ихъ трупами обширныя пространства, отдѣлявшія этихъ воиновъ отъ ихъ родного пріюта. Что могли бы мы прибавить къ печальной картинѣ этого отступленія, вполнѣ оправдавшаго надежды Кутузова, послѣ того что уже сказано было по этому поводу Сегюромъ и Тьеромъ?

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе переводчика	3
Глава I. Происхожденіе, юношескіе годы и начало служебной карьеры Ростопчина въ качествѣ любимца Павла I и министра иностранныхъ дѣлъ	13
Глава II. Дѣятельность Ростопчина при Александрѣ I до назначенія его главнокомандующимъ г. Москвы (1801—1812 гг.).	52
Глава III. Послѣдствія Бородинскаго боя и пожара Москвы. Рѣшенія Кутузова	78
Глава IV. Сношенія гр. Ростопчина съ Кутузовымъ и арміей. Занятіе Москвы французами	113
Глава V. Пожаръ Москвы и оставленіе ея французами	159

Изданія Литературно-Научнаго Книгоиздательства.
С.-Петербургъ, Невскій просп., № 3.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

Переводъ съ французскаго.

Съ портретомъ автора и указателемъ именъ, встрѣчающихся въ „Запискахъ".

Цѣна 1 р. 25 к.

ЗАПИСКИ
КНЯГИНИ
ЕКАТЕРИНЫ ДАШКОВОЙ.

Переводъ съ перваго англійскаго изданія, съ портретомъ автора, предисловіемъ и указателемъ именъ, встрѣчающихся въ „Запискахъ".

Цѣна 1 р. 25 к.

Изданія Литературно-Научнаго Книгоиздательства.
С.-Петербургъ, Невскій просп., № 3.

Новая книга.

Д-ръ РООСЪ.

СЪ НАПОЛЕОНОМЪ ВЪ РОССІЮ.

Воспоминанія врача о походѣ 1812 года.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Цѣна 1 руб.

Новая книга.

РУА.

Французы въ Россіи.

Воспоминанія о войнѣ и двухъ годахъ плѣна.

Переводъ съ предисловіемъ и примѣчаніями *А. Ельницкаго.*

Цѣна 1 руб.

Изданія Литературно-Научнаго Книгоиздательства.
С.-Петербургъ. Невскій просп., № 3.

Г. Зудерманъ.

Индійская лилія.

Цѣна 80 коп.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Я. Вассерманъ. **Золотое зеркало,** романъ въ разсказахъ, съ пред. В. Ирецкаго, перев. И. Е. Дойлицкой. Ц. **1** р.

Отто Рунгъ. **Бѣлая яхта,** романъ. Ц. **1** р.

Целадонъ. **Всемогущее золото,** романъ, съ предисл. В. Ирецкаго, перев. И. Е. Дойлицкой. Ц. **1** р.

Жюль Ромэнъ. **Смерть неизвѣстнаго,** ром. Ц. **1** р.

2007041339